

Другая сестра Деннет

Дженис
Хэдлоу

Прекрасная адаптация
«Гордости и предубеждения»
в духе Джейн Остин.

Сюжеты вне времени

Дженис Хэдлоу

Другая сестра Беннет

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Хэдлоу Д.

Другая сестра Беннет / Д. Хэдлоу — «Издательство АСТ»,
2020 — (Сюжеты вне времени)

ISBN 978-5-17-149929-7

Что, если бы жизнь Мэри пошла по иному пути, отличному от уготованного ей Джейн Остин? Что, если разочарованная интеллектуалка из семьи Беннет, обычная девушка, которая ищет спасение в книгах, в конце концов находит то, что отыскиали ее более симпатичные и уверенные в себе сестры? Путь Мэри такой же, как у каждой героини Остин, но ее судьба отличается от других сестер. Ей придется избавиться от ложных ожиданий и надежд, которые затмевают ее истинную природу и мешают ей делать то, что приносит счастье. Придя к пониманию и принятию себя, у нее есть шанс обрести умиротворение и ясность взгляда. Как и во всех романах Остин, она должна решить, действительно ли любимый ею человек – для нее. В «Другой сестре Беннет» Мэри – полноценный персонаж – сложный, противоречивый и часто неуверенный; но также ранимый, в высшей степени сочувствующий и в конечном счете главный герой повествования.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-149929-7

© Хэдлоу Д., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая	6
– 1 –	6
– 2 –	9
– 3 –	13
– 4 –	16
– 5 –	20
– 6 –	24
– 7 –	29
– 8 –	34
– 9 –	36
– 10 –	40
– 11 –	43
– 12 –	44
– 13 –	46
– 14 –	49
– 15 –	52
– 16 –	54
– 17 –	56
– 18 –	62
– 19 –	64
– 20 –	66
– 21 –	69
– 22 –	72
– 23 –	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Дженис Хэдлоу Другая сестра Беннет

Janice Hadlow

THE OTHER BENNET SISTER

Copyright © 2020 by Janice Hadlow

© А. Ляхова, В. Коваленко, М. Пономарева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть первая

– 1 –

Печальный жизненный факт – если уж молодой женщине не повезло попасть в этот полный ожиданий мир, то лучше ей сделать все возможное, чтобы родиться красивой. Быть хорошенькой и бедной само по себе несчастье, однако быть дурнушкой без гроша в кармане – вот действительно тяжелая судьба.

Четыре из пяти сестер Беннет из Меритона в графстве Хартфордшир были предусмотрительны в достаточной степени – ровно настолько, чтобы родиться миловидными, а потому считаться красавицами в тех узких кругах, в которых вращались. Старшая из сестер, Джейн, выделялась из них больше всех. Очарование ее лица и фигуры дополнялось скромным складом характера. Элизабет, вторая сестра, мельчайшие недостатки своей внешности восполняла остроумием и живостью характера, в то время как Кэтрин и Лидия, две младшеньких, являли собой всю свежесть юности в сочетании со склонностью к смеху и кокетству – что весьма нравилось молодым людям с такими же кричащими и невзыскательными стремлениями. И только Мэри, средняя дочь, не обладала ни красотой, ни остроумием, ни обаянием; однако ее сестры блистали так ярко, что, казалось, скрывали ее недостатки и даже вовсе заставляли забыть о ее присутствии. Поэтому к тому моменту, как они выросли, семья Беннет считалась одной из самых приятных в графстве.

Как бы то ни было, все знали, что материальным перспективам молодых девушек, в отличие от их красоты, едва ли позавидуешь. На первый взгляд семья казалась вполне обеспеченной. Беннеты были одними из самых заметных обитателей Лонгборнской деревушки, а их дом – солидный, но непримечательный – недостаток роскошного убранства восполнял комфортом. Семейству за столом было кому прислуживать, кроме того, повар заправлял кухней, а садовник следил за порядком в саду. И несмотря на то, что владения мистера Беннета были невелики, их вполне хватало на то, чтобы поддерживать его репутацию приличного джентльмена. Немногие из семей, с которыми они близко общались, были достаточно богаты или благородны, чтобы относиться к ним свысока, поэтому Беннеты считались почтенным украшением Хартфордширского общества.

Но в деревнях редко бывает, что имущество действительно целиком и полностью принадлежит какой-то семье, и все знали, что внешнее процветание Беннетов покоилось на весьма зыбких основаниях. Собственность Беннетов подлежала обязательному наследованию, а наследниками могли быть исключительно мужчины. Если в семье Беннетов не суждено было родиться сыну, то все их имущество в конце концов перешло бы кузену мистера Беннета. Поначалу никто не придавал этому особого значения. С того момента, как с многообещающей регулярностью в Лонгборне начал появляться один ребенок за другим, это был лишь вопрос времени, когда в семье Беннетов родится долгожданный мальчик. Но когда девочек стало уже пять и пришлось признать тот факт, что наследников более не предвидится, на счастье семьи легла мрачная тень. После смерти мистера Беннета его жена и дочери не получили бы ничего, кроме четырех процентов от пяти тысяч фунтов, а также унижительной надежды на сомнительную благотворительность от дальнего и незнакомого родственника. Друзья Беннетов не оставались равнодушными к бедственному положению семьи, однако это ничуть не ослабляло их любопытства по поводу того, какое будущее ожидало означенное семейство. Ибо что может быть более захватывающим, чем наблюдать из первых рядов возможный крах целой семьи?

Мистер Беннет не собирался доставлять своим соседям удовольствие и не выказывал явного разочарования по поводу жестокой насмешки судьбы, что лишила зависящих от него

людей той финансовой стабильности, которой они, по его надеждам, должны были когда-то насладиться. Для всего мира он оставался таким же, каким был всегда: невозмутимым весельчаком, по-видимому, смирившимся с тем, чего не в силах был изменить. Свое беспокойство он едва ли выказывал и в кругу семьи. Возможно, именно в те долгие часы, что мистер Беннет проводил в библиотеке, он боролся с собой, пытаясь найти способ выбраться из столь затруднительного положения. Если и так, то со своими родными он не делился ни умозаключениями, ни тревогами.

Жена его, однако, подобной сдержанностью не обладала. Миссис Беннет и думать ни о чем другом не могла, как о тех невзгодах, что сулили выпасть на судьбу ее самой и ее дочерей после смерти мистера Беннета. Нередко как дома, так и за его пределами из уст ее вырывались сетования на лукавство судьбы. По собственным заверениям миссис Беннет, ее нервы не выдерживали напряжения, вызванного столь печальным положением дел. Как у кого-то могло хватить наглости отобрать дом у ее дочерей – этого она понять не могла. И пока никто и ничего не мог с этим поделать, разорение висело над ними тяжелым роком. Миссис Беннет не обладала ни большим умом, ни ярким воображением, однако отличалась немалой энергией и целеустремленностью, которые со всем упорством, на какое только была способна, она посвятила поиску выхода из их неприятного положения. Вскоре миссис Беннет убедилась в том, что выход из тех невзгод, в которые попали ее девочки, может быть только один: они должны выйти замуж, и чем быстрее и выгоднее, тем лучше. Если отец не смог обеспечить будущее дочерям, то девочки сами должны были найти себе мужей, которые сделают это за него.

Увидеть, как ее дочери выходят замуж за молодых людей с весьма достойным материальным положением, развеяло бы многие страхи миссис Беннет. Однако фантазии о том, как девочки объединят свои судьбы с людьми солидного и значительного достатка, были ее радостью, не омраченной частыми раздумьями. Ничто не делало миссис Беннет более счастливой, чем мысли о том, что во владениях ее дочерей окажутся элегантные дома с холмистыми парками, а также уверенность в том, что больше никогда она не услышит этого ужасного слова «наследство». Безусловно, она прекрасно знала: богатых холостяков не так уж просто отыскать, а еще сложнее удержать, тем более девушкам, которые не могли похвастаться роскошным приданым. Но миссис Беннет не теряла присутствия духа. Она верила в то, что ее девочки обладают тем преимуществом, которое позволило бы им одержать победу над всеми трудностями. Другие девушки могли быть богаты, однако ее дочерей отличала красота. Именно это, как считала миссис Беннет, было тем благословенным даром, который проложит им путь к богатству. Внешность ее дочерей привлекла бы мужчин избранных, ослепив их, завоевав сердца, и убедила бы забыть о холодных, корыстных побуждениях здравого смысла. Миссис Беннет свято верила в то, что, за неимением десяти тысяч фунтов за душой, хорошенькое личико оставалось самым ценным, чем может обладать молодая девушка.

Собственный ее опыт лишь подкреплял эту веру, поскольку двадцатью пятью годами ранее именно юная красота миссис Беннет привела к алтарю совершенно потерявшего голову мистера Беннета, несмотря на все препятствия на пути к их союзу. Один взгляд на ее прекрасное личико, и Беннет забывал о том, что ее отец был всего лишь провинциальным юристом из Меритона, а брат жил где-то неподалеку от его собственных складов в Чипсайде. Мистер Беннет был решительно настроен жениться, и, вопреки всем советам, это и сделал. В целом результат такого союза миссис Беннет вполне удовлетворял. Да, мистер Беннет оказался весьма эксцентричным человеком, дразнившим ее больше, чем она полагала необходимым. Однако, как хозяйка Лонгборна, она владела поместьем достаточно обширным, чтобы тешить свое тщеславие, а положение мужа давало ей удовольствие покровительствовать своим менее удачливым знакомым при каждом удобном случае. Для мистера Беннета, однако, преимущества их брака оказались куда менее очевидными. Его неспособность рассудить, доставит ли ему темперамент супруги столь же много удовольствия, сколь ее внешность, повлекли за собой более серьезные

и долгоиграющие последствия. Ограниченность ума миссис Беннет в сочетании с узостью ее интересов означали, что супруги никогда не смогут стать равными партнерами. Она не могла быть ни его компаньоном, ни другом. Ее красоты оказалось достаточно, чтобы его покорить, однако – и мистер Беннет вскоре понял это – ее было мало, чтобы сделать его счастливым.

К счастью миссис Беннет, она не была склонной к размышлениям женщиной, и даже если ее супруг теперь жалел о тех убеждениях, которые подтолкнули его к выбору жены, сама она оставалась в неведении. В итоге все ее предубеждения оставались неоспоримыми. Она не ценила никаких качеств в женщинах, помимо красоты. Остроумие и интеллект, доброта и хорошее чувство юмора не значили для нее абсолютно ничего. Прекрасная внешность превосходила любые другие черты. В своих дочерях она ничто не ценила так, как их способность нравиться окружающим.

В отношении четырех своих девочек миссис Беннет, в связи с этим, была полностью довольна. На Джейн мать возлагала свои самые большие надежды, ибо, как она часто говорила мистеру Беннету, не даром же старшая дочь родилась такой красивой. Еще три сестры, если и не были так же щедро одарены красотой, как Джейн, были все же, по мнению миссис Беннет, достаточно хороши, чтобы привлекать к себе внимание, в каком бы обществе ни оказались. И только одна дочь не оправдала никаких ее надежд. Мэри совершила роковую ошибку, не унаследовав ни внешности, ни обаяния всех остальных женщин семейства Беннет. Как вскоре обнаружила сама Мэри, это был тот грех, за который, в глазах миссис Беннет, не могло быть прощения.

– 2 –

Мэри уже и не помнила, когда обнаружила, что она дурнушка. Ей казалось, она не замечала этого, когда совсем маленькой девочкой весело играла с Джейн и Элизабет, бегая по саду в запятнанном травой платье; или когда все вместе они прижимались друг к другу у камина детской, отогревая ноги на каминной решетке. Ей казалось, она не знала этого и тогда, когда миссис Хилл, экономка ее матери, умывала ее лицо каждое утро и повязывала поверх ее платья чистый передник. Она определенно не знала этого, когда вместе с сестрами врывалась на кухню, если повара что-то пекли, и выпрашивала у них корочку теплого хлеба, которую девочки забирали с собой и вместе уминали за ближайшим кустом, хохоча от всей души. Тогда, думала Мэри, она была счастлива. К моменту, когда ей исполнилось семь или восемь, она начала подозревать, что что-то не так. Она видела, с каким выражением смотрела на нее мать – с тем, которое никогда не появлялось на ее лице, когда та смотрела на Джейн или Лиззи. В этом взгляде сквозило нечто среднее между раздражением и недоумением. Мэри не знала, что именно это было, но научилась очень хорошо его узнавать. За этим всегда следовал призыв матери:

– Подойди ко мне, дитя. Дай мне взглянуть на тебя.

Встав со стула, Мэри шла через всю гостиную туда, где сидела миссис Беннет, чувствуя себя неловко под пристальным взглядом матери. Ленты на ее косах тут же перевязывали, пояс на платье поправляли, а само платье одергивали то в одну, то в другую сторону. Но что бы ни беспокоило миссис Беннет, никакие ее попытки унять это беспокойство не увенчивались успехом. Она лишь поджимала губы и отводила взгляд, расстроено и безмолвно махнув рукой в знак того, чтобы дочь вернулась на свое место. Мэри знала, что была разочарованием для своей матери, хоть и не понимала, в чем именно ее подвела.

Однако, будучи умной девочкой, вскоре она осознала, что означали все эти вздохи, хмурые взгляды и пренебрежение. Мэри не могла не заметить, что миссис Беннет никогда не говорила о ее внешности с тем же удовлетворением, что слышалось в ее голосе, когда она описывала старших сестер.

– Джейн мила, как ангел, – часто говорила мать, отзываясь о старшей сестре с нескрываемой гордостью. – Смотреть на нее – одно удовольствие.

Джейн лишь опускала голову и покрывалась румянцем, ибо была скромницей. Она старалась не смотреть на Элизабет, которая каждый раз, когда миссис Беннет слишком уж принималась восхищаться, ловила взгляд сестры и старалась ее рассмешить. Внешность самой Элизабет была по вкусу не столько ее матери, сколько Джейн. Ее темные глаза и искрящаяся улыбка слишком красноречиво отражали живой характер, чтобы завоевать искреннее одобрение миссис Беннет. Лиззи была слишком игривой, чтобы считаться настоящей красавицей; однако, несмотря на все опасения, даже оценивающий взгляд миссис Беннет должен был признать, что в Элизабет было нечто привлекательное. И хоть мать частенько бранила вторую дочь за дерзость замечаний и независимость духа, миссис Беннет никогда не ставила под вопрос ее внешность.

Взрослея, Мэри с надеждой ждала услышать от миссис Беннет те же слова одобрения. Поначалу она полагала, что эти слова придут сами собой, со временем, когда Мэри, наконец, достигнет определенного возраста и тоже сможет насладиться восхищением матери. Но даже тогда, когда она так много внимания уделяла себе – лишней раз проверяя, что чулки сидят ровно, лицо чисто вымыто, а волосы причесаны, – ее мать не находила для дочери добрых слов. Месяц за месяцем Мэри с тревогой ждала момента, когда миссис Беннет скажет ей хоть какие-то слова похвалы. Быть может, что глаза ее красивы, а фигура – изящна. Что волосы были самым привлекательным в ее облике. Ей было безразлично, какую часть миссис Беннет

найдет достойной внимания. Она была согласна на любое замечание, если бы это позволило ей занять место среди сестер в лучах одобрения их матери.

Мэри было десять, когда она поняла, что всего этого не случится никогда. На дворе стоял теплый полдень. Миссис Беннет пила чай вместе со своей сестрой, миссис Филлипс. Джейн и Лиззи тут же исчезли при появлении тетки, оставив Мэри в полном одиночестве сидеть на диване, теребя кончики волос и отчаянно желая оказаться где-нибудь в другом месте. Ни мать, ни тетка не обращали на нее никакого внимания. Их разговор шел без умолку, начавшись с того, что кухарка леди Лукас едва ли покинет ее, «тем более перед самым сезоном розлива», перейдя к тому, что жена викария разрешится от бремени уже на этой неделе. Но когда миссис Филлипс понизила голос до шепота и наклонилась вперед, чтобы поделиться какой-то особенно важной сплетней, миссис Беннет мгновенно заметила присутствие в комнате дочери.

– Мэри, сходи в кухню и принеси еще сахара. Возьми сахарницу. Прямо сейчас, пожалуйста.

Обрадовавшись своему освобождению, Мэри затянула выполнение поручения настолько, насколько смогла. Неторопливо возвращаясь обратно по коридору, она стучала туфлями по каменной плитке, чтобы увидеть, как много пыли сможет поднять. Мэри остановилась у двери в маленькую столовую, чтобы пригладить полы платья, и в приглушенном разговоре услышала свое имя. Она знала, ей следует обнаружить свое присутствие – миссис Хилл нередко говорила, что те, кто подслушивает, никогда не услышат о себе ничего хорошего, – но не смогла удержаться.

– Думаю, Мэри сегодня выглядит лучше, – заметила миссис Филлипс. – Не так бледна, как обычно.

Миссис Беннет фыркнула.

– Очень мило с твоей стороны, сестрица, но, боюсь, я вынуждена возразить. Для такой юной девушки, как Мэри, в ней совсем нет цвета. Она совсем не похожа на Джейн или Лиззи. Их румяные, сияющие личики отмечают все.

– В самом деле, они очень приятны, – любезно согласилась миссис Филлипс. – И я сомневаюсь, что Мэри когда-либо будут восхищаться так же, как этими двумя. Но, сестрица, не слишком ли ты сурова, осуждая ее таким образом? Вероятно, она страдает от постоянных сравнений. Если бы Джейн и Лиззи были чуточку менее хороши, была бы Мэри красивее в твоих глазах?

– Всем сердцем я желаю, чтобы ты была права, но, боюсь, сравнение тут не при чем. Мэри попросту дурна собой, вот и все. Гены мистера Беннета тому виной. Мы, Гардинеры, всегда отличались красотой.

Миссис Филлипс налила себе чаю и взглянула на сахарницу.

– Что ж, мне жалко девочку. Непросто быть гадким утенком среди такого количества лебедей.

– О да, и это огромное разочарование для меня, что чрезвычайно вредит моим нервам. Но только я смотрю на других своих дочерей, как мне тут же становится легче. Куда же она подевалась с этим сахаром?

Мэри вошла в комнату, потупив глаза. Опуская сахарницу на стол, она крепко сжала ее пальцами. Тетя улыбнулась ей, но миссис Беннет не обратила никакого внимания, когда дочь молча выскользнула из столовой. Выйдя в коридор, Мэри почувствовала, как бешено колотится ее сердце. Слова матери ударили по ней с такой силой, словно ее хватил сердечный приступ. Теперь все стало на свои места, подумала она, поднимаясь по лестнице. Теперь Мэри поняла. Она была невзрачна – словно вареная картошка, или обрывок небеленого ситца, или плоская белая обеденная тарелка. Войдя в свою спальню, Мэри придвинула стул к туалетному столику и наклонилась к маленькому зеркалу так близко, как только могла. Зеркало было старым и потускневшим, но она все же смогла себя в нем разглядеть. С мутной поверхности на

нее смотрело небольшое личико, круглое и бледное. Да, подумала она, точно: повседневная обеденная тарелка. Серые глаза под светлыми бровями не были ни такими же большими и голубыми, как у Джейн, ни такими же темными и умными, как у Лиззи. Черты лица казались вполне правильными, но были совсем не выразительными. Рот был узким, губы – тонкими. Весь ее вид говорит о какой-то озабоченности, решила Мэри. По ее лицу, в отличие от Лиззи, нельзя было сказать, что она вот-вот разразится смехом. Волосы у нее были светло-каштановыми, но не такими же золотистыми и блестящими, как у Джейн. Мэри пришла к заключению, что в ее облике не было ничего, привлекающего внимания, или ничего того, что заставило бы смотреть на нее с удовольствием. Мать ее оказалась права. Мэри не сияла, не цвела. Какое-то время она еще смотрелась в зеркало, надеясь увидеть в нем свое яркое будущее – какой-то секрет, что позволил бы ей спастись. Не обнаружив ничего, Мэри взяла шаль, свисавшую со спинки стула, и аккуратно накинула ее на плечи. Одинокая слеза скатилась по лицу, но Мэри даже не потрудилась ее смахнуть.

Она не рассказала о том, что услышала, ни Джейн, ни Лиззи. Мэри полагала, что они и так обо всем знают. Ее невзрачность теперь казалась настолько очевидной, что она не понимала, как сама не замечала ее все это время. Мэри не ждала от сестер сочувствия. Они никогда не поймут ее переживаний. Да и как они могли ее понять? Их красота являлась такой же неотъемлемой их частью, как рука или нога, – без этого было невозможно представить их жизнь. Под ее покровом они, играючи и пританцовывая, стремились навстречу своему будущему; Мэри же, напротив, равнодушно тащилась вперед, передвигая ноги без какой-либо радости или изящества. От своей матери она узнала, что без красоты истинное и крепкое счастье для нее недостижимо. Ей и в голову не приходило сомневаться в том, чему ее учили.

Мэри всегда была осмотрительной и наблюдательной девушкой, теперь же она думала только о том, какое жалкое впечатление производит на окружающих. Та бодрость духа, что вдохновляла ее бегать и играть с сестрами, улетучилась. У нее больше не было на это сил. Когда Джейн и Лиззи резвились и бегали по саду, все вокруг улыбались, говоря о том, как они очаровательны. Но Мэри убеждала саму себя в том, что, если бы на их месте была она, это выглядело бы нелепо. Беззаботность не была ей к лицу. Серьезность казалась единственным качеством, которым могла обладать девушка дурной наружности, чтобы не вызвать презрения или жалости со стороны окружающих. Постепенно Мэри привыкла к этому, пока сама не поверила, что такова ее природа – что это мрачное, одинокое и неловкое существо и есть она.

С грустью смотрела она, как Джейн и Лиззи медленно, но верно отдаляются от нее. Отвергнутые ее несчастьем, они окончательно оставили попытки развеселить ее. Мэри не удивлялась этому. Безусловно, они предпочитали общество друг друга. Как же могло быть иначе? Прошло совсем немного времени, как между этими двоими сформировались тесные и непоколебимые узы, поддерживаемые общими секретами и перешептываниями в сторонке. Мэри едва могла поверить в то, что в этом союзе было еще место для любой сестры, не говоря уже о ней. К потере Джейн она отнеслась весьма философски: несмотря на приятный нрав старшей из сестер, Мэри всегда находила ее, с этим идеальным личиком, слегка отстраненной и недосягаемой. Однако пропасть, что разверзлась между ней и Элизабет, причиняла ей настоящую боль. Только отдалившись, Мэри поняла, как любила сестру, как упивалась ее живым присутствием. Никто не мог рассмешить ее так, как делала это Лиззи, – ласково и дразняще окуная в состояние счастья, с таким беспечным очарованием заставляя улыбаться самой себе. Какое-то время Мэри цеплялась за надежду, что Лиззи станет ее спасителем – увидев ее печаль, она протянет руку помощи и вытащит из бездны отчаяния, в которую, по ощущениям, Мэри медленно погружалась. Но несмотря на то, что иногда сестра загадочно посматривала на нее, порой почти с сожалением, она не сказала и не сделала чего-либо, чтобы удержать Мэри, и вскоре от их близости не осталось ничего, кроме воспоминаний.

Когда старшие сестры отделились от нее, Мэри задумалась о том, не найдет ли она подругу в одной из оставшихся. Будучи помладше, она внимательно наблюдала за Китти и Лидией, пытаясь разглядеть, унаследуют ли они красоту, которой обладали Джейн и Лиззи. Ей не хотелось признаваться в том, к чему именно были устремлены ее надежды. Столь жестоким казалось желание того, чтобы такие пухлые малыши не превратились в симпатичных юных девушек, но Мэри ничего не могла с собой поделать. Окажись Китти или Лидия дурны собой, она, возможно, не чувствовала бы себя такой одинокой. Две простушки-сестры поняли бы друг друга. Имея между собой нечто общее, они, несомненно, стали бы хорошими подругами. Мэри не потребовалось много времени, чтобы понять: этому не суждено случиться. К тому времени, как Китти и Лидия надели свои первые дамские платья, даже Мэри увидела, что сестры пошли по стопам Джейн и Элизабет.

– Какие хорошенькие малышки, – щебетала их мать с удовлетворением. – Не ровня Джейн, но тем не менее очень приятной наружности. Четыре красавицы из пяти – очень приятное достижение. Не уверена, что кто-то справился бы лучше.

Пока Китти и Лидия выросли, Мэри быстро поняла, что они нуждаются в ней столь же мало, как и две старшие сестры. Оставшись без заботливой опеки сестры, душевное состояние Китти могло пошатнуться. Это была мягкая девушка с податливым нравом, стремящаяся угодить всем и вся. Ее можно было убедить стать для Мэри подругой, однако младшая из сестер Беннет решила, что этому не суждено случиться. Даже юная, Лидия была упрямой, дерзкой и своенравной, и стоило ей только решить, что Китти должна принадлежать ей, Мэри уже не могла встать у нее на пути. Прошло совсем немного времени, и Китти оказалась полностью в плену Лидии, подчиняясь ее железной воле и послушно вторя ее убеждениям. Вскоре у Китти оставалось столь же мало времени на Мэри, как и у всех остальных. К тому моменту, как ей исполнилось четырнадцать, Мэри осознала, что не близка ни с кем из своих сестер. Они не были ничьей лучшей подругой или той, кому можно было доверить свои тайны. Ни мать, ни отец не смотрели на нее с особой нежностью. Имея огромную семью, она осталась совершенно одна.

– 3 –

Поведение миссис Беннет лишь усиливало несчастье Мэри, ибо удовольствие иметь четырех красавиц не компенсировало недостатков пятой. Проходили годы, а внешность Мэри все больше и больше раздражала мать. Миссис Беннет никогда не обладала ни терпением, ни склонностью скрывать свою досаду, которую могли спровоцировать множество мелких недостатков, однако лишь немногие из них могли расстроить ее сильнее, чем прическа Мэри. Каждый вечер по настоянию матери волосы средней дочери убирались в тугие бумажные папильотки, и каждое утро, когда миссис Хилл прочесывала их, они оказывались такими же прямыми и ровными, как и за ночь до этого. Миссис Беннет попросту не могла не счесть такое каждодневное разочарование за личное оскорбление.

– Мэри, думаю, ты делаешь это специально, чтобы разозлить меня.

– Конечно же, нет, матушка. Я бы заставила их виться, если бы могла. Может, мне просто убрать их с лица? Вероятно, тогда то, что они не вьются, будет не заметно?

Миссис Беннет нахмурилась.

– Может, еще наденешь чепчик на голову, как замужняя старуха? Это скрыло бы разом множество огрехов!

С этими словами ее мать возмущенно удалялась, оставляя миссис Хилл со всеми своими гребнями и расческами, готовую предпринять еще одну безнадежную попытку достичь невозможного.

Вскоре Мэри уже страстно желала быть невидимкой. Она предпочла бы вообще не привлекать к себе внимания, чем быть постоянным объектом сварливого недовольства матери. Мэри делала все, что могла, чтобы исчезнуть, подбирая платья самых безликих цветов, сшитые самым непримечательным образом. Когда миссис Хилл, которая, как она знала, испытывала к ней сочувствие, уговаривала ее выбрать более яркие оттенки и подходящие фасоны, Мэри отвечала отказом. Всевозможные малозаметные тона серого и бежевого – вот все, чего она заслуживала. Убежденная, что ничто не способно исправить тот облик, который она являла миру, Мэри не принимала участия в разговорах о шляпках, туфельках и тканях, которые по мере того, как Китти и Лидия становились старше, занимали столько времени. Лидия оказалась столь же остра на язык и беспощадна в своих суждениях, как и их мать, и Мэри опасалась насмешек, которые, без сомнения, настигли бы ее, предприми она неуклюжие попытки присоединиться к подобным обсуждениям. Гораздо проще было молчать. Когда сестры приходили в Меритон, чтобы спустить свои карманные сбережения в деревенском магазинчике дамских шляпок, Мэри нерешительно стояла в одиночестве на улице. Заходить внутрь не было никакого смысла. Что бы она стала делать с новым кружевным воротничком, цветными лентами или соломенной шляпкой? Безделушки подобного рода не предназначались таким девушкам, как она.

Одинокая и мятущаяся, Мэри искала другие способы занять время, но выбор у нее был невелик. Талантом к рисованию карандашом она не обладала, а рукоделие ей наскучило. Живопись ей не давалась, а карт она не любила. Вот музыка имела для нее совершенно иное значение. Сидя у фортепиано, Мэри ощущала себя почти счастливой, забывая о своих неудачах и недостатках. Всех сестер Беннет учили играть. Миссис Беннет считала это очаровательным умением для девушки и настаивала на том, чтобы все ее дочери обладали таковым, так что для них даже наняли преподавателя. Благовоспитанная и надменная мисс Аллен приезжала каждую среду после обеда и учила игре каждую из девочек Беннет, одну за другой. Мэри помнила, как ждала своей очереди после Лиззи, с нетерпением стремясь занять место за фортепиано. Первые свои занятия она была еще так мала, что ей требовалась подушка, чтобы дотянуться до клавиш. Примостившись крайне ненадежно у инструмента, Мэри протягивала к

нему свои крошечные детские пальчики, готовясь исполнять гаммы и арпеджио. Ей понравилось это сразу. Мэри была заворожена звуками, которые производило фортепиано, и взволнованно наблюдала за тем, как неделя за неделей они становились все более похожими на стройные мелодии. Все это было, когда она была юна и еще не начала стыдиться себя. Поглощенная болезненным осознанием своей невзрачности, Мэри отвернулась от многих занятий, которые раньше доставляли ей удовольствие, однако любовь к музыке была той страстью, от которой девушка отказаться не смогла. Она продолжила играть, даже несмотря на то, что ее сестры бросили занятия, как только миссис Беннет им это позволила. Вскоре лишь Мэри и Лиззи остались теми, кто прикасался к потрепанному музыкальному инструменту хоть с какой-то регулярностью.

Тем не менее что-то изменилось. Когда Мэри только начинала играть, музыка была для нее удовольствием – бегством от обычной жизни, где было мало приятного. Однако, став юной девушкой, она уже не смотрела на игру как на простое развлечение. Со временем Мэри сообразила, что там, за клавишами инструмента, внешность ее уже ничего не значила. Сидя за фортепиано, даже самая некрасивая женщина могла затмить прекраснейшую, будь у нее необходимые амбиции и целеустремленность. Несмотря на осознание своих недостатков в столь многих сферах жизни, Мэри не сомневалась в присущих ей выдержке и усердии. Ее поразило, что эти качества можно использовать для достижения цели и успеха, которых, к несчастью, ей так не хватало в ее монотонном существовании. Почему бы ей не направить эти качества на овладение фортепиано? Ее игра и без того была неплоха, а приложи Мэри усилия, она могла стать еще более совершенной. Перспектива обладать собственным талантом, неким знаком отличия, заставляла ее трепетать. Ни на минуту не задумывалась Мэри о той работе, которая могла потребоваться для его приобретения. С превеликой охотой девушка отправлялась в гостиную, где никто, кроме нее самой, не осмеливался появляться до самого чая, и репетировала снова и снова. Со всей настойчивостью стремилась она к совершенству, и в конце концов была вознаграждена, преуспев в скором времени во всех аспектах техники и мастерства. Мисс Аллен заявила, что очень довольна ее успехами, и уверила Мэри, что если та сохранит свою привычку к регулярным и скрупулезным упражнениям, то может рассчитывать на дальнейшее совершенствование.

Мэри не привыкла слышать похвалы, и такой крохи ободрения оказалось достаточно, чтобы укрепить ее решимость и привязать к клавишам на долгие-долгие часы. В большинстве случаев девушку не тревожило ее одиночество наедине с инструментом. Однако временами, прямо в разгар занятий, ее охватывала печаль, которую она была не в силах объяснить. Мэри потребовалось некоторое время, чтобы осознать: чувство, которое она испытывала, было сожалением о том удовольствии и волнении, которые она когда-то испытывала во время игры. Непреклонная дисциплина, к которой она приучила себя, медленно поглотила большую часть восторга, что она испытывала, приближаясь к фортепиано. Теперь это была работа, точно такая же, как и все остальное. Ее упорство и усилия принесли ей мастерство, к которому она столь долго стремилась. Но достигнуто оно было ценой потери простого удовольствия от того занятия, что она любила более всего.

Обычно Мэри удавалось убедить себя в том, что то была достойная плата, которую она должна была заплатить – что стремление к счастью значило гораздо меньше, чем оттачивание мастерства. Однако бывали времена, когда ее одолевали сомнения по поводу того, от чего ей пришлось отказаться, когда тоска по внутренней удовлетворенности и ощущению свободы, которые давала ей музыка, прорывалась наружу, несмотря на все попытки Мэри ее подавить. Однажды утром, направляясь к гостиной, чтобы приступить к своей ежедневной практике, и зажав нотную тетрадь под мышкой, она услышала, как Лиззи играет на фортепиано. Она всегда узнавала ее стиль – быстрый, смелый и такой привлекательный, что невозможно было не повернуть голову и прислушаться. Даже те несколько ошибок, что она допустила, не смогли

омрачить удовольствия Мэри. Тихо скользнув в комнату, она смотрела, как сестра заканчивает музыкальную композицию, склонив голову назад, и затем завершает ее собственным пышным росчерком, добавленным исключительно ради удовольствия. Мэри присела, слегка ошеломленная энергией и напором игры Элизабет. Это было совсем не похоже на ее собственный строгий и отточенный стиль, который никто не слышал и которым восхититься никто не мог.

– Очень хорошо, Лиззи! – воскликнула она. – Я почти не заметила фальшивых нот. Если бы ты практиковалась должным образом, ты могла бы овладеть инструментом в совершенстве.

Слегка покраснев от напряжения, с которым исполняла композицию, Элизабет отодвинула стул от фортепиано, словно обозначив, что сделала все, что хотела, и не собиралась продолжать.

– Это совсем не по мне. Не уверена, что у меня хватит терпения овладеть чем-либо в совершенстве. В ту же минуту, как что-то начнет требовать слишком больших усилий, я обращусь к иному занятию.

– Но разве ты не хочешь развивать свой дар? Было бы крайне стыдно потратить его впустую.

– Не уверена, что он пропадает зря, если меня все устраивает. – Лиззи позволила пальцам скользнуть по клавишам, исполняя простую мелодию. – Иногда я задумываюсь о том, что ты могла бы получать от этого больше удовольствия, если бы не старалась так сильно.

– Но если я перестану сильно стараться, не будет ли моя игра менее точной?

– Возможно, – заметила Лиззи. – Точность и старательность не единственные меры успеха.

Это было именно то сомнение, которое иногда беспокоило Мэри, однако она отодвигала эту мысль за неспособностью ее признать.

– Я не верю, будто чего-то действительно стоящего возможно достичь без усилий и жертв.

– Может быть, и так, – ответила Лиззи, – и тем не менее я предпочту слушать музыку, оживленную и сыгранную с нотками счастья, нежели самую отточенную до совершенства композицию в мире.

– Сомневаюсь, что тебе понравится слушать непрерывную череду ошибок, – отозвалась Мэри, – как бы ни был радостен тот человек, что ее исполнил.

Элизабет взяла свою нотную тетрадь и встала из-за фортепиано.

– Возможно. Но в действительности просто стыдно выжимать из музыки все и не получать от нее никакого удовольствия. Всего несколько фальшивых нот – весьма небольшая цена, которую стоит уплатить.

Легонько коснувшись плеча Мэри, Лиззи вышла из комнаты. Сев за фортепиано, Мэри развернула свою нотную тетрадь. Она никак не могла успокоиться. Слова Элизабет взволновали ее. Было неудивительным то, сколь пренебрежительно Лиззи рассуждала о тяжелой работе и усилиях, ведь все давалось ей легко. Ей не приходилось изнурять себя – очарование всегда приходило ей на помощь, даже когда она сидела за фортепиано. Мэри опустила нотную тетрадь на подставку. Для нее все было иначе. Размяв пальцы, она приступила к упражнениям.

– 4 –

Почувствовав, что слишком устала сидеть за инструментом, Мэри, по своему обыкновению, уходила в спальню и принималась за чтение. Там в ее распоряжении находился маленький книжный шкаф, в котором стояло около дюжины книг, принадлежавших исключительно ей. Все эти книги она перечитала уже такое множество раз, что некоторые отрывки могла повторить по памяти. Несмотря на это, ей доставляло удовольствие открывать пухлые томики и снова пробегаться взглядом по столь знакомым словам. Чтение всегда было для Мэри одновременно утешением и убежищем. В действительности, ей казалось, она даже помнила момент, когда великая радость от возможности читать и писать снизошла на нее. Она сидела у камина в детской, и вдруг черные линии на бумаге, которые Лиззи так терпеливо выводила для нее, перестали быть просто случайными фигурами и внезапно сложились в буквы. *Я – яблоко. К – кошка.*

Стоило ей обрести это понимание, и уже ничто не могло ее удержать. Мэри мчалась вперед, переходя от книжек с картинками к стихам и сказочным историям. Быстро она расправилась с «Историей о маленьком Гуди Два-Ботинка», да и «История Робинсов» не отняла у нее много времени. В те дни Мэри читала в компании Джейн или Элизабет. Усевшись втроем в детской, каждая уткнувшись в свою книжку, они читали в приятной тишине. По мере того как Мэри становилась старше и несчастнее, а сестры все больше отдалялись от нее, книги уже не были связующим звеном между ними. Они стали утешением в ее утрате. Когда Джейн и Элизабет перешептывались между собой, не включая Мэри в свои переговоры, когда они запирали дверь в свою комнату, не прося сестру присоединиться к ним, – тогда она и бежала к своим книгам, находя в них отвлечение от своего одиночества, которое так угнетало ее дух.

Мэри читала так много, что вскоре истощила запасы не только собственных книжных полок, но и скудные ресурсы Лонгборнской классной комнаты. За весьма непродолжительное время девушка прочитала все, что там было, – от атласов мира до советов домохозяйкам. Однако чем больше книг Мэри поглощала, тем острее становилось желание читать больше и больше. Она хватала все, что могла найти дома, и уносила с собой, чтобы почитать на досуге. Романы, которые миссис Беннет позаимствовала из передвижной библиотеки, могли занять Мэри на некоторое время, но их прекрасные и смелые героини, красивые и благородные герои, запутанные сюжеты, которые шаг за шагом приводили их к самым невероятным счастливым концовкам, совсем не радовали ее. Признав их глупыми, она возжаждала более взыскательной пищи для ума. Подумав, что, возможно, предпочтет факты вымыслам, Мэри взяла у мистера Беннета пару газет. Прищурившись, она впивалась взглядом в крошечные черные буквы, произносила вслух незнакомые имена и места, которые описывались в статьях, до тех пор, пока глаза ее не начинали болеть и она не была вынуждена отложить газету в сторону. Сельскохозяйственные журналы, на которые были подписаны Беннеты, Мэри проглатывала целиком, удивляясь картинкам молотилок и схемам по севообороту. Утащив брошюры, принесенные в дом слугами, с их мрачными описаниями ужасных преступлений и предсмертных признаний, она изучала грубые рисунки повешенных мужчин и убитых женщин, пока миссис Хилл не обнаружила книжицы и, сердито ворча, не унесла их с собой на кухню. Иногда Мэри попадались более солидные тома, оставленные мистером Беннетом. Их она рассматривала с большим любопытством, однако даже не решалась открыть. Книги ее отца были священны, и прикасаться к ним мог только он.

Мэри было восемнадцать, когда она поняла, что больше не может получать знания столь беспорядочным путем. Она жаждала развивать интеллект так же, как развивала музыкальное мастерство, но понимала, что для этого ей были необходимы две вещи. Во-первых, она должна была читать куда больше, а во-вторых, ей требовалась помощь учителя. Для игры на форте-

пиано у нее была мисс Аллен. Так почему бы ей не воспользоваться такой же поддержкой в личных интересах развития интеллектуальных способностей? Несомненно, требовалось найти какого-то надежного и образованного человека, который направит ее чтение в нужное русло и придаст некую организованность ее обучению. Будь она мальчиком, ей бы предоставили учителя, однако для девочки подобное было немыслимо. У Мэри не было и единого шанса отправиться в школу, ибо миссис Беннет свято верила в то, что еда, которая подавалась там, была чересчур тяжелой и портила цвет лица. Существовало лишь одно решение проблемы для Мэри: гувернантка. Прошли многие месяцы, прежде чем она набралась смелости, чтобы обратиться к матери со своей просьбой.

Она заговорила об этом осторожно, так как знала, что миссис Беннет не очень-то жалуется гувернанток. В действительности ее мать весьма гордилась тем, что никогда их не нанимала. На протяжении многих лет целая череда учителей сменилась в Лонгборне, обучая ее дочерей тем предметам, которые, по мнению миссис Беннет, придали бы их обучению завершающий лоск. Именно от них Мэри и ее сестры собирали по крупицам свои поверхностные знания французского, осваивали азы рисования и прекрасное умение танцевать. Однако в вопросах общего образования вооружившаяся внушительным количеством учебников миссис Беннет считала себя достаточно искусной, чтобы обеспечить девочек всеми необходимыми знаниями. Она научила дочерей вести счета, управлять хозяйством и шить добротными, ровными строчками. Все девицы Беннет достаточно хорошо читали и знали историю и географию ровно в том объеме, чтобы не выглядеть глупышками в обществе. Все прочее было не только необязательным, но и, вероятно, неразумным. Миссис Беннет не считала, что образованность была тем качеством, что мужчина искал в спутнице жизни, и не намеревалась причинять своим дочерям неудобств, обременяя их репутацией смысленных девиц. Мэри все это осознавала, однако желание развивать ум пересилило всякую ее боязнь, и однажды днем, сидя с матерью и сестрами за чаем, она задала свой вопрос настолько смело и спокойно, насколько только могла. Как Мэри и ожидала, миссис Беннет была ошеломлена.

– Гувернантка? Что ты имеешь в виду? Зачем тебе вообще гувернантка в твоем возрасте?

– Мне бы хотелось совершенствовать свое образование, мама, чтобы читать больше и развивать ум.

– Представить не могу, что тебе еще нужно знать! – воскликнула миссис Беннет. – Твоя голова и без того забита бесполезными сведениями. Сомневаюсь, что есть хоть одна страна в мире, столицу которой бы ты не знала, и река, которой ты не могла бы назвать. Чему еще сможет научить тебя гувернантка?

– Она может помочь мне учиться более рационально, направить меня к тем книгам, которые развили бы мой интеллект. – Мэри ощутила, как в ней разгорается энтузиазм. – И она могла бы работать не только со мной. Она могла бы помочь всем младшим девочкам. Уверена, все мы только выиграем, если будем совершенствовать себя в профессиональных навыках.

Лидия, которая обычно не обращала внимания на то, что говорила Мэри, вскочила со стула в ужасе.

– Господь упаси меня от профессиональных навыков! Мой разум и без того достаточно развит, благодарю. Последнее, что нам нужно, – это гувернантка, сопящая в столовой с жалким видом, этакая бедная старая дева с книжкой проповедей в одной руке и табачной трубкой в другой.

Лидия повернулась к Китти, держа в руке воображаемую щепоть табака под носом, фыркнула, закатила глаза и застонала. Китти разразилась смехом, рассыпав по столу крошки от пирога.

– Представить не могу что-то более ужасное, – заявила Лидия, – и Китти думает так же, я уверена.

– Это было бы ужасно! Особенно привычка нюхать табак, – послушно добавила Китти. – Прошу, мама, не делайте этого. Мы и так всем довольны.

– Уверена, мы могли бы найти кого-то, кто понравится нам всем, – настаивала Мэри. – Какую-нибудь благовоспитанную женщину без дурных привычек. И она может приходить всего несколько раз в неделю.

– Для меня это все равно слишком часто, – сказала Лидия. – Может быть, пусть лучше вообще не приходит?

Мэри пропустила ее слова мимо ушей, устремив на мать умоляющий взгляд.

– В самом деле, мама, если ты обдумаешь всю пользу, которую это может принести для наших умов...

Но все было бесполезно. Миссис Беннет уже приняла решение.

– Достаточно, Мэри. Никто не хочет видеть здесь гувернантку. И я отказываюсь обременять себя расходами исключительно по твоей прихоти. Если ты хочешь знать больше, это твое дело. В библиотеке мистера Беннета достаточно книг. Можешь брать их оттуда так же, как Лиззи, и читать столько, сколько твоей душе угодно. Вот и все, что я могу сказать по этому поводу. Не желаю этого больше слышать.

Лидия, испытав видимое облегчение, взяла себе еще один кусок пирога. Мэри знала, что говорить что-либо еще бессмысленно. Однако, сидя там и смотря в чашку с остывающим чаем, она медленно осознавала значение слов матери. Ей никогда раньше не приходило в голову, что она может заходить в библиотеку отца. Проходя мимо, Мэри часто бросала взгляд на эту светлую и просторную комнату, пропитанную атмосферой знаний и безмятежности, с эркером, окна которого открывались прямо в сад. Подлинной привлекательностью в ней обладали стеллажи с книгами, полка за полкой выстроенные вдоль стен, как дразнящий мираж для голодного читателя, отчаянно нуждающегося в чем-то новом и способном захватить его внимание. Мистер Беннет проводил в библиотеке большую часть дня, запираясь в этой неприступной тишине. Незваных гостей он не любил, о чем не забывал постоянно напоминать семье.

– Я не стремлюсь оспаривать общую атмосферу глупости, которая царит во всех остальных частях этого дома, но считаю разумным, что должна быть здесь хоть одна комната, от этого свободная.

Ни Китти, ни Лидию, для которых книжные полки не представляли никакого интереса, не волновало это заявление. То же касалось и миссис Беннет. Ей было не интересно, как ее муж проводит время в своей библиотеке, и ей даже в голову не приходило пытаться это узнать. Лишь Элизабет время от времени проскальзывала внутрь, чтобы взять книгу с той же неприужденной уверенностью, которая была во всем, что она делала. Однако Лиззи была любимицей мистера Беннета. Его обычно насмешливый взгляд часто останавливался на ней с теплотой и восхищением, которого он не проявлял к младшим дочерям. Мэри никогда не думала, что ей может быть оказан подобный прием. Мистер Беннет вообще редко смотрел на нее, и, казалось, относился с безразличием к ее существованию. Не скажи об этом мать, Мэри ни за что бы не помыслила о том, чтобы войти в библиотеку отца. Однако перспектива свободно бродить среди такого огромного количества книг пересилила ее страх отказа. Набравшись храбрости, Мэри подождала, пока отец окажется в своем самом спокойном расположении духа, остановила его в коридоре и спросила – очень осторожно, – можно ли ей, подобно Лиззи, посещать его библиотеку. Мистер Беннет задумался на мгновение прежде, чем ответить.

– Можешь приходить и находить приют в моей библиотеке, если чувствуешь, что это пойдет тебе во благо. Однако помни, это не место для разговоров. Я не хочу, чтобы меня беспокоили пустыми вопросами. Рациональное спокойствие – вот что должно преобладать в любую минуту. И каждая книга, снятая с книжной полки, должна быть возвращена на то же самое место. Эти правила незыблемы. Как думаешь, сможешь ты их соблюдать?

– Да, сэр, смогу.

– Тогда я не возражаю против твоего присутствия. Можешь приходить уже с завтрашнего дня.

– 5 –

Следующим утром Мэри с нетерпением занялась своими обычными делами, отчаянно стремясь освободиться от бдительного ока матери. Простое шитье, казалось, заняло больше времени, чем обычно, а нить постоянно выскакивала из иглы, в то время как миссис Беннет настояла, чтобы два неровных шва были распороты и сшиты заново. Но вот, после всего, она стояла у двери библиотеки, набираясь мужества, чтобы войти. Оказавшись по ту сторону, она задержала дыхание от того, что наконец очутилась внутри. Мистер Беннет был на своем обычном месте, за рабочим столом. Он коротко поздоровался с дочерью и вернулся к работе. Оглядевшись по сторонам, Мэри испытала одновременно приятный трепет и страх. Ей казалось, она без труда отыщет желаемое, но, стоя в луче солнечного света, в котором кружились сверкающие пылинки, Мэри осознала, что не понимает, с чего начать. Подойдя к одной из полок, она наклонилась к книгам, пытаясь разглядеть надписи на корешках, затем осторожно вытащила один из томов. Тут же два тома на другом конце полки с грохотом упали на пол. Казалось, звук был оглушительным и буквально сотряс тишину. Мистер Беннет поднял взгляд. Запаниковав, Мэри схватила две ближайшие к ней книги и выбежала за дверь. Уже в коридоре она крепко прижала их к груди. Не так она представляла себе результат своего первого визита в библиотеку отца.

Немного успокоившись, Мэри отнесла свои трофеи в спальню и присела, чтобы изучить их. Открыв первый том, она увидела, что это была история Англии. Мэри не была уверена, рада ли она этому или нет. Однако, взглянув чуть внимательнее, она обнаружила, что книгу написала женщина. Это ее удивило. Мэри знала: женщины пишут романы и книги для детей, но не предполагала, что они могли создавать такие серьезные работы по истории. Она была заинтригована. Подойдя к маленькому письменному столику, Мэри освободила на нем место и опустила книгу перед собой. Она намеревалась дать миссис Катарин Маколей шанс увлечь своего нового читателя.

Мэри сидела в своей комнате, когда миссис Хилл зашла, чтобы позвать ее вниз на ужин.
– Ваша мать зовет вас уже десять минут. Она весьма недовольна.

Мэри подняла невидящий взгляд, положила книгу и затем медленно спустилась в столовую. Во время трапезы она едва произнесла хоть слово, ее мысли были заняты тем, что она прочла. Книга оказалась не столь проста, сколь то, что ей приходилось читать раньше, однако это не отнимало решимости Мэри. Напротив, она чувствовала напряжение разума, и как внутри нее разажглось любопытство.

Две недели потребовалось, чтобы покончить с первым томом миссис Маколей. Вернувшись в библиотеку мистера Беннета, Мэри принялась искать другие книги по истории, написанные женщинами. Не обнаружив ни одной, она была до нелепости разочарована. Ее ищущая рука замерла на долю секунды над историческими работами мистера Хьюма, но ни один из них Мэри не сняла с полки. Нет, она продолжит с миссис Маколей прежде, чем отважится на кого-то другого. Она взяла еще два ее тома, взволнованная мыслью о том, что женщина смогла приобрести достаточно знаний и образованности, чтобы создать такие книги. На протяжении следующих нескольких недель Мэри жадно поглощала их, просыпаясь рано утром, чтобы почитать перед завтраком, и возвращаясь к чтению поздно вечером, когда все в доме засыпало. Она сожалела о каждой минуте, когда ее насильно лишали компании книг, заставляя заниматься теми делами, которые ее мать считала обязательными, и беспокойно ерзала, проводя часы за чайным столом или за бесполезным рукоделием. Миссис Беннет замечала ее рассеянность и не одобряла ее.

– Тебя не найти, когда нужно. А если ты рядом, ты не обращаешь внимания на то, что тебе говорят.

Мэри извинялась и обещала исправиться в будущем – зная, что это лишь пустое обещание. Ее жизнь, какой бы она ни была, теперь оказалась меж страниц ее книг. События Гражданской войны, как объясняла их миссис Маколей, истории о Карле Первом и Оливере Кромвеле стали для нее более реальными, чем те дни, что неизменно проходили перед ее глазами в Лонгборне. Книги стали ее опорой, и ничто, даже громко выражаемое неудовольствие ее матери, не могло заставить Мэри отказаться от них. Напротив, ее интеллектуальный аппетит рос с каждым прочитанным ею томом, и, как следствие, ее визиты в библиотеку отца становились более частыми и продолжительными.

Теперь Мэри изучала книжные полки мистера Беннета с большей уверенностью, отваживаясь взглянуть на корешки книг не только по истории – те она находила уже довольно привычными, – но и с любопытством разглядывая работы по философии и теологии. Хватит ли у нее смелости взять одну из них? В этом Мэри не была уверена. Эти книги выглядели еще более запретными, чем работы по истории. Кроме того, к какому автору ей следовало обратиться в первую очередь? Мэри отчаянно нуждалась в наставлении и частенько с тоской поглядывала на отца, надеясь, что тот заметит ее взгляд и предложит свой совет. Однако мистер Беннет не демонстрировал никакого интереса к книгам, которые выбирала его дочь, никогда не спрашивал, что она читает в данный момент и понравился ли ей тот или иной том. Какое-то время Мэри наблюдала за ним из-под опущенных ресниц, пытаясь угадать, как он ответит, если она осмелится приблизиться к нему, но в конце концов совсем отчаялась. Она не могла представить, с чего начать или как продолжить, когда отец обратит наконец на нее свой холодный, насмешливый взгляд. Так она и вернулась к исходному положению – возможности полагаться только на свои собственные суждения.

Недели превращались в месяцы, а Мэри все читала и читала. Джейн и Лиззи смотрели на нее с озадаченной снисходительностью, радуясь тому, что она занята, хотя и не зная, как относиться к ее новому увлечению. Однако в глазах младших сестер преданность Мэри книгам уронила ее еще больше. Всякий раз, как они находили сестру за чтением, звучали смех и перешептывания, а Лидия так и вовсе в совершенстве научилась изображать Мэри за работой: плечи сгорблены, нос уткнулся в тяжелый том. Но Мэри это не останавливало. Она чувствовала, что делает успехи, и отказывалась сдаваться, несмотря на издевки и поддразнивания. Наконец она обнаружила в себе смелость приступить к самым тонким книжкам по философии и была заинтригована их содержимым. Она находила важные вопросы морали, которые в них рассматривались, необычайно увлекательными, упивалась абстрактными аргументами. В противовес их невероятной важности ее личное несчастье начинало казаться совсем незначительным, и это придавало Мэри спокойствия. Одновременно ее воодушевляло и утешало то, что она читала, и именно это побуждало ее упорно продолжать свое дело. Обучение, казалось, не так уж сильно отличалось от игры на фортепиано. Ум, точно пальцы, можно было натренировать и, точно технику, – улучшить. Все, что требовалось, – самодисциплина и готовность упорно трудиться. Однако Мэри, к своему ужасу, вскоре обнаружила, что существуют обстоятельства, которые не могла преодолеть даже ее непоколебимая решимость, а также что не все аспекты своего существа она способна силой принудить выполнять задуманное.

Уже некоторое время Мэри подозревала, что зрение ее подводит, но отказывалась признавать очевидные вещи, которые давили на нее с все возрастающей настойчивостью. Чтение мелкого шрифта всегда отнимало у нее много сил, однако сейчас, возможно как результат долгих часов, проведенных в библиотеке, читать стало практически невозможно. Текст плыл перед глазами, а буквы сливались в единое пятно. Мэри жмурилась изо всех сил, чтобы вновь сфокусировать взгляд, но это мало помогло. Она пыталась передвигаться по комнате, наклоняя книгу к свету или держа ее как можно ближе к лицу, но и это оказалось бесполезным. При ярком свете, разливавшемся по летнему саду, если солнце светило у нее за спиной, а шрифт в

книге был не слишком мелок, она могла прочитать пару страниц. Внутри же, когда за окнами опускалась темнота, она едва могла разобрать хоть букву.

Однажды вечером, сидя за своим письменным столом, Мэри осознала, что не может разглядеть ни строчки из книги. Она зажигала одну свечу за другой, расставляя их как можно ближе к страницам, но все это было бессмысленно. Она так разозлилась, что готова была закричать. Казалось чудовищно несправедливым то, что стоило ей обнаружить увлечение, которое дарило ей смысл существования, как его тут же отняли. Если она не могла читать, что же ей оставалось? Она осторожно закрыла книгу со спокойствием, которого совсем не ощущала, и легла в кровать, пытаясь решить, как же ей поступить.

На протяжении двух дней Мэри пыталась жить без чтения. Она играла на фортепиано, гуляла в саду, собирала цветы для гостиной и делала вид, будто шьет. К полудню второго дня она признала, что подобное существование невыносимо. Если Мэри не хотела сойти с ума, то должна была попросить мать обратиться к окулисту. Вопрос был не из простых. Мэри знала, что это наверняка вызовет у миссис Беннет еще большее негодование, чем просьба нанять гувернантку, ибо что могло быть еще более губительным для ее и без того скромной внешности, чем очки в тяжелой металлической оправе? Но у Мэри не оставалось выбора. Если альтернатива была неприемлема, то она должна была задать этот вопрос. Все, что она могла сделать, – подойти к матери, когда та будет менее всего раздражена, и как можно более отчаянно надеяться на маловероятное сочувствие миссис Беннет.

Наконец однажды днем Мэри подошла к матери, когда та возилась в кладовке, проверяя, свежи ли еще хранящиеся в банках, закатанных прошлой осенью, сливы и абрикосы. Поскольку это занятие доставляло ей удовольствие, миссис Беннет была сравнительно весела до тех пор, пока Мэри не объяснила причину своего визита. Хорошее настроение матери моментально испарилось, и она притворилась, будто не понимает, о чем речь.

– Поверить не могу, что ты всерьез. Если это шутка, Мэри, то у тебя очень дурное чувство юмора.

– Это не шутка, мама, клянусь вам. Я едва могу читать. Умоляю, позвольте доктору осмотреть мои глаза.

– С какой целью? Как, по-твоему, это может помочь?

– Если окулист решит, что мне пойдет это на пользу, возможно, он выпишет очки. Тогда я снова смогу читать.

– В самом деле, очки! И ты действительно готова их носить? Готова унижаться таким образом?

– Если это позволит мне читать столько, сколько я захочу, я с радостью буду их носить.

Миссис Беннет, которая только что сняла с полки огромную банку абрикосов, опустила ее на стол, приложив слишком много силы. К счастью, банка не разбилась, однако звук заставил Мэри подскочить.

– Никакой мужчина не взглянет на тебя, – заявила ей мать, – а все женщины будут тебя жалеть.

– Я надеюсь, что смогу вынести это, если потребуется.

На мгновение миссис Беннет лишилась дара речи, не в силах представить себе такое преступление против всего, что было ей так дорого. Однако Мэри заставила себя продолжить:

– Если вы не можете мне помочь, то я заплачу за это сама. У меня осталось немного сбережений, которые я сэкономила из карманных денег. Я сама напишу окулисту и попрошу его о приеме.

Ее мать вытерла руки о фартук.

– Кажется, у меня не остается выбора. Пускай приезжает, если это необходимо. Однако я очень недовольна тобой, Мэри. Теперь я ужасно раздосадована и раздражена, и это все твоя вина.

Миссис Беннет направилась к двери, настолько сердитая, что так и оставила банку на столе нетронутой.

– Не думай, что я буду рядом, когда доктор придет. Миссис Хилл обо всем позаботится. Я не выдержу такого напряжения.

Оставшись в комнате одна, Мэри взяла трясущимися руками банку с абрикосами и бережно вернула ее на полку. Ей казалось, она никогда так открыто не бросала вызов матери. Мэри тяжело опустилась на стул. Несмотря ни на что, она достигла своей цели. Она встретится с доктором. Оставалось лишь надеяться, что встреча произойдет скоро.

– 6 –

Неделей позже мистер Спарроу, внушительных размеров мужчина в сером пальто, приехал в Лонгборн. Он привез с собой большой портфель, в котором лежало несколько печатных карточек, огромный жесткий кожаный чемоданчик, а также своего сына, Джона, – высокого молчаливого юношу лет восемнадцати.

– Надеюсь, вы не станете возражать против его присутствия, мисс. Мой сын обучается семейному делу, и я стараюсь брать его с собой так часто, как только могу, чтобы он мог увидеть все своими глазами.

Мэри выглядела неуверенной. Она не предполагала, что при их беседе будет присутствовать посторонний, однако молодой мистер Спарроу показался ей таким вежливым и почтительным, что она молча кивнула в знак согласия. Миссис Хилл провела их в прохладную маленькую столовую, примыкавшую к кухне, где даже не был зажжен огонь в камине, и встала у стены в ожидании того, что произойдет дальше.

– Будьте добры, мисс, сядьте в это кресло, как можно прямее, поднимите голову и устремите взгляд вверх. Да, очень хорошо.

Он подозвал сына, который подошел к нему с чемоданчиком и медленно и благоговейно его открыл. Внутри чемоданчика оказались ряды очков, аккуратно помеченные и разложенные в идеальном порядке.

– Итак, мисс, – приступил к объяснениям мистер Спарроу, – в каждую из этих пар очков вставлены разные линзы. Я попрошу вас надевать их по очереди. Джон покажет вам карточку, а вы скажете, что видите. Затем вы наденете следующую пару очков, взглянете на карточку и скажете, более ли четкие символы вы на ней видите. Таким образом мы будем перебирать пару за парой, пока не найдем нужные вам линзы.

Почувствовав, как холодная металлическая оправа скользнула ей на нос, Мэри встревожилась, однако низкий, уверенный голос мистера Спарроу успокоил ее, и она ощутила проблеск интереса к его продуманным и проверенным временем методам. Взглянув на карточку сквозь стекла первых очков, Мэри оказалась настолько поражена, увидев, как линзы исказили буквы, что удивление побороло ее застенчивость, и она громко вскрикнула.

– Сэр, я вообще ничего не могу разобрать – одни лишь размытые формы и очертания! Что это значит?

– Значит, это вовсе не то, что мы ищем, однако оно направляет нас к нужному пути.

Мистер Спарроу дал ей другую пару очков, и на этот раз Мэри показалось, что буквы стали немного четче. Раз за разом она меняла очки, а результат иногда был немного лучше, а иногда – хуже. Вопреки самой себе, Мэри так втянулась в процесс, что ее смущение вовсе исчезло. Она начала воспринимать себя не как пациентку мистера Спарроу, а как союзника, помогавшего ему в решении проблемы. В конце концов он надвинул на ее переносицу очки, которые заставили Мэри ахнуть в изумлении. Внезапно каждая буква на карточке стала яркой и четкой.

– О, мистер Спарроу, я могу разглядеть каждую букву на этих карточках! Каждую букву и каждую цифру! Я вижу все!

– Что ж, видимо, это оно, – сказал мистер Спарроу, усмехнувшись. – Всегда приятно видеть такую реакцию. Думаю, мы можем быть уверены, что нашли ответ на свой вопрос. Эта маленькая вещица, – сказал он, наклонившись и вытащив линзу из оправы, – будучи выполненной должным образом, я уверен, сможет необычайным образом изменить вашу жизнь.

– Это действительно замечательная вещица, сэр. Вы расскажете мне, как она работает?

– Быть может, я могу попросить Джона объяснить это вам? В таком случае я смогу увидеть, как многое из того, чему я учил его, укоренилось в его уме. Не окажешь нам услугу, Джон?

Поначалу юноша был застенчив и нерешителен, но поскольку он знал свое дело, постепенно его решимость росла, пока он рассказывал об изящном изгибе линзы, ее преобразующем воздействии на глаз, а также о тщательности и точности, с которыми она должна была быть выполнена, чтобы исправить недостатки зрения.

– Я учусь делать это самостоятельно и буду очень рад... польщен... сделать линзы для вас.

Закончив рассказ, он поймал ее взгляд, и тут же устоялся в пол, словно сказал много лишнего. Его отец, гордый сыном, похлопал того по плечу.

– Мы сделаем это вместе, и сделаем наилучшим образом. Осмелюсь предположить, мисс, что вы останетесь весьма довольны результатом.

Мэри, не привыкшая находиться в центре внимания, отвела взгляд. Впрочем, она не находила это неприятным. Почувствовать себя оскорбленной в присутствии этих спокойных и заботливых мужчин, чьи умы были так поглощены вызовами своей профессии, казалось просто невозможным. Возвращая очки, Мэри повернулась к ним и улыбнулась. Миссис Хилл подошла к ним, и какое-то мгновение все просто стояли вместе, довольные тем, что решили проблему. Затем Мэри услышала в коридоре шаги матери и тут же побледнела.

– Итак, мистер Спарроу, – воскликнула миссис Беннет, заходя в комнату, – что вы мне скажете?

Когда доктор попытался объяснить ей свои открытия и поделиться мнением по поводу зрения Мэри, миссис Беннет лишь нетерпеливо отмахнулась.

– Все это замечательно, сэр, но могли бы мы перейти к делу? Вы утверждаете, что моей дочери придется носить очки?

– Да, мэм, полагаю, так. Не думаю, что она сможет работать без них с той же легкостью. Для всех занятий, где потребуется острое зрение, очки будут необходимы.

– Однако нет никакой нужды носить их вне дома? Она может обходиться без них на публике или в тех местах, где ее могут увидеть люди?

– Это должна решать сама молодая леди, но я уверен, она извлечла бы большую пользу, имея возможность прекрасно видеть в любой ситуации, будь это на публике или в приватной обстановке.

Миссис Беннет нахмурилась.

– Благодарю вас, мистер Спарроу. Вы можете написать мистеру Беннету, и он сообщит вам о нашем решении. Желаю вам прекрасного утра.

Жестом она указала миссис Хилл, чтобы та проводила доктора. Мэри смотрела, как Спарроу уходит, сожалея о том, что не успела должным образом их поблагодарить. Как только доктор с сыном ушли, мать возмущенно повернулась к ней.

– Эти новости меня очень разочаровали, Мэри. Это совсем не то, на что я надеялась.

Мэри промолчала. Она не хотела еще сильнее злить мать.

– Мы пойдем и обсудим все непосредственно с твоим отцом. Посмотрим, что он скажет.

Молча они направились в гостиную. Миссис Беннет распахнула дверь, и Мэри с сожалением увидела, что внутри собралась вся семья. Она надеялась избежать конфуза, который мог возникнуть при обсуждении ее проблемы при всех, однако, очевидно, это не представлялось более возможным. Громко вздохнув, миссис Беннет села. Джейн и Лиззи оторвались от чтения, а Китти и Лидия подняли взгляды от перчаток, которые с интересом рассматривали. Лишь их отец, сосредоточенно уставившийся в газету, никак не отреагировал. В конце концов терпение миссис Беннет лопнуло.

– Мистер Беннет, я должна вам кое-что сказать. Боюсь, это крайне неприятные новости. Не хотели бы вы узнать, в чем дело?

Мистер Беннет опустил газету и спокойно взглянул на жену.

– Каковы бы ни были мои желания, я уверен, вы все мне расскажете.

– Мэри нужны очки. Окулист сказал, что она не может видеть без них. Вот так, мистер Беннет!

Миссис Беннет огляделась вокруг, ощущая себя так, словно сообщила нечто важное и очень тревожное. Первой заговорила Элизабет:

– Мама, безусловно, это хорошо, что теперь мы знаем, как помочь Мэри. Если ей действительно нужны очки, почему бы ей их не носить? Должно быть, очень тяжело обходиться без них, если зрение уже не так прекрасно, как прежде.

Миссис Беннет испуганно вскрикнула.

– О чем ты говоришь, Лиззи? Это ужасное несчастье для Мэри! Очки нужны дряхлым старикам, а не восемнадцатилетним девушкам! Я отказываюсь верить в то, что они действительно ей необходимы. Никто в моей семье еще не страдал такими ужасными болезнями. У нас, Гардинеров, всегда было прекрасное зрение.

– Но мама, – продолжила Элизабет, – ты почти не работаешь с мелкими вещами и очень редко читаешь – ты можешь просто не знать, что тебе нужны очки.

– Как ты можешь такое говорить! Никто не любит книги так, как я. «Очень редко читаешь», скажешь тоже!

– Вы забываете, моя дорогая, что я и сам ношу очки, – добавил мистер Беннет. – Мне не нравится думать о себе как о дряхлом старике и все в таком духе, но я должен признать, что заниматься без них было бы невозможно.

– Вы смеетесь надо мной, мистер Беннет, но знаете, что я права. Мужчины могут носить очки. Я полагаю, даже молодые мужчины, в особенности если это юрист или священник, или человек подобной профессии, ведь никто не станет отзываться о нем дурно. Для юной девушки все совсем иначе. Что, по-вашему, скажут люди, увидев в очках Мэри? Кто после этого захочет на ней жениться?

Мистер Беннет внимательно посмотрел на жену.

– Возможно, один из тех самых молодых людей, которых вы только что описали. Человек, что сам носит очки, абсолютно равнодушный к насмешкам всех жителей округа. В действительности это может стать тем самым, что привлечет к Мэри вышеназванного молодого человека.

– Вам нравится шутить над этим, но это вовсе не смешно. Окулист утверждает, что очки необходимы ей для чтения, но ради чего, могу я поинтересоваться, ей нужно читать столько книг?

Когда Элизабет попыталась вмешаться, отец предупреждающе поднял руку.

– Если Мэри не будет читать, какие еще занятия ей доступны? У нее нет никакого вкуса к рисованию, и, как вы часто говорили мне, ее навыки шитья вас крайне разочаровывают. Безусловно, я не эксперт, но, судя по всему, ее умение обращаться с иглой едва ли улучшится, если она не сможет разглядеть нить. Полагаю, она способна помочь вскапывать огород, когда подоспеет зимняя капуста.

Мэри сохраняла молчание на протяжении всего разговора. Никто и не ожидал, что она что-нибудь скажет. Вместо участия в беседе она позволила себе сконцентрироваться на добрых словах Элизабет. Она уже давно не слышала, чтобы Лиззи так беспокоилась о ней. Однако она знала, что такого же сочувствия от младшей сестры ожидать не следует.

– Думаю, я бы предпочла ослепнуть, чем надела бы такую уродливую штуковину себе на лицо! – воскликнула Лидия. – Отказ от книг был бы небольшой платой за такую чудовищную судьбу. Чему вообще можно научиться, читая?

Мистер Беннет взглянул на Лидию с явным неодобрением.

– Именно подобные замечания снискали тебе репутацию одной из самых тщеславных и, должен добавить, одной из глупейших и пустоголовейших девиц во всей округе.

– Мне это безразлично, пока я не одна из самых уродливых девиц, отец.

Миссис Хилл вошла с кофейником как раз в тот момент, когда Лидия произносила свое неучтивое замечание. Увидев ее, Лидия с надеждой подняла свою чашку, но миссис Хилл притворилась, будто не заметила этого и унесла от нее кофейник как можно дальше, на другой конец стола, где предложила кофе мистеру Беннету.

– Благодарю, Лидия, – произнес тот, пока миссис Хилл наполняла его чашку. – Ничто не могло бы помочь мне больше в решении этого вопроса. Я не намерен вставать на пути ни одного из членов этой семьи, кто стремится понизить уровень глупости в доме. Мэри, если ты хочешь читать, то должна иметь для этого все необходимое. Ты получишь свои очки.

Миссис Беннет выглядела так, словно собиралась поспорить, но ее муж услышал уже достаточно.

– Нет, моя дорогая, на этом все. Я больше не намерен обсуждать эту тему. До обеда я буду в библиотеке и не хочу, чтобы меня беспокоили.

Мэри сидела спокойно несколько мгновений, пытаясь не показывать своего облегчения и удовлетворения. Она не помнила, когда в последний раз чувствовала себя более счастливой. Встав, миссис Беннет даже не взглянула на дочь, но Мэри было все равно. Она вышла из гостиной, едва не подпрыгивая.

Прошло несколько недель прежде, чем мистер Спарроу написал, что очки готовы и он будет рад навестить миссис Беннет, когда ей будет удобно. Миссис Беннет, которая считала себя сделавшей все, что было в ее силах, чтобы предотвратить этот величайший позор, отказалась присутствовать и вновь послала вместо себя миссис Хилл, проинструктировав ее, чтобы та не допустила никаких незапланированных действий. Как только маленькая группа вновь собралась вместе и Мэри села, выпрямив спину, в кресло, мистер Спарроу жестом указал своему сыну, чтобы тот открыл его кожаную сумку. Юноша достал из нее пару очков, обернутую в мягкую ткань, и со всем достоинством протянул Мэри. Надев их, Мэри взяла со стола книгу, раскрыла ее и удовлетворенно воскликнула, когда буквы перед ее глазами стали четкими.

– Взгляните, миссис Хилл! Теперь я все прекрасно вижу!

Миссис Хилл скрестила руки на груди и оценивающе посмотрела на нее.

– Я очень рада, но не уверена, что это понравится вашей матери.

В мгновение ока весь энтузиазм Мэри испарился. Сняв очки, она положила их себе на колени. На какое-то время она забыла о том, какую цену должна заплатить за возможность видеть мир по-новому. Насмешки Лидии звенели у нее в ушах. Теперь, когда она могла видеть гораздо лучше, Мэри стала бы еще большей дурнушкой, чем прежде.

– О нет, не делайте этого, мисс, прошу вас...

Мэри была поражена, увидев, как Джон Спарроу пересекает комнату и берет у нее очки.

– Не позволяйте себе падать духом. Разве это не прекрасно – хорошо видеть, не пытаясь слишком всматриваться и не прищуриваясь?

Кусочком ткани он сосредоточенно протер стекла очков.

– И в самом деле, они очень вам идут. Когда вы улыбаетесь... вы выглядите в них очень хорошо.

Младший Спарроу передал очки обратно Мэри, слегка кивнув, затем поспешно отошел и встал подле отца.

– Джон совершенно прав, – согласился мистер Спарроу, – по всем пунктам. И как только вы станете носить очки достаточно часто, все, и даже вы, перестанете их замечать. В этом вы можете быть уверены.

Мэри сомневалась, что ее мать согласилась бы со словами доктора, но не хотела спорить с этим добрым и доброжелательным человеком.

– Благодарю вас, мистер Спарроу. Уверена, вы правы. Думаю, они идеально мне подходят, и я очень счастлива носить их.

Она взяла очки и вышла в коридор. Когда она закрывала за собой дверь, ей показалось, что Джон Спарроу провожает ее взглядом, но, подумав об этом, Мэри решила, что ошиблась. Выйдя, она постояла пару минут, слушая, как миссис Хилл объясняет мистеру Спарроу детали оплаты, затем, собравшись с мыслями, быстро ушла. Последний том миссис Маколей ждал, пока Мэри опробует на нем свои новые очки.

– 7 –

Несколько раз в год в залах собраний Меритона устраивали общий бал. Любой, кто хоть как-то претендовал на хороший вкус, делал вид, что презирает эти простые развлечения. Комнаты были слишком малы, музыка – слишком громкой, а закуски малосъедобными. При этом ни у кого не возникало и мысли о том, чтобы не прийти. Первый бал сезона ожидался с величайшим волнением, по большей части оттого, что, хоть он и проводился осенью, точная дата события редко была известна до самого последнего момента. По мере того как листьев на деревьях становились все меньше, а вечера становились все темнее, ожидание возрастало, особенно среди молодых людей, что жаждали возможности потанцевать. Однако шли недели, а никакой информации о дате проведения бала так и не сообщали. Разумеется, это была Лидия, кто во время полных безделья и сплетен поездок в деревню первой услышала, что день наконец назначен, и она с триумфом привезла эту новость в Лонгборн. Влетев в коридор с Китти, еле поспевавшей позади, Лидия побежала напрямик к миссис Беннет.

– Бал назначили на первую субботу следующего месяца! Я услышала это от самого мистера Томпсона. Я проходила мимо залы собраний, и он был там. Я спросила его, а он сказал, что только что договорился с музыкантами, поэтому я первая обо всем узнала.

Лидия ерзала на стуле, все еще не сняв шляпу после того, как влетела домой, и торопилась поделиться со всеми новостью.

– Ужин уже заказан, комнаты предстоит убрать, а пол – отшлифовать, чтобы сберечь ноги танцоров. Заметка появится только в завтрашней газете.

Миссис Беннет, почти настолько же взволнованная, как и ее дочь, захлопала в ладоши.

– Прекрасно, Лидия! Как умно с твоей стороны было узнать обо всем. Вы слышали, мистер Беннет? Меритонский бал состоится через три недели от этой субботы!

– В самом деле? Моя радость не может быть столь же велика, ибо я не собираюсь идти на сие мероприятие. Однако ничего не имею против безобидных развлечений. Ты пойдешь, Лиззи?

– Возможно, – ответила Элизабет, – если со мной пойдет Джейн. Я пока не уверена.

Лидия взглянула на нее с искренним удивлением.

– «Пока не уверена»? Как ты можешь быть такой занудой, Лиззи? Я уверена, что просто умру, если не пойду на этот бал. Я покончила бы с собой от хандры.

– Постарайся держать себя в руках, – спокойно произнес мистер Беннет, – ведь я еще не решил, идешь ли ты. Джейн и Лиззи могут пойти, они бывали там и раньше, и я не сомневаюсь в их благом поведении. Мэри тоже может пойти, если пожелает. Она уже достаточно взрослая, и ей можно доверять. Но вы с Китти – совсем другое дело.

Мэри, сидевшая в углу с книгой на коленях, не ожидала услышать свое имя в связи с балом. Она поверить не могла в то, что отец похвалил ее – то была призрачная похвала, воистину, но Мэри почувствовала, как внутри нее все потеплело от гордости.

Тем временем Китти и Лидия подняли волну возмущения.

– Вы ведь не имеете этого в виду, папа! – воскликнула Лидия. – Вы же не собираетесь вправду помешать мне пойти на этот бал?

– В самом деле, мистер Беннет, – заявила его жена, – я уверена, ни Лидия, ни Китти не сделают ничего, что заставило бы нас стыдиться.

– Хотел бы я обладать той же уверенностью, – ответил мистер Беннет. – Ни одну из них нельзя назвать ни сдержанной, ни скромной. А Лидия, ко всему прочему, еще и весьма упряма.

Лидия встала, и в глазах ее заблестели слезы.

– Вы очень жестоки ко мне, папа. Вы должны позволить мне пойти! Вы должны!

Мэри, которая обычно предпочитала не связываться с младшей сестрой, когда та не могла получить желаемое, ободренная на сей раз лестным замечанием отца, попыталась поддержать его:

– Первый выход в свет молодой девушки должен сопровождаться большой осторожностью. Слишком много ловушек и соблазнов может сокрушить ее, если у нее недостаточно опыта или способности здраво рассуждать, чтобы противостоять им.

Лидия, неспешно развязав ленту и вытащив из нее булавки, сняла шляпу.

– В самом деле? – холодно спросила она. – Что ж, может быть, ты и достаточно взрослая, чтобы выходить в свет, но тебе нет нужды беспокоиться о ловушках и соблазнах. Просто нацепи очки, и ты будешь в полной безопасности, уверяю тебя.

Сказав это, Лидия бросила шляпу на пол и вылетела из комнаты. Вслед за ней выбежали Китти и их мать, изо всех сил пытавшаяся успокоить дочь – их отец просто пошутил, уж она его знает, он точно передумает.

– Вот что может произойти, если ткнуть палкой муравейник, – сухо обратился к Мэри мистер Беннет. – Ты должна понимать, что тебя могут укусить.

Собрав все достоинство, что только могла, Мэри встала и пошла наверх в свою спальню. Сев за туалетный столик, она достала из кармана очки. Со всей осторожностью надвинув их на нос, она пристально уставилась на свое отражение. Мэри вертелась из стороны в сторону, рассматривая себя со всех углов, но ни намек на улыбку не отразилось на ее лице. Глаза наполнились слезами. Все было так, как и сказала Лидия. Темная металлическая оправа казалась огромной на ее крохотном личике, а линзы делали ее взгляд глуповатым и испуганным. Едва ли она выглядела в них лучше, чем обычно.

Спустя двадцать минут, когда в дверь постучала миссис Хилл, Мэри все еще сидела перед зеркалом. Экономка пришла с охапкой чистого постельного белья, но Мэри знала, что не это было истинной целью ее визита.

– Я слышала, что произошло между вами и мисс Лидией.

Мэри сидела молча, все еще глядя в зеркало.

– Она может быть очень остра на язык, если ее расстроить, – сказала миссис Хилл, – но вы и без меня это знаете.

Она опустила стопку белья, подвинула к себе стул и села как можно ближе к Мэри.

– Надеюсь, вы не примете ее слова близко к сердцу, – тихо произнесла экономка. – В ней говорили гнев и своеобразие. Это не означает, что сказанное ей – правда.

– В самом деле? – спросила Мэри. – Я уже полчаса смотрю на себя и не могу найти ничего в себе, что бы оспорило слова Лидии.

– Не буду лгать, будто очки делают вас красивее, – признала миссис Хилл, – но вы не обязаны носить их постоянно. А без них вы выглядите так же хорошо, как и большинство женщин.

Мэри повернулась к ней, скептически нахмурившись.

– Я знаю, вы не верите мне, но это правда. Ваша кожа чиста, а фигура стройна – ни чрезмерной худобы, ни лишней полноты. Когда вы без очков, ваши глаза достаточно красивы, а волосы имеют приятный светло-каштановый оттенок, несмотря на отсутствие единого завитка.

– Вы очень добры, миссис Хилл, но вы не должны утешать меня. Зеркало не может лгать.

– Возможно. Но, по правде говоря, не думаю, что вы видите себя со всей ясностью, мисс. Сестры стоят у вас на пути. И нарцисс может быть совсем неприметным, если растет среди лилий. Однако без них он обладает собственной красотой.

– Да, возможно, меня можно назвать высокой и стройной. Порой даже желтой, как нарцисс, – неловко улыбнулась Мэри. – Но если вы хотите сказать, что я не выдерживаю сравнения со своими сестрами, то не трудитесь – я знала об этом многие годы.

– Мне интересно, были бы вы более счастливой, если бы проводили с ними меньше времени – если бы нашли подруг, которые отличались бы чем-то, кроме приятной внешности.

– Лиззи любят не только за ее красоту, но еще и за остроумие.

– Верно, – подтвердила миссис Хилл, – ей повезло быть одновременно хорошенькой и смышленной. Но, я думаю, если бы вы чаще выходили в свет, то увидели бы, насколько редко люди бывают так одарены. Большинство из них заурядны, вы обнаружили бы это, если бы встретили новую компанию и время от времени покидали дом.

– Не думаю, что у меня есть к этому какая-либо тяга. У меня есть фортепиано и мои книги.

– Не уверена, что этого достаточно для девушки вашего возраста. Скажите мне, что вы думаете о бале в Меритоне? Надеюсь, вы пойдете на него. Если пойдет мисс Лидия, то я не вижу ни одной причины, почему бы вам не поступить так же.

– Наш отец еще не высказал определенного мнения по этому вопросу, – начала Мэри, но выражение лица миссис Хилл свидетельствовало о том, что возражения мистера Беннета не устоят перед решительной атакой младших дочерей и его жены. – Я и сама еще ничего не решила, – продолжила она. – Не уверена, понравится ли мне.

– Почему нет? Быть может, это и не грандиознейшее событие, однако там будут музыка и танцы, много смеха и веселья. Вы никогда не были на балу. Разве вам не хотелось бы узнать, каково это?

– Не знаю. Мне нужно подумать.

– Вам понадобится новое платье, если вы не будете медлить с решением. Я могла бы пойти с вами и выбрать отличный кусок муслина, и мы могли бы сшить из него что-то хорошенькое – не слишком яркое или пестрое. Я уложила бы ваши волосы – не так, как любит ваша мать, а так, как понравилось бы именно вам. Что скажете?

– Не знаю. Я боюсь... Что, если никто не захочет со мной танцевать?

– В таком случае вы будете объедаться мороженым и насмехаться над их недалекостью! Почему бы вам не поразмыслить над этим до утра? Тяжело видеть, как такая молодая девушка, как вы, отворачивается от увеселений и хорошей компании. На это у вас будет предостаточно времени в будущем, можете мне поверить.

Когда миссис Хилл ушла, Мэри легла на кровать и уставилась в потолок, размышляя над услышанным. Энтузиазм миссис Хилл раззадорил ее любопытство, и она начала сомневаться в своем решении не идти на бал. Возможно, затея остаться дома не такая уж и правильная. Перспектива выйти из дома в холодную осеннюю темноту, втиснуться с сестрами в нанятый экипаж и трястись в нем по дороге до Меритона, была волнующей. Мэри никогда не видела зал для собраний, подготовленных для бала, освещенных и украшенных бумажными цветами и зимним остролистом. Она думала о том, что могла бы послушать, как оркестр наигрывает старые знакомые мелодии и джиги, и посмотреть, как веселятся люди вокруг. В самом деле, отчего бы ей не пойти? Это всего лишь провинциальный бал. Другие девушки ее возраста уже бывали на балах, и им было о чем рассказать, но вовсе не все из них были красавицами. И разве не сказал некто – она не могла в тот самый момент вспомнить, кто именно, – что для пытливого ума нет опыта, который пропадает даром? Спустя полчаса Мэри почти убедила себя, что должна пойти на бал. А если она действительно пойдет, то определенно была обязана обзавестись платьем под стать случаю. Если кто-то выходит в общество, то должен следовать его правилам. Впервые на своей памяти Мэри позволила воображению унести себя в мир красивых тканей и элегантных платьев с их самыми разными цветами, фасонами и отделкой. Прежде чем уснуть, она окончательно вывела заключение, что миссис Хилл была права. Бессмысленно было отвергать такой случай. Она могла увидеть своими глазами настоящую жизнь и, более того, попытаться показать себя настолько опрятной, изящной и благовоспитанной, насколько

возможно. Мэри могла купить себе новое платье и пойти на бал. Впервые она будет веселиться так же, как все остальные.

За завтраком на следующий день стало ясно, что мистер Беннет определился с решением. А триумфальное выражение лица Лидии ясно говорило о том, что решение было принято в ее пользу. Она едва могла сдержать волнение, которое совсем немного мешало ей стремительно поглощать горячие булочки с маслом.

– Спасибо вам, папа, спасибо, спасибо. Клянусь, что впредь я буду любить вас вечно.

Миссис Беннет, полностью удовлетворенная, широко улыбалась любимой дочери, но мистер Беннет был мрачнее тучи.

– Твоя благодарность заставляет меня сомневаться еще больше, чем твоя капризность. Не уверен, что идти у тебя на поводу было мудрым решением.

Мистер Беннет был человеком весьма проницательным от природы, и редко возникали ситуации, когда он не понимал, что от него требуется. Но напряжение утомляло его, и нечасто он утруждал себя какими-либо действиями, даже если знал, что предпринять что-то было бы правильным. Ему было гораздо проще смеяться над своими дочерьми, чем пытаться исправить их. Лишь по отношению к Лиззи он чувствовал какое-то истинное уважение, вероятно, в силу чего она единственная смела бросать ему вызов.

– Тогда почему, папа, вы это делаете? – спросила Элизабет. – Немного жесткости по этому вопросу смогло бы дать Лидии понять, что не все можно получить, учиняя сцены.

– В самом деле, Лиззи, – воскликнула миссис Беннет, – ты говоришь как Мэри! И какое это, позволь спросить, отношение имеет к тебе? Я буду там, чтобы присматривать за Лидией и Китти, и прослежу, чтобы они вели себя должным образом.

Мистер Беннет опустил нож и с горьким удовлетворением оглядел сидящих за столом.

– Видите, мои дорогие, нет нужды беспокоиться. Ваша мать, с ее обычной благопристойностью, позаботится о том, чтобы над вами не возобладали ни глупость, ни потворство собственным слабостям.

Мэри заметила, как Элизабет поймала взгляд Джейн и они обменялись выражениями тревоги, сожаления и огорчения – целым набором эмоций за одно мгновение. Ее младшие сестры не услышали в словах отца ничего такого. К Лидии вернулась ее обычная самоуверенность, и она беспечно подливала себе еще чаю и накладывала джем.

– Китти тоже должна пойти, – потребовала Лидия. – Если иду я, было бы чудовищно, если бы Китти осталась дома.

Китти яростно закивала, набив рот булкой. Однако прежде, чем она успела произнести хоть слово в свою поддержку, Мэри решила сделать собственное заявление.

– Думаю, я тоже хочу пойти, папа. Если у вас нет на мой счет никаких возражений.

– Ты хочешь пойти? – воскликнула искренне удивленная Лидия. – Зачем это?

– Думаю, пора мне посмотреть на мир.

Мэри решила больше ничего не говорить. У нее не было никакого желания становиться предметом насмешек Лидии. Ничто в этом мире не могло заставить ее признать, что в действительности она начала с нетерпением ожидать этого бала.

– Конечно, ты можешь пойти, – раздраженно ответил мистер Беннет. – Все, кто хотят, могут пойти, на том условии, что я больше не услышу ничего об этом бале. Но, миссис Беннет, вы должны понимать, что нет никакого смысла обращаться ко мне за средствами на покупку новых нарядов. Вероятно, я дам денег на какие-то побрякушки, ленты и перья, но это – предел моей щедрости. Даже не рассчитывайте тратиться ни на какие платья, платки, туфли и тому подобное.

Лидия, Китти и их мать одинаково огорчились, услышав это, но мистер Беннет был неумолим.

– Нет-нет, ни слова больше. Один раз меня уже убедили действовать против моей воли. В этом вопросе я останусь непоколебим.

– У меня есть кое-какие сбережения, – задумчиво произнесла Мэри. – Я никогда не трачу свои карманные деньги, поэтому, думаю, мне хватит на платье, если его успеют сшить вовремя.

Лидия бросила на нее гневный взгляд с другого конца стола.

– Господи, ты и впрямь самая надоедливая зануда!

– Может быть, и так, – отозвалась Мэри совершенно спокойно. – Но, по крайней мере, я буду занудой в новом платье.

Позднее тем же утром Мэри и миссис Хилл вошли в магазинчик тканей Меритона, где отыскиали узорчатый муслин бледно-кремового цвета, прошитый тонкой золотой нитью, – по словам миссис Хилл, белый смотрелся бы слишком ярко на фоне лица Мэри. Почтительно трогая пальцами изящные волны ткани, Мэри подумала, что это самая красивая вещь, которую она когда-либо видела. Дождавшись, когда покупку завернут, она отказалась отдавать объемистый сверток миссис Хилл и сама несла его домой всю дорогу, одновременно ощущая гордость и толику страха за то, что сделала такой большой шаг.

Уже дома, в своей спальне, она обсудила с миссис Хилл, каким должно быть платье. Искать совета у сестер не представлялось возможным. С Джейн и Лиззи она чувствовала бы себя слишком скованно, а затевать подобный разговор с Китти или Лидией не имело смысла. Они лишь посмеялись бы над ее неуверенными попытками найти подходящий стиль. Кроме того, воланы и оборки, которые так любила Лидия, вовсе не были по вкусу самой Мэри. На ней они выглядели бы дурно и фальшиво. Она чувствовала бы себя наиболее непринужденно в простом платье, которое не заявляло бы о себе чересчур громко. Возможно, думала Мэри, простое платье – лучшее украшение для такой простушки, как она?

Через десять дней все было готово. Портниха принесла платье уже вечером, передав, как и было оговорено заранее, из рук в руки миссис Хилл – у Мэри очень не хотела, чтобы ее сестры увидели платье прежде нее. Торопясь вместе с миссис Хилл наверх, в свою комнату, Мэри буквально задыхалась от волнения. Едва оказавшись внутри, она зажгла свечу, а миссис Хилл заперла за собой дверь. Пальцы неловко запутались в веревке, опоясывавшей сверток, но вскоре он был открыт. Когда Мэри подняла платье, оно заструилось по ее рукам, а золотая нить сверкнула в свете свечи. Оно было воздушным и изящным, словно облако, совсем не похожим на те накрахмаленные серые и бежевые хлопковые платья, которые она обычно носила. Да, оно было простым, без каких-либо украшений, привлекающих взгляд, но в его простоте была чистота и элегантность.

– Все вышло прекрасно, мисс, – сказала миссис Хилл. – В самом деле, очень хорошо.

Мэри подняла платье перед собой и посмотрелась в зеркало.

– Оно слишком красиво для меня, не так ли? Не буду ли я выглядеть нелепо?

– Нет, не будете. Я уверена, вы будете в нем просто красавицей.

Мэри застенчиво посмотрела на свое отражение. На красавицу она и не рассчитывала. Однако того, что она не будет выглядеть в нем нелепо или странно, было ей достаточно.

– 8 –

В вечер бала миссис Хилл, пользуясь большим спросом, торопливо перебегала из комнаты в комнату и помогала каждой из сестер с завершающей подготовкой платьев, подкалывая, заправляя, подрезая и подшивая. Но именно Мэри она посвятила основную часть своего времени, укладывая ее волосы аккуратно и просто, под стиль ее платья, и даже не пытаясь навязать ей недолговечные локоны. Когда миссис Хилл закончила, она вытащила из кармана фартука сверток бумаги, бережно его развернула и положила на туалетный столик. Заглянув внутрь, Мэри увидела небольшую щепотку бледно-розовой пудры.

– Это что, румяна? – неуверенно спросила Мэри.

– Они самые. Позаимствовала их из ящика мисс Лидии. У нее их достаточно, чтобы не заметить такой маленькой потери.

– Вы предлагаете мне ими воспользоваться, не так ли?

– Все, что вам нужно, – лишь небольшой штрих. Опустите в них ваши пальчики, едва коснитесь, а затем аккуратно вотрите в щеки.

Мэри взяла маленький сверток и стала с любопытством разглядывать содержимое.

– Ну же, – поторопила ее миссис Хилл. – Совсем немного. Обещаю вам, никто не узнает.

Внезапно приняв решение, Мэри как можно осторожнее окунула палец в пудру и нанесла ее на лицо.

– Для начала всего слегка, – посоветовала ей миссис Хилл. – Это похоже на готовку – вы всегда можете добавить больше соли, но обратно ее уже не достать. Вот так, идеально. Теперь у вас есть легкий румянец, но чересчур раскрашенной вы не выглядите. Пора надевать платье, если вы не хотите опоздать.

Гладкая ткань платья легко и уверенно скользнула через голову Мэри. Всего пара секунд, и она была готова. Она почти боялась взглянуть на себя в зеркало, но все же набралась храбрости и посмотрела на свое отражение. Мэри увидела высокую молодую женщину в легком красивом платье, с изящной фигурой, гладкими каштановыми волосами и мягкими правильными чертами лица. Ее захлестнула волна облегчения. Она знала, что в ее сторону никогда не обратятся взгляды других людей, когда она войдет в комнату, как это часто происходило с ее сестрами. Однако, осмотрев себя критически, Мэри подумала, что выглядит лучше, чем когда-либо. Она со всем справится.

– Вы выглядите очень приятно, мисс, – сказала миссис Хилл. – Именно то, чего мы и хотели. Однако осталась еще одна вещь.

С этими словами экономка протянула руку к лицу Мэри, сняла очки и опустила их на туалетный столик.

– Теперь вы готовы. А мисс Лидия зовет всех к выходу уже десять минут.

Оставшись одна в своей комнате, Мэри взглянула на свои очки, не зная, что делать. Затем, после минутного колебания, подняла их, сунула в маленькую вечернюю сумочку и спустилась холл, чтобы встретить сестер.

Мэри собралась последней, что было совсем не похоже на нее, и когда она вошла в холл, все уже были там, ожидая ее и болтая. Увидев ее, все замолчали. Элизабет заговорила первой, оглядывая сестру с ног до головы с приятным удивлением.

– Очень красивое платье. Ты прекрасно выглядишь в нем, Мэри.

– В самом деле, – подтвердила Джейн. – Цвет подобран исключительно удачно. Оно идеально тебе подходит.

Миссис Беннет отошла от зеркала в прихожей, где заканчивала последние приготовления – без этого ей и в голову не пришло бы выйти из дома. Холодно она оглядела Мэри. Она

давно надеялась увидеть улучшения во внешности средней дочери, но поскольку не она была той, что приложила руку к ее преобразению, то и великодушия проявлять не намеревалась.

– Итак, мисс, кажется, вы можете сделать над собой усилие, когда захотите. Как жаль, что вы не делаете этого чаще.

– Просто удивительно, что может сделать новое платье, – едко заметила Лидия. – Любая сможет выглядеть в нем лучше. Будь у меня новое платье, уверена, я поразила бы вас всех!

– Не сомневаюсь, что ты сделала бы это и без платья, – ответила ей Элизабет.

Мэри осторожно накинула на себя плащ, довольная тем, что все прошло не хуже, чем она ожидала, и проследовала за сестрами на холодный вечерний воздух. Пока экипаж отъезжал от дома, она молчала. Никто не говорил с ней. Джейн и Элизабет тихо перешептывались, а Лидия громко рассуждала, вовсе не требуя ни от кого ответа.

– Только подумайте, мама, вчера я видела Дика Смитсона в Меритоне, и он решительно настаивал, чтобы я оставила для него свой второй танец. Первым танцем он обязан этой зануде мисс Денни, но она его кузина, так что, я полагаю, это его долг. А капитан Картер выпросил у меня третий танец. Я очень надеюсь, что он наденет свою форму. Вы не можете себе представить, насколько он в ней хорош.

– О, еще как могу, – заверила ее миссис Беннет. – Когда-то мне и самой нравились офицеры. Надеюсь, ради тебя он наденет форму сегодня вечером.

– А четвертый танец, – продолжила Лидия, едва заметив слова матери, – я надеюсь оставить для Уильяма Дигби. Я сказала, что ему придется достать для меня мороженое, потому что к тому времени я наверняка буду вся в поту.

Когда Китти издала возмущенный вопль, Элизабет раздраженно подняла на нее взгляд.

– Лидия, ты же знаешь, что мистер Дигби пригласил меня на четвертый танец. В самом деле, мама, скажите ей, что она не должна... это нечестно...

Забившись в угол, Мэри начала прикидывать свои шансы найти партнера для танцев. Она знала так мало молодых людей. Ежедневные прогулки Лидии и Китти по Меритону обеспечили им знакомство с разными мужчинами, в особенности с тех пор, как несколько месяцев назад в Меритон прибыл целый полк военных. Они встречали офицеров, прогуливавшихся по улицам, подшучивали над ними, стоя у магазина с шляпками, и считали многих из них своими близкими друзьями. Джейн и Элизабет держались более отчужденно, но даже они иногда отвечали на приветствия более благородных солдат вежливым наклоном головы. Мэри же подобными знакомствами, что могли с такой же легкостью открыть ей двери на бал, не обладала. Она редко сопровождала сестер в их поездках в Меритон, а когда это случалось, с каким бы офицером им ни удавалось столкнуться, сказать ему Мэри было нечего. У нее не имелось таланта ни к очаровательной светской беседе, ни к кокетливой бессмысленной болтовне.

Когда карета въехала в Меритон, беспокойство Мэри возросло. Все радостное возбуждение, которое она испытывала, покидая дом, начало улетучиваться при мысли о том, что ждет ее впереди. Пока бал лишь призрачно маячил в будущем, Мэри могла думать о нем почти с восхищением. Но теперь, когда все постепенно становилось реальным, она чувствовала себя совсем по-другому. Когда экипаж подъехал к бальным залам, мужество начало покидать ее. Что, если никто не пригласит ее на танец? Она слышала, как Джейн и Лиззи со смехом жаловались на случаи, когда им было не с кем потанцевать, но подобные события были такой редкостью, что жалобы эти походили лишь на веселую самоиронию. Они-то могли быть уверены – новый партнер не заставит себя ждать. Мэри знала, что не обладала и толикой их самообладания и уверенности. Когда вся лонгборнская компания собрала свои плащи и сумки, торопясь поскорее покинуть экипаж, Мэри проследовала за матерью и сестрами навстречу ярким огням и шуму бала, чувствуя, как бешено колотится сердце.

– 9 –

Толпа людей, собравшаяся у входа в залы, казалась огромной и столь же неприступной, как Мэри и боялась. Она металась из стороны в сторону, почти оглушенная громкими приветствиями и эхом, раскатывавшимся у нее над головой, пока пробиралась сквозь множество возбужденных гостей, сгрудившихся в коридоре. Отчаянно стараясь не терять из виду сестер, за чьим передвижением сквозь толпу, как она заметила, следило множество оценивающих мужских взглядов, Мэри проталкивалась вперед со всей храбростью, на которую только была способна, пока наконец не выбралась на открытое пространство бального зала. На мгновение она замерла, пораженная тем, что увидела. Старые бальные залы, какими она их помнила, изменились до неузнаваемости. Повсюду горели свечи, по правде сказать, не самые дорогие, отчего в воздухе стоял отчетливый запах растопленного жира, но их мерцающий свет чудесным образом преображал обшарпанные стены и освещал ветви с осенними листьями, висевшие на стенах в качестве украшения. Вдалеке, за приоткрытыми двойными дверями, Мэри увидела, как слуги накрывают на стол, а лакеи полируют обеденные ложки своими фартуками. Наверху, на балконе, музыканты настраивали инструменты и наслаждались последним стаканом пива, прежде чем приступить к игре. На паркете уже начали собираться нетерпеливые пары, расхаживавшие взад и вперед в ожидании начала танцев.

Китти и Лидия быстро влились в толпу. Оглянувшись по сторонам, Мэри не увидела ни одного знакомого лица. На мгновение она задумалась о том, чтобы надеть очки. Порывшись в своей маленькой сумочке и сжав их в руке, она вообразила торжествующее выражение лица Лидии, если бы та увидела ее – словно вид Мэри в очках мог компенсировать оскорбление, нанесенной ей покупкой нового платья. Мэри поспешно выдернула руку из сумочки и уже начала паниковать, когда почувствовала, как Элизабет коснулась ее плеча.

– Пойдем, Мэри, мы нашли удобные места, где можно присесть.

Лиззи ловко провела сестру сквозь толпу людей к череде стульев, выставленных так, чтобы сидящим на них было комфортно наблюдать за танцующими, не будучи при этом обремененными самим присоединяться к веселью. Их мать уже подыскала себе там местечко возле леди Лукас, своей лучшей подруги. Они проводили вместе много времени, ибо каждая находила в своей собеседнице именно то, что ей было необходимо. Миссис Беннет требовался слушатель, в то время как леди Лукас, робкая и почтительная дама, была счастлива играть роль ее послушной последовательницы. Лишь однажды эта гармония между ними оказалась под угрозой. Когда мистер Лукас, состоятельный меритонский торговец, удостоился титула баронета, казалось, все должно было измениться, ибо как миссис Беннет могла продолжать покровительствовать жене новоиспеченного баронета? Однако, к своему невероятному облегчению, миссис Беннет вскоре выяснила, что титул ничуть не изменил покладистого нрава ее подруги, и леди Лукас была по-прежнему готова безропотно сносить снисходительный тон, который был неотъемлемой составляющей нежного и преданного расположения миссис Беннет.

За спиной леди Лукас стояла ее старшая дочь, Шарлотта. Это была молодая женщина среднего роста с простым и открытым лицом, в чертах которого не было никаких претензий на красоту. Ее непримечательная внешность была источником глубочайшего удовлетворения для миссис Беннет, которая часто обращала внимание леди Лукас на разницу между скромным внешним видом Шарлотты и привлекательностью ее собственных дочерей. Не колеблясь, со всем сочувствием миссис Беннет порой вслух размышляла о разочаровании, которое должна была испытывать ее подруга по поводу того, что Шарлотта, в свои двадцать шесть, все еще оставалась незамужней и у нее оставалось так мало шансов изменить это положение.

Леди Лукас, слишком робкая, чтобы перечить миссис Беннет, в такие моменты покорно кивала, однако ее покладистая натура некоторым образом шла на пользу ее несчастной дочери.

Леди Лукас не обладала ни той энергией, ни тем отчаянием, которые так легко одолевали миссис Беннет, так что Шарлотта не подвергалась ни упрекам, ни жалобам, которые так часто выпадали на долю Мэри. Возможно, именно по этой причине Шарлотта не опускала голову, стыдясь своей судьбы дурнушки, а смотрела вокруг ясным и внимательным взглядом. Она не питала иллюзий относительно своей внешности, но ее способность подать себя говорила о том, что она не собиралась за это извиняться. Вместо этого она признавала свое положение лишь с усмешкой, а те, кто плохо ее знал, часто удивлялись точности ее суждения и остроте ума. Именно эти качества и привлекли к ней Элизабет, которая в течение нескольких лет считала ее самой близкой подругой. Именно в сторону приветливой Шарлотты Лиззи и направила Мэри, прежде чем занять последнее свободное место.

– Ну и толпа! Клянусь, с каждым сезоном людей становится все больше! Скоро нам придется танцевать по очереди. Устроители бала выдадут каждому по номеру и будут вызывать нас пара за парой.

– Или, возможно, – ответила Шарлотта, – они могли бы пускать только тех девушек, которым посчастливилось заполучить партнеров для большинства танцев. Остальные остались бы в холле, словно ненужный багаж, и их вызывали бы по необходимости.

– Ох, я не желаю слушать подобные разговоры, – заявила Элизабет. – Поверить не могу, что у тебя нет партнера ни на один танец. А если и так, то это потому, что ты встречаешь всех слишком сердитым взглядом и ни один мужчина не осмеливается к тебе приблизиться.

– Ты совершенно права, – согласилась Шарлотта. – У меня полно партнеров – два кузена, только что вернувшихся из школы, но достаточно взрослых, чтобы прийти на бал. И есть еще старинный друг моего отца, который с величайшим почтением поведет меня на паркет, беспрестанно и с плохо скрываемым беспокойством гадая, когда же подадут ужин!

Элизабет взяла Шарлотту за руку.

– Думаю, ты слишком засиделась среди этих старых матрон. Это кому угодно испортит настроение. Теперь, когда ты напомнила мне о еде, я не могу перестать об этом думать! Пойдем посмотрим на стол и, может быть, выпросим угощение перед ужином? Мэри, не подождешь нас здесь? Мы вернемся совсем скоро и, может, урвем для тебя кусочек-другой!

Мэри смотрела, как сестра потащила подругу прочь; их руки сплелись, и они склонились друг к другу, обмениваясь шутками. Слова Шарлотты еще больше поколебали ее мужество. Если та не могла найти себе достойных партнеров, то на что надеяться Мэри? Как раз в этот момент маленький оркестр наконец заиграл музыку, и, грохоча, танцоры ринулись на паркет. Шум был совершенно необычный – музыка, смех, аплодисменты, – и на мгновение Мэри перестала слышать даже собственные мысли. Парочки вышагивали, прогуливались и носились взад и вперед; некоторые больше с энтузиазмом, нежели умело, но во всех этих парах виднелась величайшая решимость наслаждаться друг другом. Среди них Мэри вскоре заметила Лидию, раскрасневшуюся, громкую, возбужденную, под руку с офицером в форме – чего еще она могла пожелать? Внезапно Мэри ощутила острую боль. Почему она не могла быть там, среди них, потерявшись во всеобщем восторге? Вместо этого она стояла среди сидящих в кругу матерей, тетюшек и замужних сестер, чьи танцевальные дни давно уже миновали.

Поначалу Мэри думала, что это веселая компания, с удовольствием наблюдающая за происходящим и болтающая между собой; но когда начался второй танец, а ее по-прежнему никто не пригласил, ей показалось, что все их взгляды устремлены на нее. Она была уверена, что они обсуждают ее, некоторые с жалостью, некоторые с презрением, и представила себе, как они оценивают ее шансы быть приглашенной, решая, что те вовсе невелики. Куда же подевались Лиззи и Шарлотта? Неужели они не вернуться? Мэри огляделась вокруг с нарастающим беспокойством. Она была рада увидеть, что мать поглощена беседой с леди Лукас и, казалось, еще не заметила одиночества дочери, но сомневалась, что это могло продлиться долго. Мэри знала, что миссис Беннет не обрадуется, увидев ее в таком постыдном положении. Все больше

и больше смущаясь, она делала все возможное, чтобы казаться беззаботной и выказать свое безразличие, от которого в действительности была очень далека.

Когда заиграла музыка для следующего танца, она увидела, как к ней протянулась чья-то рука.

– Я буду вам очень признателен, мисс, если вы окажете мне честь и потанцуете со мной. Мэри удивленно подняла взгляд. Она не узнала ни голоса, ни лица своего спасителя.

– Меня зовут Уильям Лукас, мисс Мэри, я – кузен мисс Шарлотты, подруги вашей сестры.

Это был один из юных кузенов, которого даже Шарлотта не считала достойным партнером. Воистину, он был молод. Вероятно, ему не было и шестнадцати. Но и Мэри была не сильно старше. Так почему бы не принять его приглашение? Она с искренней благодарностью улыбнулась ему и позволила проводить себя на паркет.

Ни Мэри, ни ее партнер никоим образом себя не опорочили. Они не спотыкались и не наступали друг другу на ноги. Он спросил, нравится ли ей вечер, она ответила, что да – на этом разговор был окончен. Когда танец закончился, Уильям отвел ее на место, вежливо поклонился и ушел. Совершенно обычная встреча. Маловероятно, что он предложил бы еще один танец, однако настроение Мэри все же поднялось. Мужчина – точнее, как она вынуждена была признать, мальчик – танцевал с ней. Получить хотя бы одно приглашение – вот и все, о чем она мечтала. Она не могла вернуться со своего первого бала и сказать, что ее никто не пригласил. Мэри приобняла себя руками, оглядываясь в поисках Лиззи и Шарлотты. Шарлотты нигде не было видно, но ей показалось, что она увидела девушку, похожую на Элизабет в другом конце комнаты, оживленно беседующую с обходительным молодым человеком. Она это или нет? Прищурившись, Мэри вгляделась в даль. Она так старательно высматривала свою сестру, что не услышала тихий голос рядом с собой, когда кто-то обратился к ней.

– Прошу прощения, я не хочу вам мешать, мисс Мэри, но щуриться таким образом может быть очень вредно для ваших глаз.

Она обернулась и увидела молодого человека, стоявшего перед ней, почтительного, но обеспокоенного, явно одетого в новый и самый элегантный костюм. Поначалу она его не узнала.

– Возможно, вы позволите мне помочь вам найти то, что или кого вы ищете?

– Мистер Спарроу? Мистер Джон Спарроу?

Слегла смутившись, тот поклонился и опустил взгляд.

– Извините, мисс Беннет. Я не должен был вмешиваться, однако я не хотел, чтобы вы напрягали глаза. Я не должен был этого говорить.

– Нет, мистер Спарроу, я очень вам благодарна. В конце концов, вы лучше других знаете о моих трудностях. Могу я попросить вас об услуге, сэр? Я ищу свою сестру, Элизабет. Мне показалось, я видела ее вот в том углу. Или я ошибаюсь?

– Нет, мисс, вы абсолютно правы. Она беседовала с джентльменом, с которым только что отправилась танцевать. – Джон указал на пары, которые готовились начать танцевать. – Кажется, это капитан Картер. Из Хартфордширского полка.

Лидии это совсем не понравится, подумала Мэри, и тень улыбки скользнула по ее лицу. Судя по всему, это приободрило мистера Спарроу, который несколько беспокойно переминался с ноги на ногу прежде, чем вновь заговорить.

– Я хотел бы знать, мисс Мэри, не окажете ли вы мне честь и не уделите мне свой следующий танец?

На какую-то долю секунды Мэри поколебалась. Затем, движимая неожиданным приливом удовольствия, вызванным приглашением, дала согласие:

– С превеликим удовольствием, мистер Спарроу.

Он облегченно улыбнулся в ответ.

– Что ж, в таком случае благодарю вас... то есть я очень благодарен. Весьма. Стоит ли нам подождать здесь, пока не объявят следующий танец?

Пока они вместе ждали, Джон спросил, помогли ли Мэри очки, облегчили ли они ей чтение и вышивание.

– Говоря по правде, мистер Спарроу, я не очень хорошо владею иглой, в очках или без них. Но я благодарна вам и вашему отцу за то, что мне стало легче читать. Теперь я могу заниматься часами, и даже мельчайший шрифт не вселяет в меня ужаса.

Мистер Спарроу был рад это слышать. Может ли она рассказать ему о книгах, которые читала с таким удовольствием? Мэри настороженно взглянула на молодого человека. Вдруг он дразнил ее? Его искреннее выражение лица убедило ее в том, что ему действительно было интересно, и вскоре она обнаружила, как рассказывает ему о книгах миссис Маколей, а он задумчиво кивает в ответ. Мистер Спарроу объяснил, что сам предпочитает научные труды, но по ее рекомендации поищет работы этой дамы и постарается оценить их по достоинству.

– Значит, вы студент, сэр?

Мистер Спарроу выглядел смущенным.

– Пока нет, – ответил он. – Но я очень надеюсь им стать. Я интересуюсь оптикой и тем, как устроены наши глаза. Полагаю, уместно будет отметить, что яблоко недалеко упало от яблони.

– Но это же замечательно, – возразила Мэри. – Вполне естественно, что вы хотите расширить свои познания в уже знакомом вам предмете.

– Я очень рад, что вы так думаете. – Он слегка наклонился к ней и продолжил тихим, доверительным тоном: – Мой отец хочет отправить меня изучать медицину. Он говорит, что у меня есть все, чтобы стать врачом.

– Значит, вы пойдете учиться в университет?

– Нет, отец говорит, что лучшее место для меня – одна из медицинских школ Лондона, например Госпиталь Бартс или Мурфилдс. Оба считаются лучшими в своем роде.

На мгновение вся его робость растаяла, а лицо озарилось радостным возбуждением при мысли о таком будущем. Затем, так же внезапно, он опомнился.

– Однако об этом никто не знает. Я никому не говорил этого, кроме вас.

– У вас весьма благородные амбиции, сэр. Это вызывает у меня почтение. И я никому больше об этом не расскажу.

Затем заиграла музыка, мистер Спарроу протянул руку, и они вышли на площадку. На этот раз Мэри наслаждалась каждым мгновением танца. Музыка была волнующей; отталкиваясь от одних партнеров и приближаясь к другим, когда они менялись парами, Мэри чувствовала радость и связь с остальными, будто она была в центре взбудораженной и веселой толпы друзей. На этот раз она была частью веселья, а не наблюдала за ним издалека. Когда они вновь воссоединились с мистером Спарроу, оба от души улыбнулись друг другу, радуясь возможности снова оказаться вместе. Как только музыка смолкла, Мэри почувствовала большее огорчение от того, что танец закончился, чем того ожидала.

– Благодарю вас, мистер Спарроу! – воскликнула она, когда тот проводил ее на место. – Я в полнейшем восхищении!

– Как и я! Это был лучший танец, который я могу вспомнить за долгое время. Полагаю, мне не удастся убедить вас вновь присоединиться ко мне, если вы свободны?

На этот раз Мэри несколько не колебалась.

– Я не приглашена на следующий танец, сэр, и с огромным удовольствием вновь составлю вам компанию.

– 10 –

Ни Мэри, ни мистер Спарроу ни произнесли ни слова в ожидании следующего танца. Они тихо сидели, переводя дыхание, пока танец не объявили, а участницы вновь не выстроились в ряды. На этот раз рядом, всего в нескольких парах от них, оказалась Лидия, победоносно шедшая под руку с капитаном Картером. Когда она увидела Мэри на паркете, на ее лице появилось удивление. Пытаясь разглядеть ее партнера, Лидия вывернула голову насколько далеко, насколько только могла, и бросила на сестру вопрошающий взгляд, однако Мэри никак не отреагировала, позволив себе окунуться в музыку и движение.

Когда танец закончился, Лидия выглядела так, словно готова прямо сейчас сорваться с места и начать допрос. Но тут Мэри облегченно заметила, как к сестре подошел другой офицер, и вскоре та была уже слишком занята, чтобы отврываться на другие дела.

– Не хотите выпить чего-нибудь холодного, мисс Беннет? Я с радостью принесу вам что-нибудь из напитков.

Мэри сочла это превосходной идеей, и мистер Спарроу тут же зашагал в сторону обеденной залы. Она не могла вспомнить, когда в последний раз была настолько счастлива. Она танцевала с мужчиной, и не раз, а дважды! Мэри и вообразить не могла, что с ней может такое произойти. Она опустила взгляд в пол, чтобы скрыть свое удовлетворение, которое она не могла больше в себе скрывать, а потому не замечала, как к ней приближается Шарлотта Лукас до тех самых пор, пока та не подошла к ней вплотную.

– Наслаждаешься вечером, Мэри?

– Боже, Шарлотта, ты подошла так тихо! Да, это так! Судьба ко мне весьма благосклонна сегодня.

– Ты много танцевала. С молодым мистером Спарроу, кажется?

– Да, он был очень учтив.

– Ты танцевала с ним дважды? И, насколько я понимаю, он ушел за напитками?

Мэри вновь кивнула, слегка недоумевая от тона Шарлотты.

– Мэри, ты очень молода и, возможно, не совсем понимаешь, как воспринимаются подобные вещи. Если ты вновь пойдешь с ним танцевать, люди это заметят. Два танца подряд уже наводят на мысль о симпатии. Три могут означать нечто большее.

– Он не просил о еще одном танце.

– О, но мне думается, что так и будет, если он потрудился отправиться за напитками. Это свидетельствует о большом внимании с его стороны. В обеденной зале развернулось настоящее поле боя.

Мэри невольно улыбнулась. Шарлотта серьезно взглянула на нее.

– Если он попросит тебя о танце, я настоятельно советую ему отказать. Скажи, что ты устала или слишком перегрелась и что пока не собираешься больше танцевать.

– Но он был так добр ко мне! И мне понравилось с ним танцевать!

Шарлотта бросила на нее сочувствующий взгляд.

– Боюсь, мне придется быть откровенной. Не имеет значения, насколько он добр, ведь он тебе не пара. Его отец ходит по домам и торгует очками. Подумай, что на это скажет мистер Беннет.

Охваченная стыдом, поначалу Мэри даже не могла заговорить. «Мой отец не всегда замечает мое присутствие в комнате, – подумала она, – он едва со мной разговаривает. С чего его должно беспокоить моя беседа с вежливым и учтивым молодым человеком?»

– Что касается меня, – продолжила Шарлотта, спокойно глядя на площадку для танцев, – я вовсе не возражаю. Иногда мне кажется, я могла бы благосклонно отнестись к обычному управляющему библиотекой, если бы он просто любезно поговорил со мной и предложил отло-

жить для меня новые книги, будь ему даже за пятьдесят, а сам он слеп на один глаз. Но, – заявила она, повернувшись к Мэри, – я не твоя мать. И я могу гарантировать, что если я заметила эти два танца и те напитки, которые мистер Спарроу собирается принести тебе, то она тоже это заметит.

Шарлотта слегка прикоснулась веером к плечу Мэри.

– Я говорю об этом только как твой друг, который лучше, чем кто-либо из твоей семьи, понимает, насколько редко и приятно таким женщинам, как мы, выделяться подобным образом. Но, как бы он ни был очарователен, боюсь, ты обнаружишь, что твоя мать имеет совершенно иные представления о его достоинствах.

С этими словами Шарлотта вежливо склонила голову и ушла. Пораженная, Мэри застыла как вкопанная. *Шарлотта просто завидует*, убеждала она себя. *Никто не хотел танцевать с ней. Она не могла вынести чужого счастья из-за того, что сама была несчастна. Она пыталась отравить жизнь других, поскольку не могла получить то, что было у них.* Но как бы Мэри ни пыталась заглушить тревожные мысли, они уже пустили свои корни. Нетрудно было представить себе, как миссис Беннет отнесется к ее танцам с мистером Спарроу. Мэри представила, как мать встает со своего маленького позолоченного стульчика, идет через весь зал и заявляет испуганному мистеру Спарроу, что ее дочь не станет танцевать с ним ни следующий танец, ни какой-либо еще. Она почти видела, как тот, смущенный и униженный, стоит одиноко и пристыженно у них за спиной, пока ее мать уносится прочь, утаскивая за собой Мэри. Внезапно она осознала, что именно это и произойдет. Как она могла быть так глупа? Лидия видела ее, она наверняка расскажет обо всем матери и станет насмехаться над сестрой. Мэри нервно сглотнула. Она не могла этого допустить. Она не могла смотреть, как хорошего человека выставляют дураком только за то, что он оказал ей небольшие знаки внимания. К тому моменту, как Мэри заметила высокую фигуру мистера Спарроу, вышагивающего в ее направлении с двумя бокалами в руках, она знала, как должна поступить.

– Простите, что отсутствовал так долго, но толпа, сражавшаяся за ужин, просто огромна! Никогда бы не подумал, что в Меритоне столько голодных людей.

– Благодарю вас, сэр, – сказала Мэри, забирая свой бокал и ощущая бессилие при виде его улыбки. – Весьма кстати, я очень хочу пить.

Она отвела глаза и совсем некстати заметила леди Лукас и свою мать, все еще сидевших в своем укромном уголке склонив друг к другу головы и что-то обсуждая. Смотрели ли они в ее сторону? Мэри не могла сказать наверняка. Ее желудок сжался от страха. Она вглядывалась в мерцающий свет свеч, но не могла рассмотреть их лиц.

– Быть может, станцует еще? – Джон Спарроу протянул руку, явно ожидая, что его предложение будет принято.

– Благодарю вас, сэр, но я не могу... то есть боюсь, я вынуждена отказаться.

Он помедлил и опустил руку.

– Но почему нет? Я подумал... подумал...

Ей было невыносимо видеть его смущенное и разочарованное лицо.

– Я знаю, знаю, но моя мать... боюсь... – Мэри, наконец, удалось овладеть собой и заговорить внятно: – Мне очень жаль, но я не могу еще раз с вами станцевать. Мне очень это понравилось, правда, но это не может продолжаться. Я убеждена, что и без того этим вечером танцевала достаточно. Простите, но я должна уйти.

Она вернула ему бокал, и мистер Спарроу остался стоять прямо там, с двумя бокалами в руках, пока Мэри, почти ничего не видя перед собой, уходила в угол, где сидели миссис Беннет и леди Лукас. Несколько горячих слезинок выступили у нее на глазах, но Мэри резко их смахнула. Никто, особенно ее мать, не должен увидеть, что она расстроена.

Подойдя к миссис Беннет, Мэри сразу поняла, что та крайне недовольна.

– Где ты пропадала? – спросила она, когда Мэри приблизилась. – Я не видела тебя уже часа два. Лидия сказала мне, что ты танцевала с сыном окулиста! С мальчишкой, который делал для тебя очки! Я сказала, что это не может быть правдой, что даже у тебя, Мэри, хватит ума не ставить меня в такое неловкое положение. Ты же знаешь, его отец держит магазин. У них даже есть колокольчик на двери!

Мэри решила, что лучше промолчать. Спор лишь привлечет внимание к ее постыдному положению. Вместо этого она встала позади матери, откуда окружающие не могли увидеть ее. Опустив голову, она пригладила свое золотисто-кремового цвета платье. Кто бы ее ни пригласил, она не станет больше танцевать. Время после этого, казалось, тянулось бесконечно. Иногда приходили ее сестры, чтобы поболтать с матерью или приснуться духами. И только Элизабет заметила грустный, угасший взгляд Мэри.

– Ты в порядке, Мэри? Я видела, как ты танцевала. Кажется, тебе было очень весело. Что-то случилось?

– Нет, Лиззи, совсем ничего. Я вполне всем довольна.

– Ты вовсе не выглядишь довольной. Я собираюсь пойти станцевать последний раз, Не хочешь присоединиться?

– Спасибо, но нет. Я больше не буду танцевать.

Наконец, когда вся еда была съедена, а все приличное вино выпито, бал подошел к концу. Музыканты заиграли «Боже, храни короля», и слуги принялись задувать свечи.

Мэри последовала за сестрами в холл, где гости яростно копошились в груды плащей и пальто. На передовой Китти храбро вытаскивала любую одежду, которую ей удавалось узнать.

– Мэри! Ты тут? Держи свой плащ!

Китти бросила его через головы стоящих позади нее людей, но Мэри не успела его поймать. Чужая рука взмыла в воздух и сделала это за нее. Подняв взгляд, Мэри увидела Джона Спарроу. Не говоря ни слова, он протянул ей плащ. Так же молча она приняла его, затем он безучастно кивнул ей и исчез.

– 11 –

По пути домой Лидия находилась в своем лучшем расположении духа. За весь вечер ей пришлось просидеть только два танца и удалось познакомиться с тремя новыми офицерами, о которых она до сих пор и не слышала. Лидия потчевала сестер подробным отчетом о своих успехах, но те не были очень внимательной аудиторией. Джейн и Китти вскоре уснули. Элизабет смотрела в окно, а Мэри играла со своими перчатками, сплетая пальцы вместе и вновь расплетая их. Мысли ее витали далеко. Наконец, задетая невыносимым отсутствием интереса к своим победам, Лидия огляделась в поисках подходящего предмета для насмешек.

– А что же ты, Мэри? Я видела, как ты танцевала с двумя кавалерами, хотя, надо заметить, один из них был школьником, а другой – лавочником. Какой триумф на твоём первом балу!

Мэри со злостью бросила перчатки на колени, на что и рассчитывала ее сестра.

– По крайней мере, они оба были джентльменами, чего нельзя сказать о некоторых партнерах, с которыми ты так отчаянно желала быть увиденной!

Лидия, предпочитавшая ссору тишине, громко рассмеялась.

– Ты же не хочешь сказать, что мистер Спарроу – джентльмен? Даже ты не можешь так считать. У его отца магазинчик в Хартфорде. Полагаю, мы можем с нетерпением ждать, когда ты будешь там работать, днем бегая в зеленом фартучке, а по ночам сверяя счета?

– Видимо, ты забыла, – ответила Мэри, – что у нашего дедушки была контора в Меритоне, а дядя до сих пор ее содержит. Разве ты не считаешь их джентльменами?

– Право, Мэри, как тебе не стыдно! – воскликнула миссис Беннет. – Твой дед был адвокатом, как и твой дядя. Это настоящая профессия, не то что торговля.

– А как же дядя Гардинер? Он же торговец, не так ли? – возразила Мэри, разъяренная в той же степени, что и ее мать.

– У него свои склады! – воскликнула миссис Беннет. – И огромный дом на Грейс-черч-стрит. Это совсем разные вещи.

– Во всяком случае, – заключила Лидия, довольная тем, что все рассержены, – если мне когда-нибудь понадобятся очки, а я искренне надеюсь, что этого никогда не случится, я непременно обращусь к вам. Надеюсь, за такое близкое родство мне предложат приличную скидку.

Миссис Беннет, все еще страдая от тех оскорблений, которые, как она полагала, были нанесены ее семье, презрительно покачала головой. Ничто не было важнее для нее, чем благополучно выдать замуж дочерей. Однако было немыслимым, что одна из них свяжет себя с человеком, который выписал счет мистеру Беннету.

– Я танцевала с ним всего два раза, – сказала Мэри тихим, обреченным голосом.

– Это вдвое больше, чем я позволила бы, если бы вовремя вас увидела, – заявила миссис Беннет. – Не желаю больше слышать об этом мистере Спарроу. По правде говоря, я поражена его самонадеянностью.

Мэри не произнесла больше ни слова. По прибытии в Лонгборн она спешно поднялась в свою комнату и закрыла за собой дверь. На стук миссис Хилл она не ответила, и какое-то время просто смотрела в темноту сухими глазами. Затем зажгла свечу и разделась. Мэри повесила новое платье, и его золотые нити какое-то время еще блистали в свете свечи, пока она, наконец, ее не задула.

– 12 –

Мэри избегала всех попыток миссис Хилл выяснить, как прошел бал. Она то пряталась в своей спальне, ссылаясь на головную боль, то уходила в сад, гуляя в одиночестве среди кустов. Что могла она сказать, чтобы не повлечь о себе дурные мысли? Она нанесла оскорбление человеку, который так хорошо с ней обращался. Он искал ее общества, когда никто другой и не думал о ней, а она наградила его самым отвратительным отказом. Ей было стыдно. Почему она так быстро сдалась после предостережений Шарлотты Лукас? Почему так покорно отступила, боясь неодобрения матери? Не то чтобы это было ей в новинку. Мэри была уверена, что ни Элизабет, ни Лидию не удалось бы запугать так легко, в то время как ее... Мэри покачала головой, презирая себя за слабость.

В дни после бала не было ни единого момента, когда она не мучилась бы чувством вины или злости по отношению к себе. На третью ночь, уже приготовившись ко сну, она придвинула стул к окну спальни, открыла его и уставилась в темный, безмолвный сад. Так вот кто она? Трусиха, у которой не хватило смелости следовать собственным желаниям? Глупая девчонка, которая была слишком застенчива, чтобы довериться собственным суждениям, и слепо подчинилась тому, что сказали ей другие люди?

Мэри вдохнула прохладный ночной воздух и плотнее закуталась в шаль. Совсем не так она чувствовала себя, когда Джон Спарроу пригласил ее на танец. Тогда она была бесстрашной. Тогда она знала, чего хочет. Прикусив губу, она заставила свой разум проясниться. Мэри была вынуждена признать: ее разум вообще не сыграл никакой роли в том, что произошло. Когда мистер Спарроу пригласил ее во второй раз, когда он протянул ей руку, она не обратилась к своему разуму, которым всегда так гордилась. Она ничего не обдумывала. Она не колебалась между «да» и «нет». Она не думала о том, как это будет выглядеть, или о том, что скажет ее мать. Она вообще ни о чем не думала; ею полностью управляли чувства. Ею двигало лишь удовольствие, которое она испытала, когда мистер Спарроу пригласил ее на танец, и радостное возбуждение, которое росло в ней, когда она следовала за ним в толпу.

Пока это продолжалось, все было чудесно. Дрожь восторга пробежала по ее телу, едва она вспомнила, что почувствовала, когда он улыбнулся ей. Но затем вмешалась Шарлотта, и Мэри сдалась, и в итоге оба оказались унижены. Что касалось ее самой, Мэри была почти уверена, что сможет это вынести. Однако ей было невыразимо больно от мысли, что она причинила боль Джону Спарроу, чьим единственным грехом было внимание, проявленное к ней.

Мэри встала и принялась расхаживать по спальне. Такое ужасное событие никогда не должно повториться. Это она была во всем виновата. Эмоции предали ее. Глупые, неуправляемые чувства привели ее к ошибке, причинив страдания человеку, который этого не заслуживал. Этим чувствам больше нельзя было доверять. Они должны быть приручены и задавлены, а сама она должна была найти другую, более надежную, опору.

Мэри села за стол, и ее взгляд упал на кучу сваленных на нем томов. Она нежно провела рукой по их корешкам, и тут ее осенила идея настолько очевидная, что невозможно было понять, почему это не пришло ей в голову раньше. Ее спасут книги. На их страницах она найдет все, что нужно, чтобы уберечь себя от дальнейших ошибок. Писатели, чей потенциал намного превосходил ее собственный, могли сказать ей, как быть. Их выводы могли направить ее, показав, что она должна сделать, чтобы поступать правильно. В одно мгновение она поняла, что книги, которые она так жадно поглощала, были не просто интеллектуальными абстракциями. Такой вдумчивый читатель, как она, мог бы относиться к ним как к справочникам – к руководствам по обучению, из которых можно было бы извлечь правила для спокойного и рационального существования.

Тревога охватила Мэри, ее мысли лихорадочно метались в голове. Да-да, во всем этом был смысл. Чтение могло указать ей путь, если бы она захотела. На мудрость веков, несомненно, положиться было разумнее, чем на ее собственные нелепые сантименты. Но если она хотела усвоить и понять то, что могла почерпнуть в книгах, ум ее должен был быть ясным, восприимчивым и незамутненным сильными эмоциями. Если она хотела поступить правильно, то должна была побороть собственные страсти. Сердце подвело ее, и теперь его место занял разум. Именно ее разум, а не эмоции – вот на что должна была она полагаться в будущем. Она должна больше думать и меньше чувствовать. Так она больше не причинит вреда ни себе, ни другим.

Мэри вернулась на место у окна. Из кухни доносились приглушенные голоса – миссис Хилл и слуги убирали остатки ужина. Мэри сидела совершенно неподвижно, закрыв глаза и убеждая себя примириться с принятым решением. Но, несмотря на все ее попытки, волна негодования невольно поднялась внутри нее, протестуя против пути, на который она намеревалась встать. Знала ли она действительно, от чего собиралась отказаться? Готова ли была никогда больше не испытывать того восхитительного волнения, которое охватило ее, когда она танцевала с Джоном Спарроу? Никогда не чувствовать себя так восторженно и не отдаваться полностью во власть прекрасного момента? Когда Мэри вспомнила то мимолетное счастье, часть ее содрогнулась от того, насколько жестоко она собиралась поступить по отношению к себе самой. Но потом вспомнила лицо Джона Спарроу, когда она отвергла его. Его выражение ранило ее до глубины души. Нет, она уже сделала свой выбор. Закрыв окно, Мэри подошла к кровати. Завтра же она приступит к исполнению своего плана. Она лежала с открытыми глазами, уставившись в потолок. Медлить не имело смысла.

– 13 –

На следующее утро, после завтрака, Мэри отправилась в библиотеку. Она была рада, что мистера Беннета там не оказалось, – будет легче найти то, что ей нужно, не ощущая на себе его скептический взгляд. Мэри прошла мимо томов по философии и истории, которые обычно привлекали ее внимание, мысленно откладывая Локка, Гоббса и Руссо на неопределенное будущее. Она решила начать с более прямых наставлений, которые могла применить на практике. Прошло некоторое время, прежде чем она наткнулась на нечто похожее: в самом углу обнаружилась коллекция маленьких книжек, названия которых навели ее на мысль, что это именно то, что она искала. Мэри взяла *«Послание с благородными и нравственными советами к молодой леди»* и *«Введение в обязанности женщин»* и положила их на свой рабочий стол. Обе книги были очень пыльными. Уже очень давно никто не снимал их с полки. Мэри достала носовой платок, стерла большую часть пыли и улыбнулась, представив себе, что сказала бы Лидия, если бы ей их подарили. Но какое ей было до этого дело? Может, книги и не понравились бы ее сестре, но для ее целей они годились идеально. Добавив несколько подобных работ к своей стопке книг, Мэри забрала их в комнату, чтобы почитать в уединении.

Большая часть книг ненадолго задержала ее внимание. Даже в своем подавленном состоянии Мэри не слишком оценила работы писателей, которые настаивали на том, что женщине, которой посчастливилось иметь хоть какую-то ученость, следовало сделать все возможное, чтобы ее скрыть. Их мнение слишком напоминало мнение ее матери. Быть может, подумала Мэри, именно миссис Беннет и приобрела эти книги? Эта мысль никак не улучшала ее отношения к ним, и Мэри начала разочаровываться по поводу раздобытых книг. Наконец, уже собираясь сдаться, она наткнулась на небольшой сборник проповедей. Мэри никогда не слышала о его авторе, Докторе Фордайсе, но, перелистывая страницы, быстро обнаружила, что его идеи ей гораздо больше по вкусу.

В отличие от своих коллег-авторов, он считал печальным тот факт, что женщина остается необразованной, а возможности ее интеллекта – забытыми и неиспользуемыми. Для него склонность к серьезному чтению была превосходным качеством в женщине, привычкой, которую следовало культивировать, а не скрывать. Очень жаль, добавлял он, что множество дам читает лишь романы. Такие произведения не могли пополнить запас их знаний, вместо этого они предлагали ложную и вводящую в заблуждение картину мира. Мэри остановилась на этом месте. Миссис Беннет была большой любительницей романов. Доктор Фордайс сделал несколько превосходных замечаний. Мэри решила, что продолжит читать эту книгу.

Сделав это, она обнаружила, что доктор Фордайс действительно имел некое представление о многих страстях, одолевавших ее мать. По его мнению, часы, потраченные на женские безделушки, такие как платье, прическа и другие украшения, были потрачены впустую. Это были бессмысленные развлечения, которыми не должна была заниматься ни одна разумная женщина. Истинная красота, по его заявлению, не имела ничего общего с внешностью. Истинная красота была внутри – являлась продуктом хорошо управляемого ума и правильно сформированного понимания мира. Эти качества, а не хорошенькое личико, по его мнению, представляли собой истинное мерило ценности женщины. Мэри взяла карандаш и тщательно подчеркнула это предложение. Это было настолько противоположно всему, во что верила ее мать, что не могло не удовлетворить ее.

Однако, продолжал доктор Фордайс, прискорбно, что для некоторых глупцов красивая внешность остается единственным критерием, по которому судят о женщине. Но те, кто более проницателен, понимают, что зрелый и просвещенный ум – награда неизмеримо большей ценности. И только это мнение действительно имеет значение. Точка зрения тех, кто ценит более поверхностные качества, не стоит внимания. Женщина, осознавшая этот важный момент, не

станет утруждать себя погоней за пустой модой. Она использует свое время более разумно, стремясь усвоить любое знание, которое поможет ей сделать правильный выбор в ее путешествии по жизни.

Ликуя, Мэри закрыла книгу. Она нашла то, что искала. В словах доктора Фордайса она увидела полное опровержение картины мира миссис Беннет, в то время как ее собственные страсти были полностью и без остатка оправданы. Впервые после бала ее отчаяние немного рассеялось. За окном ее спальни сад сверкал первым налетом морозного инея. Бледное солнце сияло в ярко-голубом небе. Мэри не замечала этого, безразличная ко всему, кроме своего нового чувства – ощущения того, что теперь у нее появилась цель. Она достала из ящика стола лист бумаги и начала записывать те отрывки из доктора Фордайса, которые ей особенно понравились. Она была права, думая, что чтение – это ответ. Учеба, тяжелая работа и доктор Фордайс не дадут ей снова допустить ошибку.

Неделями Мэри без устали занималась в библиотеке, делая заметки обо всем, что читала, покрывая страницу за страницей своим аккуратным почерком. Прочитав от корки до корки Фордайса, она перешла к другим писателям, снискавшим его одобрение, а от них, через сноски и ссылки, направилась к другим подобным работам. Редко кто бывал в библиотеке, кроме нее и отца, но и он никогда не интересовался тем, что делает дочь. В его безразличии не было ничего нового, но теперь, когда Мэри почувствовала, что встала на действительно важный путь, это начало ее раздражать. Ей очень хотелось знать, что он подумает о задаче, которую она перед собой поставила. Мистер Беннет был начитанным человеком, единственным членом семьи, кроме нее самой, питавшим страсть к научным трудам. Если кто-то и должен был понять, насколько остро ее желание найти рациональный способ жить, так это был он.

Мэри отложила ручку и уставилась в застывший библиотечный воздух, представляя, что было бы, если бы это случилось. Она представляла, как объясняет отцу свои планы, спокойно и уверенно, безо всякого смущения, которое обычно охватывало ее в присутствии мистера Беннета. Он слушал, не насмехаясь и не выказывая пренебрежения. По мере того, как говорила, она становилась все увереннее, расцветая в тепле его одобрения. Мост был переброшен, между ними образовалась связь – они стали партнерами в общем деле. С тех пор библиотека больше никогда не пребывала в молчании. Она была полна оживленных разговоров, когда отец и дочь делились своими мыслями друг с другом. Мистер Беннет спрашивал мнение Мэри о писателях, работы которых она читала, и предлагал имена тех, с кем она еще не успела ознакомиться. Медленно, но уверенно Мэри чувствовала, что проникает не только в разум отца, но и в его сердце – туда, куда до сих пор допускалась только Лиззи.

Где-то далеко в глубине дома хлопнула дверь, послышался крик слуги, и Мэри внезапно очнулась от своих грез. В реальном мире выражение лица ее отца, когда он переворачивал страницы своей книги, было таким же саркастичным и таким же недостижимым, как и всегда. Только в мечтах Мэри могла набраться смелости приблизиться к нему. Попытаться сделать это здесь, в библиотеке, лицом к лицу... нет, этого она не могла. Мэри не знала, с чего начать. Она видела, как в смятении отступает под властью его безжалостной улыбки. И все же она не могла сдаться. Мечта, в которой отец становился интеллектуальным наперсником Мэри, была слишком соблазнительной, чтобы от нее отказываться. Если она не могла собраться с духом, чтобы подойти к мистеру Беннету, то нужно было найти какой-то другой способ поделиться с ним своими надеждами.

Ответ в конце концов пришел ей в голову однажды утром, когда она оказалась в Мери-тоне. Мэри не хотела уходить из библиотеки, но миссис Хилл уговорила ее надеть пальто и выйти на свежий воздух. Она в одиночестве неторопливо прогуливалась по тихим улочкам, а мысли ее бесцельно кружились в голове. Только когда Мэри оказалась на окраине деревни, ее сразила мысль, одновременно волнующая и ужасная. Что, если она встретит там Джона Спарроу? Мэри остановилась и неподвижно застыла посреди зарослей крапивы, размышляя. Если

их пути пересекутся... если он увидит ее... возможно, он спросит, как она поживает... она ответит... он снова заговорит... и тогда, возможно, она сможет извиниться, объяснить, что произошло... и тогда он...

– Нет, – сказала она себе, – это глупо.

Это была именно та глупость, которой она не хотела предаваться. Так не пойдет. Если они встретятся, все, чего она могла ожидать, – это того, как он отрывисто приподнимет шляпу, направляясь мимо своей дорогой. Он не остановится, чтобы поговорить.

Глаза Мэри наполнились слезами. Может быть, ей стоит вернуться? Но это доказывало бы, что она еще более малодушна, чем думала до сих пор. Утерев лицо, она подняла воротник, чтобы защититься от холода. Она пойдет в Меритон, но ни на минуту не позволит себе думать о Джоне Спарроу.

Мэри храбро пошла по единственной улице, не глядя ни направо, ни налево, но, дойдя до ее конца, уже не имела ни малейшего представления, что ей делать дальше, потому что покинула Лонгборн без всякой цели. Мэри подумала, что могла бы заглянуть в какой-нибудь магазинчик – так поступили бы ее сестры, – но галантерейные лавки, где Китти и Лидия тратили свои карманные деньги, ее не интересовали. Вместо этого она направилась к канцелярским магазинам.

Сквозь стекло витрины Мэри с тоской смотрела на пухлую кремовую бумагу, тонкие острые карандаши и ароматизированный воск для печати. Красивые письменные принадлежности всегда привлекали ее, а эти были особенно хороши. Как приятно было бы найти какое-нибудь полезное занятие, для которого их можно было бы использовать. Они стали бы идеальным материалом для написания небольшой книги. Например, разными цветными чернилами можно было бы очень красиво проиллюстрировать любимые высказывания. Пока Мэри жадно рассматривала товары, ей пришло в голову, что такая книга стала бы прекрасным подарком для ее отца и продемонстрировала бы ему не только силу привязанности дочери, но и степень ее начитанности. Она могла выбрать отрывки из книг своих любимых авторов, переписать их на страницы своего дневника и преподнести так, чтобы заинтриговать мистера Беннета и произвести на него впечатление. Так ей бы удалось сказать то, что она не могла сказать, отразив всю глубину ее заинтересованности. Ее работа, несомненно, стала бы лучшим защитником ее амбиций, чем все, что она могла сказать ему вживую.

Мэри все больше и больше приходила в волнение от этих мыслей. Прежде всего перед ней вставал интеллектуальный вызов – решить, какие отрывки включить в ее сборник. Но также было бы очень славно сделать эту маленькую книжку такой же приятной для глаз, как и для ума. Она купит самый лучший томик, который сможет себе позволить, с мягкой кожаной обложкой и хорошей бумагой. Ей понадобится новый набор ручек, несколько цветных чернил и, возможно, линейка из черного дерева – она всегда мечтала о такой. Войдя в магазин канцтоваров, чтобы сделать покупки, Мэри испытывала невероятное воодушевление. И оно не покидало ее всю дорогу домой, пока она обдумывала, как будет выглядеть первая страница ее книги. Только усевшись за письменный стол, Мэри поняла, что ушла из Меритона, так и не увидев Джона Спарроу. Она ощутила острый укол сожаления, но не позволила этому чувству полностью овладеть собой. Открыв чистую страницу, Мэри достала линейку, собрала все свои ручки и принялась писать.

– 14 –

Мэри работала не спеша, заботясь о том, чтобы все было сделано наилучшим образом. Временами ей не терпелось показать отцу свой маленький дневник и узнать, наконец, что о нем подумает мистер Беннет, но она подавила в себе желание поторопиться – в ней росло понимание истинного значения задачи. Мэри давно уже перестала воспринимать свою работу как обычный сборник. Теперь она знала: это нечто гораздо большее. Это станет призывом для отца признать ее такой, какой она была на самом деле, – его единомышленницей, дочерью, которую так легко полюбить, стоит лишь обратить на нее внимание. Именно это убеждение заставляло Мэри усердно работать день за днем, час за часом, украшая поля и каждый номер страницы цветными завитушками. Она была готова на все, чтобы сделать книгу совершенной в своем роде.

Однажды холодным днем, когда совсем не характерный для сезона ливень заставил всех, кроме самых отчаянных, сидеть дома, в библиотеке у Мэри появилась компания. Пока Мэри занималась за столом, разложив вокруг себя бумаги, неподалеку от нее, на подоконнике, поджав колени и держа в руке книгу сидела Элизабет. Она знала правила, которые соблюдали все посетители библиотеки мистера Беннета, а потому большую часть времени покорно молчала. Однако то и дело с ее уст срывался веселый смешок, и, наконец, она не смогла сдержаться и расхохоталась в голос. Мэри подняла глаза, удивленная таким нарушением дисциплины, но Лиззи лишь улыбнулась, бросив извиняющийся взгляд на отца, в котором не было ни капли стыда.

– Простите, папа. Я не хотела мешать вам.

Мистер Беннет снял очки и посмотрел на Элизабет с такой теплотой, что у Мэри сжалось сердце. Быть может, когда он прочтет ее сборник, то будет смотреть на нее так же?

– Что же ты читаешь, моя дорогая, что доставляет тебе такое удовольствие?

– Это роман мисс Берни «*Эвелина*». Я читала его столько раз, а он все равно заставляет меня смеяться.

Мистер Беннет опустил свою книгу.

– И какую же его часть ты находишь самой забавной?

– Комические персонажи описаны очень хорошо, но, думаю, больше всего я наслаждаюсь теми моментами, когда юмор совершенно не задумывался. Кто не улыбнется герою, который не только холост и поразительно красив, но и обладает доходом в десять тысяч фунтов в год? И кого не позабавит героиня, достаточно мудрая, чтобы соединить в своей особе выдающуюся красоту и ум столь возвышенный, что герой совершенно готов пренебречь тем, что она из простой семьи?

Элизабет закрыла книгу, лицо ее от удовольствия просто светилось.

– Я лишь удивляюсь тому количеству времени, которое им потребовалось, чтобы понять, что они созданы друг для друга. Я предполагала, что такая замечательная пара признает свою судьбу на первых же десяти страницах книги. Так что да, я смеюсь, но, должна признаться, и завидую такому прекрасному завершению их истории. Если бы все было так в реальной жизни!

– Именно такого счастливого конца я и хотел бы пожелать тебе, Лиззи, – мягко сказал отец. – Я бы и сам все устроил, если бы это было в моих силах.

– Вы не должны опасаться за меня, папа, – ответила Элизабет. – Я гораздо разумнее, чем кажусь на первый взгляд. Уверяю вас, я вполне готова согласиться на нечто или, лучше сказать, на кого-нибудь гораздо более обыденного, чем герой мисс Берни.

Мэри с болью наблюдала за проявлением близости между Элизабет и их отцом, осознавая, что она сама была исключена из нее. Привязанность, которая так легко жила между ними, была именно тем, что она жаждала испытать на себе. Она взглянула на записи, аккуратно раз-

ложенные на столе, и на книги, помеченные полосками бумаги в тех местах, которые ей понравились. Вот для чего она все это делала. Вот почему она так неустанно трудилась, день за днем. Ей хотелось только одного: чтобы мистер Беннет взглянул на нее с той же нежностью, с какой он теперь смотрел на Лиззи.

Однако она не должна была пускать свои мысли в этом направлении – это только расстраивало ее и отвлекало. Она должна сосредоточиться на чем-то менее печальном. Мэри увидела, как Лиззи вновь взялась за книгу. Уже очень давно Мэри не читала романы. Ее не удивляло, что миссис Беннет получала от них удовольствие, но ей было трудно поверить, что Элизабет, с ее острым умом, так снисходительно относилась к подобным произведениям.

– Но, Лиззи, – осмелилась она спросить, – если ты такого неважного мнения об этих книгах, почему же ты продолжаешь их читать?

– Ты совершенно не поняла то, что я имела в виду, – ответила Элизабет. – Это критика, которую я произношу любя. Несмотря на все мелкие недостатки *Эвелины*, она всегда будет моим верным другом.

– Но разве это не трата времени, которое можно было бы провести с гораздо большей пользой? Доктор Фордайс утверждает, что романы совершенно непригодны для чтения женщинами. Их мораль часто оставляет желать лучшего, и в них нет ничего стоящего, чтобы рассказать нам, они не дают никаких надлежащих наставлений.

Элизабет выпрямилась, и ее лицо приобрело серьезное выражение.

– Для меня это одна из главных рекомендаций для подобных книг. Я не хочу, чтобы мне говорили, что я должна думать, каждый раз, как я переверну страницу. И я не согласна, что в таких книгах нет ничего стоящего. Это произведения, в которых раскрывается самое глубинное знание человеческой природы и описываются величайшие силы разума. Нет, я не стану оставаться в стороне и не оставлю романы без защиты.

Мэри порылась в своих записях в поисках любимой цитаты.

– Доктор Фордайс говорит, что книги по истории и философии более полезны для женского ума. Они расширяют границы нашего разума, в то время как романы только возбуждают наши страсти.

– Не понимаю, почему разумная женщина не может наслаждаться и тем и другим. Я сочла бы оскорблением отказывать себе в удовольствиях, доставляемых мне мисс Берни, потому что это якобы сделает меня менее восприимчивой к философствованиям мистера Юма¹. Доктора Фордайса, однако, я предоставлю тебе и не стану бороться за его компанию.

Мистер Беннет, с интересом наблюдавший за разговором, громко рассмеялся.

– Превосходно сказано, Лиззи! В самом деле, превосходно! И ты совершенно права по поводу Фордайса. Полная безвкусица. Сплошное ханжество и раболепство, не заслуживающее серьезного внимания.

Мэри опустила глаза, не в силах вынести тех нежных улыбок, которыми обменялись отец и сестра. Она знала, что Лиззи одержала над ней победу. Но унижение от поражения не шло ни в какое сравнение с болью, которую она испытала, услышав, с каким презрением мистер Беннет отзывается о ее любимом докторе Фордайсе. Ей никогда не приходило в голову, что отец не разделит ее восхищения его идеями.

Элизабет спрыгнула с подоконника, намереваясь уйти. Великодушная даже в своей победе, она протянула книгу сестре.

– Оставить тебе мой экземпляр «*Эвелины*», Мэри? Думаю, ты могла бы насладиться им, если бы позволила себе.

– Если ты хочешь, я могу попробовать, – тихо ответила Мэри.

¹ Дэвид Юм.

Когда она не протянула руку, чтобы взять книгу из рук сестры, Элизабет положила ее среди других томов на стол, где та, как заметила Мэри, совершенно заслонила собой изрядно потрепанный томик Фордайса.

Как только Элизабет ушла, мистер Беннет вернулся к своему чтению, а на его лице появилось едва заметное выражение удовольствия. Мэри опустила на стул и задумалась. Когда она заговорила, голос ее прозвучал очень громко среди библиотечной тишины.

– Папа, – рискнула она. – Могу я задать вам вопрос?

Мистер Беннет поднял глаза, словно удивленный, что Мэри все еще была там.

– Неужели вы и вправду такого плохого мнения о докторе Фордаyse? Я изучаю его уже некоторое время.

– Боюсь, эти часы вряд ли были потрачены с пользой. Я считаю его книги скучным и бесполезным чтением, но ты, возможно, могла прийти к иным умозаключениям.

– Могу я узнать ваше мнение о других авторах, труды которых я изучала? Проповеди Блэра? Свидетельства христианства Пейли? Книги Ханны Мор о женском образовании?

– Что ж, Пейли по крайней мере неплохой мыслитель. Полагаю, ты можешь извлечь некоторую пользу из его высказываний. Остальные же совершенно бесполезны, если только у тебя нет вкуса к скучному морализаторству и напыщенным мнениям самого очевидного рода.

Мэри на мгновение закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями. Она явно совершила большую ошибку в своих суждениях. Как могла она быть настолько глупа, чтобы вообразить, будто мистер Беннет одобрит авторов, чьи слова она переписывала так тщательно и с таким нетерпением?

– Если вы не одобряете писателей, которых выбрала я, быть может, вы можете предложить кого-то из тех, чье творчество вы цените и кто мог бы мне понравиться?

– Не уверен, что осмелюсь это сделать. Твои вкусы кажутся очень... *ревностными* для такой юной девушки. Судя по всему, ты не очень стремишься к чему-то яркому, светлому или веселому.

– Нет, папа, не стремлюсь. Я хочу впитывать полезную информацию, а не развлекать себя.

– В самом деле? Что ж, лучший совет, который я могу тебе дать, – это следовать своим инстинктам. Они станут гораздо лучшим проводником, чем все, что я смогу предложить. Так или иначе они направят тебя к тому, что ты надеешься найти.

Мистер Беннет снова взялся за книгу, и Мэри поняла, что разговор окончен. Собрав свои бумаги, она закрыла за собой дверь библиотеки и пошла в спальню. Теперь она поняла, что сборник цитат, над которым она трудилась с таким усердием, будет совершенно бесполезным. Мистер Беннет не нашел бы в нем ничего достойного восхищения. На каждого писателя, которого она включила в свой список, он смотрел с презрением. Сидя за письменным столом, Мэри переворачивала страницы маленькой книжечки, глядя на записи, сделанные ею с надеждой, которая стоила ей стольких часов бесплодных усилий. Любящий отец был бы доволен подарком независимо от его содержания, потому что это были труды его отпрыска, но Мэри знала, что от мистера Беннета ожидать такой снисходительности не имело смысла. Это никак не улучшило бы его отношение. Напротив, лишь подтвердило бы его мнение о ее глупости. Подтвердило бы, что она не достойна быть замеченной, оцененной или любимой. Это, бесспорно, не заставило бы его смотреть на нее так же, как он смотрел на Лиззи. С каменным лицом Мэри выдвинула ящик туалетного столика, положила туда свой сборник и с грохотом задвинула ящик обратно.

– 15 –

Не имея больше цели, Мэри с трудом заполняла долгие часы каждого своего дня. Она читала до боли в глазах, не в силах, однако, вызвать в себе тот энтузиазм, который когда-то так овладел ею. Она играла на фортепиано до тех пор, пока у нее не немели пальцы, а когда они вконец переставали ее слушаться, выходила из дома и отправлялась по знакомой дорожке в Меритон. Никто не предлагал составить ей компанию, да она ее и не искала. По возвращении Мэри даже не спрашивали, где она была и что делала. Во время ежедневных трапез разговоры за столом то затихали, то снова текли по кругу, редко требуя от нее ответа. Ей нечего было добавить к торопливым отчетам Лидии и Китти о приездах и отъездах их любимых офицеров или к конфиденциальному рассказу матери о новой горничной ее сестры Филлипс. И она больше никогда не пыталась вступать в разговоры между мистером Беннетом и Элизабет. В основном Мэри сидела молча, почти не обращая внимания на то, о чем болтают вокруг. Потому поначалу она едва обратила внимание на заявление матери о том, что соседний дом в Незерфилде наконец сдан. Однако миссис Беннет была так взволнована этой новостью и так часто возвращалась к ней, что вскоре даже Мэри узнала, что молодой человек с большим состоянием прибыл с севера Англии, бросил лишь один взгляд на Незерфилд и тут же согласился на все условия аренды. Оказалось, что нового жильца зовут мистер Бингли и он холост, хотя мать Мэри твердо решила, что его положение надолго таким не останется.

– Вы должны знать, – сказала миссис Беннет мужу однажды утром за завтраком, – что я подумываю о том, чтобы он женился на одной из наших девочек.

– Неужели вы считаете, – спокойно ответил тот, – что его главным намерением поселиться здесь было выбрать себе жену из числа наших дочерей? Это кажется весьма маловероятным стимулом для годовой аренды даже на самых выгодных условиях. Тем более что он еще не видел ни одной из них.

– Это можно быстро исправить, если вы навестите его. Как только вы представитесь, ничто не помешает и нам нанести ему визит. Однако мы не можем сделать этого, пока вы не знакомы – это было бы невежливо.

– Не уверен, что могу согласиться с вами. Почему мы должны быть скованы традициями? Не вижу причин, почему бы вам и девочкам не навестить нашего соседа тогда, когда вы того захотите. Или, быть может, им следует пойти туда одним? Вы по-прежнему так же красивы, как и все наши дочери, и мистеру Бингли можете понравиться больше всех.

Миссис Беннет не собиралась позволять комплиментам мужа сбить себя с толку, какими бы правдивыми его слова ей ни казались.

– Пойдемте, Мистер Беннет. Вы же знаете, мы не можем нанести ему визит, пока этого не сделаете вы. Это было бы действительно очень странно.

– Возможно, вы правы. Может быть, будет проще, если я напишу мистеру Бингли, заранее дав свое согласие на то, чтобы он женился на той из наших дочерей, которую сам предпочтет? Это могло бы сэкономить массу времени и хлопот.

– Я уверена, что это очень дурно с вашей стороны – дразнить меня таким образом. Если вы не пойдете к нему, то другие уж точно не будут так осторожны. Что, если сэр Уильям Лукас доберется туда раньше вас? Вы будете счастливы, если Шарлотта Лукас поселится в Незерфилде? Каждая минута промедления может вызвать необратимые последствия.

Мистер Беннет откинулся на спинку стула, довольный тем, что его жена так сильно взволнована.

– Я признаю, что вы стоите перед дилеммой. Что же важнее для вас? Приличное поведение или перспектива потерять столь многообещающего зятя? Не уверен, что могу что-то

посоветовать. Что скажешь, Мэри? Я знаю, что ты молодая женщина, способная к глубоким размышлениям, читаешь великие книги и выписываешь из них цитаты.

Мэри удивленно подняла глаза. От удивления все разумные ответы из ее головы вылетели, и она даже не смогла придумать, что сказать. Отец некоторое время смотрел на нее, весьма довольный, а потом вновь повернулся к жене.

— Пока Мэри приводит в порядок свои мысли, давайте вернемся к мистеру Бингли.

Пока родители продолжали препирательства, Мэри ошеломленно сидела. Неужели мистер Беннет знал о маленькой книжечке, которую она собиралась ему подарить? Нет, она никому ее не показывала. Та по-прежнему лежала в ящике ее стола, а на первой странице стояло его имя с тем посвящением, которое ему уже не суждено было прочесть. Возможно, он заметил, сколько часов она проводила в его библиотеке, переписывая цитаты, однако ничего не мог знать о цели ее стараний. По лукавому выражению лица мистера Беннета было ясно, что Мэри правильно поступила, ничего ему не показав. Он бы этого не оценил. Ее ученые амбиции казались ему такими же нелепыми, как те долгие часы, которые Китти и Лидия проводили, украшая шляпки или обсуждая достоинства пряжек для обуви.

Настроение Мэри за ужином и завтраком было хуже обычного. Пренебрежение, оказанное отцом, тяжело давило на нее, и пока мистер Бингли оставался главным предметом разговоров, ей нечего было сказать. Затем, на третий вечер, настроение за столом внезапно поднялось. Их мать сияла, а Лидия и Китти смеялись, толкая друг друга в бок. Даже мистер Беннет выглядел довольным, удовлетворенный своим розыгрышем, который дал ему все, чего он так желал.

Вскоре выяснилось, что, хотя мистер Беннет столь упорно твердил семье, будто не станет навещать мистера Бингли, на самом деле он в то же утро отправился в Незерфилд и засвидетельствовал свое почтение. Он с самого начала собирался поехать туда, но решил не отказывать себе в удовольствии подразнить жену. Миссис Беннет это не волновало. Она была счастлива, что первое препятствие на пути к браку одной из ее дочерей с мистером Бингли было преодолено, и не сомневалась: все дальнейшие трудности могли быть преодолены с той же легкостью.

Через несколько дней мистер Бингли сам приехал в Лонгборн, чтобы нанести ответный визит мистеру Беннету, однако, к крайнему огорчению миссис Беннет, к нему не допустили никого, кроме ее мужа. Все время они провели в библиотеке, а единственным, что удалось разглядеть женской половине семьи из окна второго этажа, когда гость уезжал, были его синий жакет и вороной конь.

Встретив заявление миссис Беннет о нечеловеческом пренебрежении к ее чувствам, потому что он не представил ей мистера Бингли, мистер Беннет ответил, что у молодого человека имеются дела в Лондоне и нет времени для увеселительных встреч.

— Но он очень настаивал, чтобы я передал его извинения вам и всем молодым леди в доме. Он добавил, что надеется иметь удовольствие видеть всех нас на следующем балу в Меритоне, который он намерен посетить. И поскольку две сестры будут сопровождать его вместе с другими друзьями и родственниками, он с нетерпением ждет возможности ввести их в вашу компанию, как и самого себя. До утомительности вежливый молодой человек, на мой взгляд.

Китти и Лидия громко приветствовали эту новость. Когда они убедились, что мистер Бингли не состоит в полку и не носит мундира, их интерес к нему несколько поубавился. Однако приезд других молодых людей был прекрасной для них перспективой, которую можно было встретить только с энтузиазмом, потому что среди новых знакомых могли оказаться и офицеры.

– 16 –

Поскольку до очередного бала оставалось всего несколько недель, миссис Хилл вскоре принялась за работу: чистила и штопала платья, что-то приносила и уносила – словом, делала все возможное в стремлении подобрать наряды всей семье так, чтобы они не слишком уступали столичным нарядам, которые наверняка наденет женская половина гостей мистера Бингли. Однажды вечером, войдя в свою спальню, Мэри застала миссис Хилл за внимательным изучением того платья, которое она покупала для предыдущего бала, – та расправляла аккуратный лиф и отряхивала кремовые с золотом юбки.

– Не следует ли вам его надеть, как считаете? Это был бы очень подходящий случай, чтобы вновь его всем показать.

– В последний раз оно не принесло мне большой удачи.

Миссис Хилл положила платье и села на кровать.

– Я видела мистера Спарроу в Меритоне на прошлой неделе. Он сказал мне, что Джон уехал в Лондон, чтобы выучиться на врача. Он остановил меня на улице и выглядел очень довольным. Он уверен, что после учебы у его сына будет своя контора в городе, по гинее за прием, а также личный экипаж.

Мэри подошла к окну. Она не хотела, чтобы миссис Хилл видела сожаление, которое, как она подозревала, было слишком отчетливо написано на ее лице. Теперь у нее не осталось ни малейшего шанса извиниться за свое поведение. Она никогда не сможет загладить вину за то, как обошлась с ним.

– Я лишь хочу сказать, – продолжила миссис Хилл, – что вам не стоит беспокоиться о том, что вы снова увидите его на балу. – Она взяла платье и аккуратно повесила его. – Он славный малый, но вам не подходит.

– Он был добр ко мне и щедр и, казалось, наслаждался моим обществом. Для меня этого было достаточно.

– Ваши родители никогда бы этого не потерпели.

Мэри задумалась. Ее отец, подумала она, с его противоречивым характером, возможно, наслаждался бы, наблюдая подобную связь и смакуя возможности, которые она предлагала, чтобы проявить свое остроумие за счет всех заинтересованных сторон. Ее мать, однако, никогда бы не оценила шутку. Она воспротивилась бы, направив в это дело все свои немалые запасы гнева, и ее слово было бы последним в этом вопросе, по крайней мере до тех пор, пока молодой мистер Спарроу, помощник окулиста, не превратился бы в доктора Спарроу, состоятельного врача.

– Возможно, я просто неудачно выбрала время. Если бы мистер Спарроу уже владел упомянутым вами экипажем, все могло бы сложиться совсем иначе.

Миссис Хилл пожала плечами.

– Боюсь, так уж устроен мир.

– Мы ведь только танцевали. Я не собиралась выходить за него замуж. Да и как я могла, если едва его знаю? Мне просто нравилось с ним разговаривать. Никто никогда раньше не искал моего общества и не слушал с интересом, что бы я ни говорила. Он заметил меня и заставил улыбаться, чем заслужил презрение окружающих. А я была так потрясена их предубеждением, что приняла поражение и убежала. Это была несправедливая плата за его доброту.

– Ну, что сделано, то сделано.

Миссис Хилл встала – у нее было много работы, а из холла уже слышался нетерпеливый голос Лидии.

– Случались вещи и похуже, и мужчины и женщины доживали до того, чтобы рассказывать всем свои истории. Но я надеюсь, вы пойдете на бал, а не останетесь дома размышлять о

том, чего уже нельзя изменить. И я думаю, вам стоит надеть ваше новое платье. Оно идет вам, а сейчас просто зря висит в шкафу.

В течение следующих нескольких дней мысли Мэри метались туда-сюда – она никак не могла решить, последовать совету миссис Хилл или нет. Иногда Мэри трепетала, размышляя о новом бале, ведь она уже испытала на себе опасности и унижения, подстерегающие неопытных девиц. Но другая часть ее была охвачена желанием спрятаться ото всех. Мэри подозревала, что если не пойдет, то ей будет легче отказаться в следующий раз, а затем и в следующий – до тех пор, пока она не превратится в полную затворницу. Нет, чего бы ей ни хотелось, но она должна была пойти.

Хотя в конце концов она и убедила себя в правильности решения, ничто не могло заставить Мэри надеть золотое с кремовым платье. Его нежная красота не соответствовала ее настроению. Вместо этого, не обращая внимания на мольбы миссис Хилл, она надела простое платье и закрутила волосы в некрасивый узел на затылке. Взглянув в зеркало, она увидела бесцветную девушку с бледным лицом и в непримечательном одеянии. В ней не было ничего такого, что могло бы привлечь чье-либо внимание; даже самой себе она казалась почти невидимкой. Несколько мгновений Мэри просто смотрела на свое отражение без всякого выражения, а затем сунула очки в маленькую сумочку. Не было никаких причин не брать их с собой.

По дороге в Меритон она почти ничего не говорила, но мать и сестры с лихвой компенсировали ее молчание. Китти и Лидия, решив не пропускать ни одного танца, уже спорили, с кем и в каком порядке им танцевать. Миссис Беннет не скрывала своего нетерпения увидеть наконец мистера Бингли и заявила, что ей почти так же не терпится познакомиться и с остальными членами его компании, ибо кто знает, может быть, в ней найдется еще один достойный молодой человек? Джейн и Элизабет отказывались думать о том, что сулит им бал, однако Мэри показалось, что даже в них она уловила волнение. Только она не почувствовала ничего, когда экипаж, наконец, въехал в деревню.

– 17 –

В залах Меритона было так же жарко и людно, как Мэри помнила. Зеленые ветки на стенах были столь же очаровательны, свечи столь же бесчисленны и, судя по выраженному запаху горелого жира, как и прежде, так же дешевы. Через большие двойные двери она увидела, как и в прошлый раз, накрытый на столе щедрый ужин. В центре бального зала пары уже начали занимать свои места для следующего танца. Все было так же, как и тогда, когда Мэри была здесь в последний раз, но на этот раз она лучше понимала, где ее место. Она решительно направилась к стульям, на которых расположились чьи-то матери, тетки и бабушки, и принялась искать место, чтобы сесть среди них. Ее сестры тоже претендовали на эти места, однако Мэри понимала, что они будут использовать их только набегам, чтобы отдохнуть между танцами и оказаться на более выигрышной позиции, прежде чем появится другой партнер и увлечет их на паркет. Мэри, подозревая, что ее пребывание здесь продлится дольше, устроилась на стуле, стоявшем чуть в стороне от входа – там она надеялась быть менее заметной.

Так она и провела около получаса: присоединиться к оживленной толпе на паркете ее не приглашали. Устремив взгляд на музыкантов на балконе, играющих с такой энергией, Мэри почти чувствовала жар их усилий. Возможно, подумала она, именно там, наверху, ей и следовало быть – заниматься делом, которое доставляло бы ей удовольствие, вдали от неудач, подстерегавших внизу. Углубившись в размышления, Мэри все же уловила возникшее возбуждение в кружке сидевших рядом женщин. Проследив за их взглядами, кивками и жестами, она увидела, как в комнату вошла небольшая группа людей и остановилась, принявшись наблюдать за происходящим. Никого из них Мэри не узнала, но по одежде и манере держаться можно было догадаться – на бал, наконец, прибыли мистер Бингли и его друзья.

Мистер Бингли – ибо, когда он стоял впереди небольшой группы, подталкивая их вперед, можно было почти не сомневаться в том, кто он такой, – оказался красивым молодым человеком с веселым, обаятельным выражением лица. Позади него стояли две женщины, одетые по первой моде, и Мэри решила, что это его сестры. Им гораздо меньше, чем брату, хотелось нырнуть в переполненный людьми зал. Ни одна из них не улыбалась. Троицу сопровождали еще два джентльмена. Один из них, который, как выяснилось позже, был мужем старшей сестры, не привлек особого внимания, однако другой быстро приковал к себе взгляды всех присутствовавших в комнате. Этот мужчина был высок, красив, а также известен всем как владелец прекрасного поместья в Дербишире. Какое-то время его внешность и история привлекали внимание мужчин и возбуждали интерес женщин, однако манеры мистера Дарси быстро свели на нет всеобщее одобрение. Выражение его лица было серьезным и суровым, а сам он не делал никаких попыток снискать расположение публики и, в отличие от своего друга, казалось, совсем не получал удовольствия от своего положения. Готовность мистера Бингли угождать и довольствоваться предлагаемым вниманием была встречена гораздо более охотно. Он позволил представить себя всем, кто только пожелал познакомиться с ним, похвалил убранство зала, живость музыки и богатый ужин; а когда объявил о своем намерении участвовать в каждом танце, его победа над своим задумчивым и молчаливым другом стала окончательной.

Не ускользнуло от всеобщего внимания и то, что мистер Дарси танцевал только с женщинами из своей компании, в то время как мистер Бингли выбирал партнерш из числа меритонских дам. Мэри смотрела, как он повел Шарлотту Лукас на паркет. Это был неожиданный жест – его выбор Джейн для следующего танца, казалось, больше соответствовал естественному порядку вещей. Джейн, подумала Мэри, была сегодня особенно привлекательна, ее холодная и невозмутимая красота казалась особенно притягательной среди шумихи и жара бала. Бингли танцевал с ней с явным удовольствием и, казалось, не хотел отпускать, ища ее общества даже после того, как танец закончился, и разговаривая с ней с большим оживлением. Сама

же Джейн лишь скромно отворачивалась от его оценивающих улыбок. Он позовет ее снова, подумала Мэри, если не сейчас, то позже. Это будет победоносная ночь для Джейн.

Она удивилась, когда к ней под села Шарлотта Лукас. Мэри избегала ее с последнего бала. Она не сомневалась: в том, что произошло тогда, во многом виновата она сама, однако часть вины возлагала и на Шарлотту. Сквозил ли намек на удовольствие в том, как она высказала Мэри свое предупреждение о Джоне Спарроу? Звучала ли нотка зависти в ее настойчивом требовании, чтобы Мэри отказала ему? Это были недостойные мысли и Мэри стыдилась их высказывать, но, не имея пока возможности избавиться от них, она решила не находиться рядом с Шарлоттой до тех пор, пока не с ними не справится. Однако, поскольку мисс Лукас приветствовала ее с явным дружелюбием, Мэри решила сделать все возможное, чтобы ответить ей взаимностью.

– Ты спряталась в этом укромном уголке, – начала Шарлотта. – Уверена, что правильно поступаешь? Никто не позовет тебя танцевать, если ты невидима для человеческого глаза!

Говоря это, она улыбнулась, но за ее добродушием проглядывало напряжение.

– О, я прекрасно себя здесь чувствую. Отсюда все видно, и я ничего не упущу, – откликнулась Мэри.

– Позволь усомниться. Наблюдать за происходящим – это совсем не то же самое, что быть его частью. Кое-что ты упускаешь, можешь быть уверена.

– Думаю, для меня это лучшее место.

– Возможно – если ты уже решила сдаться без боя.

Расстроенная таким поворотом разговора, Мэри попыталась перейти на более легкомысленный тон.

– Ну что ж, твоя собственная удача не останется незамеченной сегодня вечером. Ты была первой, с кем танцевал мистер Бингли, – какая честь быть отмеченной таким образом!

Мэри старалась говорить как можно искреннее и шутливо. Она не очень-то любила Шарлотту, но ей не нравилось видеть ее в таком мрачном настроении.

Шарлотта взглянула в сторону площадки, где мистер Бингли повел Джейн уже на второй танец.

– Да, – задумчиво ответила она. – Я была лишь вежливым выбором, доказательством, если желаешь, его хороших манер и готовности очаровать нас всех. Но он не смотрел на меня так, как уже смотрит на Джейн.

Мэри проследила за взглядом Шарлотты. И правда, мистер Бингли был теперь полностью поглощен ее сестрой – он не отрывал от нее глаз, пока та шла вдоль рядов танцующих.

– Я прекрасно знаю, что мне делать и что говорить дальше, – продолжала Шарлотта. – Я должна улыбаться, кивать и смотреть равнодушно на свою отставку, смеясь и поддразнивая Джейн по поводу ее нового завоевания. Именно так я и поступлю. Я к этому привыкла. Но вот что я тебе скажу, Мэри, – не уверена, что смогу делать это и дальше.

Мэри беспокойно заерзала на стуле. Внезапная откровенность Шарлотты встревожила ее, и она не знала, что ответить.

– Мне почти двадцать семь лет. Я уже десять лет хожу на такие балы, и ни разу никто не взглянул на меня с тем восхищением, с каким мистер Бингли сейчас смотрит на Джейн. Ни разу я не была той, вокруг кого собираются другие женщины, поздравляя и восклицая. Нет, моим уделом всегда было радоваться победам подруг. – Шарлотта рассеянно натянула перчатки. – Видит бог, я многого не жду. Но хотелось бы и мне получить что-то свое, пока не стало слишком поздно, – какой-то знак привязанности, знак того, что кто-то захотел и предпочел именно меня.

– У тебя есть родители, которые любят тебя, – отважилась вмешаться Мэри, – и братья и сестры, о которых нужно заботиться.

– Да, – ответила Шарлотта, – и я понимаю, что этого должно быть достаточно, но с каждым днем обнаруживаю – это не совсем так.

Мэри неуверенно потянулась к руке Шарлотты. Она не решалась продолжить разговор, узнавая в словах мисс Лукас те же самые страхи, которые начинали проявляться и в ее собственных мрачных размышлениях. Что, если она так никого и не встретит? Настроение Мэри упало, когда она оглядела комнату. Ни один из мужчин, которых она там увидела, не предпочел бы ее более красивым, шумным и более живым девушкам, которые, с такой уверенностью кокетничая, расхаживали по залу. Это был всего лишь второй бал, но Мэри уже чувствовала, что потерпела крах. Сможет ли она вынести десять лет унижений и отвержения с той стойкостью, которую проявляла Шарлотта? Мэри отдернула руку, боясь, что ее прикосновение вызовет в Шарлотте бурю эмоций, на которые она не знала, как реагировать. Она чувствовала силу отчаяния мисс Лукас, и это опечалило ее. Но тут Шарлотта подняла глаза, и на ее лице появилось обычное выражение приятного ожидания.

– Но вот и Лиззи! И в самый подходящий момент, чтобы рассеять эту тьму.

Мэри прищурилась, как Джон Спарроу велел ей не делать, и заметила Элизабет у края площадки для танцев, пробиравшуюся к ним сквозь толпу. Кратко поблагодарив пропускавших ее людей, она придвинула к девушкам стул.

– Мне нужно рассказать такую историю, что я просто не могла ждать, поэтому тут же отправилась вас искать. Нельзя сказать, чтобы это отразилось на мне приятным образом, но это настолько хорошая шутка, что я решила выторговать ваш смех ценой моего достоинства – именно так!

Прежде чем Мэри или Шарлотта успели что-то ответить, Элизабет продолжила свой рассказ. Оказалось, что, когда начался предыдущий танец, у нее не было партнера – «это, можно сказать, было первым моим несчастьем». Лиззи была вынуждена сидеть и наблюдать за происходящим со своего места в нескольких рядах от площадки. Она пробыла там всего несколько минут, когда заметила, что мистер Бингли и его высокий друг подошли и остановились перед ней. Она не собиралась слушать их разговор, но, право же, они говорили так решительно, что невозможно было не обратить на это внимания. В общем, вольно или невольно, она подслушала, как мистер Бингли ругал мистера Дарси за его нежелание танцевать. Зал, настаивал он, полнится очаровательными женщинами, каждая из которых была бы рада встать на паркете рядом с ним. Почему же он не попросит какую-нибудь счастливую девушку стать его партнершей? Такая отчужденность, говорил мистер Бингли, вовсе не к лицу мистеру Дарси, и не надо ему расхаживать по комнате с таким очевидно недовольным видом.

– Мне не терпелось услышать, как он ответит на столь справедливый упрек, – продолжала Элизабет. – Однако друг его несколько не смутился. С некоторой теплотой он ответил, что мистер Бингли танцевал с единственной красивой девушкой в зале, под которой он, конечно, подразумевал Джейн. Но его друг не был готов так легко сдаться. Хотя он согласился, что Джейн действительно «самое прекрасное создание, которое он когда-либо видел» – и, пожалуй, обратите внимание, это были именно его слова, – он продолжал упорствовать: возможно, с большей галантностью, чем с тактом. А как же ее сестра, спросил он. Она достаточно хорошенькая и не обручена. Не хочет ли мистер Дарси, чтобы нас представили?

Лиззи на мгновение замолкла, чтобы перевести дух.

– А затем этот гордый человек – я думаю, теперь мы все знаем, что его зовут мистер Дарси, – поворачивается, смотрит мне прямо в глаза и говорит, – и я могу понять его, если он думал, будто я его не слышу: она недурна, однако ж недостаточно хороша, чтобы увлечь меня!

Элизабет со смехом перевела взгляд с Мэри на Шарлотту.

– Что думаете? Разве это не самое невероятное, что вы слышали?

– Что ж, справедливо говорят, что случайные слушатели никогда не услышат о себе ничего хорошего, – сказала Мэри.

– Если это так, то я, несомненно, понесла заслуженное наказание, – заявила Элизабет. – Недурна! Слышали ли вы когда-либо столь же бессмысленное определение?! Недостаточно хороша, чтобы увлечь меня, – как будто у нас, женщин, нет другого занятия, кроме как выставлять себя перед мужчинами в надежде на внимание!

– Это наводит на мысль о большой самонадеянности с его стороны, – задумчиво произнесла Шарлотта.

– Да, но я рада, что это услышала, ведь это дало мне возможность составить о нем свое мнение. Сначала я не знала, что и думать, когда услышала упреки в его холодности и недостатке вежливости, но тогда я только *видела* его дурное поведение. Теперь же, когда я своими ушами *услышала*, что он столь же неприятен, как кажется, то я без колебаний осужу его за это!

Шарлотта утешительно улыбнулась.

– Мне жаль, что ты так разочаровалась в своем новом знакомом, Лиззи. Однако не похоже, чтобы его безразличие глубоко ранило твое сердце.

– Нет, посмею сказать, что я смогу это пережить. – Лиззи встала и оглядела зал. – Я лишь сожалею, что у меня вряд ли появится возможность отплатить ему той же монетой. Мне бы очень хотелось, чтобы его гордость была так же уязвлена, но я не думаю, что наши пути снова пересекутся. И, как, я уверена, согласится со мной Мэри, нет никакого смысла в том, чтобы стремиться к тому, чего мы не можем получить. Потому я не буду размышлять о том, как плохо со мной поступили. Вместо этого поищу себе что-нибудь выпить, а также партнера, у которого, как я надеюсь, будет достаточно хороший вкус, чтобы найти меня более чем просто «недурной» – или который, по крайней мере, воздержится от выражения любого противоположного мнения, пока не уйдет туда, где я его не услышу.

– У Лиззи никогда не будет недостатка в поклонниках, – заметила Шарлотта, провожая ее взглядом. – Она всегда будет привлекать внимание, куда бы ни пошла.

– К ней невозможно оставаться равнодушным, – согласилась Мэри. – Ты всегда знаешь, что она находится с тобой в одном помещении. Даже когда она ничего не говорит, у нее такой вид, будто она может сказать что-то остроумное.

– Тогда как мы с тобой... Прошу, не держи на меня обид, если я скажу, что не думаю, будто люди с таким же нетерпением ждут от нас каких-то слов. Мы не сияем так же, как она.

Мэри мрачно посмотрела на подол своего бесцветного платья. Быть может, ей все-таки следовало надеть то золотое? Даже если бы никто другой не обратил на него внимания, она сама, возможно, почувствовала бы себя менее невзрачной.

– Думаю, ты права.

Они сидели молча, каждая созерцая бездну из удовольствия и возможностей, которая пролежала между ними и Элизабет. Наконец, Шарлотта заговорила спокойным решительным тоном, которого Мэри раньше от нее не слышала:

– Я открою тебе один секрет, Мэри. Я дала себе слово, что больше не приду на эти балы незамужней женщиной. Если в следующем году я все еще буду одна, то надену чепец и объявлю себя старой девой.

– В самом деле, Шарлотта, о чем ты говоришь? Я вижу, ты сегодня в дурном настроении, но это слишком важный шаг, чтобы сделать его без серьезного обдумывания. Вы обсуждали это с Лиззи?

– Конечно нет, она никогда меня не поймет. Но я думаю, что ты могла бы. И я надеюсь, ты позволишь мне немного объяснить.

– Я с радостью выслушаю тебя, если ты этого хочешь.

Шарлотта смотрела вдаль. Выражение ее лица невозможно было прочесть.

– Когда я была примерно твоих лет, то считала, что замужество – это награда за хорошее поведение и терпение. Я думала, если буду послушной и стану делать то, что мне скажут, то неизбежно стану чьей-нибудь женой, и раз этого не случилось в этом году, то наверняка слу-

чится в следующем. Я ждала и ждала, улыбалась и улыбалась, и вот я все так же здесь – та же одинокая женщина.

– Неужели это столь ужасная судьба? – рискнула спросить Мэри. – Когда смотришь на то, как некоторые мужья и жены живут вместе, кажется, что брак не всегда приносит счастье.

– Неужто ты всерьез думаешь, что жизнь старой девы лучше? – воскликнула Шарлотта, слегка вспыхнув. – Подумай о незамужних женщинах, которых ты знаешь, – о тех, что живут так, как позволяют им родители, зарабатывающих себе на жизнь несколькими уроками игры на фортепиано или скромным пошивом одежды. О тех, над которыми все насмехаются и которых презирают. Нет, для образованной женщины, воспитанной благородной, как мы с тобой, будущее не имеет никакой перспективы, кроме брака или несчастья.

– Но если таково твое мнение, почему ты так охотно принимаешь жизнь, которую презираешь? Решаешь надеть чепец и предаться существованию, которое считаешь невыносимым?

– Я полагаю, что мне следует иметь в виду столь ужасную перспективу, чтобы сосредоточиться на ее альтернативе. Я понимаю, что приближаюсь к опасному возрасту и должна действовать быстро или не действовать вообще.

– Не уверена, что понимаю тебя, – сказала Мэри. – Что же ты можешь сделать в подобной ситуации? Неужели ты намерена ходить и упрашивать мужчин жениться на тебе?

– Нет, – печально ответила Шарлотта. – Я еще не настолько смела. Однако не стану скрывать, что готова сделать все возможное – в рамках приличий, конечно, – чтобы найти достойного человека в мужья. Если такой человек завтра предстанет передо мной, не думаю, что у него будет хоть шанс от меня ускользнуть.

Ее голос звучал беспечно, но Мэри ни на секунду не усомнилась в том, что она говорила искренне.

– Иногда я думаю, – продолжала Шарлотта, – что, должно быть, для некоторых мужчин, особенно тех, кто не имеет большого опыта в обществе, это большое облегчение, когда женщина отбрасывает благоразумие и без колебаний сообщает, с какой готовностью она согласилась бы стать его женой. Вероятно, это ужасно – не знать заранее, каким будет ответ на предложение руки и сердца. Уверенность в согласии должна быть огромным стимулом для самого акта предложения.

– Но ты ни слова не сказала о любви. Ты действительно считаешь, что это хорошая идея – вступать в брак, где нет чувств?

– Ну, ты же знаешь, я не романтическая натура. Последние десять лет излечили меня от этого. Я не Лиззи, которая всегда будет желанна. Женщины вроде меня, не обремененные выбором женихов, должны научиться сдерживать свои чувства. Я уверена, что сейчас согласилась бы на любого, у кого есть хоть немного собственных денег и кого нельзя назвать дурным человеком. Я уже не ищу великой любви. Удобный дом и степенная жизнь – вот и все, чего я хочу.

Шарлотта повернулась и взглянула на Мэри в упор.

– Надеюсь, я тебя не шокировала. Я так долго размышляла об этих вещах, что для меня большое облегчение открыть свой разум и поговорить о них с кем-нибудь. По самым разным причинам я решила, что ты поймешь ход моих мыслей.

– Ты определенно была очень откровенна.

– Да, я выразила свои мысли очень прямо, и не только потому, что мне было приятно хоть раз честно поговорить о вещах, которые обычно не обсуждаются. – Привычная полуулыбка Шарлотты исчезла. Теперь она была совершенно серьезна. – Полагаю, я также подумала, что ты могла бы извлечь кое-какие уроки из моего опыта и применить их к своим собственным перспективам. Я предлагаю тебе свой совет, если ты захочешь его принять. Так что – не трать время, ожидая, что что-то произойдет, как это делала я. Знаешь, фортуна действительно благоволит храбрецам. Не верь, будто сможешь найти свое счастье, празднуя удачу других. Вечность, проведенная с радостной улыбкой по поводу благополучия твоих подруг, в конце кон-

цов причинит тебе только сердечную боль. И прежде всего не стремись к тому, чего не можешь иметь, но учись распознавать то, что получить возможно. А когда такая возможность представится, хватайся за нее обеими руками. Мне видится, что это единственный путь к счастью для тех из нас, кто лишен красоты, богатства и очарования.

Шарлотта потянулась к маленькой сумочке, стоявшей у ее ног.

– Вот так! Целая коллекция печальных наблюдений! Не думаю, что твой любимый доктор Фордайс одобрил бы это, но у него нет таких знаний о мире, как у меня. – Оживившись, она встала и приготовилась уходить. – Я несколько не удивлена, что после такого долгого признания просто ужасно проголодалась. Попробую найти Лиззи и уговорить ее сесть за стол.

Она не попросила Мэри составить ей компанию и даже не оглянулась, уходя в сторону обеденной залы.

Весь остаток вечера Мэри не переставала думать о неожиданном заявлении Шарлотты. Она размышляла об этом и сидя с матерью и поедая мороженое. Когда Мэри взяла в руки распечатанную программу вечера, надела очки и сделала вид, будто изучает список, в ушах у нее звенели слова Шарлотты. Мэри не могла перестать думать об этом разговоре, как вдруг с удивлением услышала свое имя. Обернувшись, чтобы посмотреть, кто его произнес, она увидела в нескольких шагах от себя леди Лукас, которая нетерпеливо указывала сестрам мистера Бингли на тех из семейства Беннетов, кому они еще не были представлены.

– И, наконец, безусловно, – объявила леди Лукас, – мисс Мэри Беннет, самая образованная девушка в округе.

Не успела Мэри опомниться, как ее глаза встретились с глазами младшей сестры Бингли, которая в знак приветствия сделала едва заметный реверанс.

– Это, конечно, большое достижение, – сказала та, – и, судя по вашему виду, вполне заслуженное.

Взволнованная Мэри присела в ответном реверансе.

– Я уважаю ваше стремление учиться, – спокойно продолжала мисс Бингли. – Учеба явно перевешивает все остальные стремления в вашем сознании. Вы – пример для всех нас.

Леди Лукас улыбнулась, и сестры Бингли удалились. Только когда они ушли, Мэри поняла, что забыла снять очки.

– 18 –

Ни один бал не может считаться оконченным до тех пор, пока каждая деталь вечера не будет подвергнута тщательным обсуждениям, взвешена и проанализирована на следующий день после события. Знаком того, как много всего необходимо было обсудить, явился тот факт, что не успели слуги Лонгборна убрать со стола завтрак, как семья Лукас заявила к ним, чтобы приступить к вышеупомянутым обсуждениям.

– Твой вечер начался прекрасно, Шарлотта, – сказала миссис Беннет. – Ведь именно с тобой мистер Бингли танцевал свой первый танец.

– Да, но, думаю, второй ему понравился больше.

– О, – произнесла миссис Беннет, неубедительно изобразив удивление. – Ты, наверное, имеешь в виду Джейн? По правде говоря, казалось, он действительно ею восхищен.

– Да, бесспорно, – продолжала Шарлотта. – Я слышала, как он говорил, что считает ее самой красивой девушкой на балу.

– Ты уже упоминала, – согласилась миссис Беннет, – но я рада, что ты еще раз это подтвердила.

Шарлотта уверила ее, что это действительно были слова мистера Бингли. Миссис Беннет даже не пыталась скрыть своего удовлетворения тем, что ее старшую дочь публично предпочли Шарлотте. Она переводила взгляд с нее на леди Лукас с нескрываемой радостью. Внимательно наблюдая за Шарлоттой, Мэри не заметила ни малейшего колебания в застывшей улыбке, ее лицо, выражавшее кроткую, добродушную покорность судьбе, ни разу не дрогнуло.

– Подслушанный мной разговор был более полезен, чем твой, Лиззи, – игриво продолжала Шарлотта. – Бедняжка Элизабет! Стерпеть то, как тебя сочли всего лишь *недурной*!

– Это большое оскорбление, – согласилась Элизабет с притворной серьезностью. – Но я должна постараться его вынести.

Миссис Беннет было не так-то легко успокоить. Она не могла рассматривать пренебрежение своими дочерьми иначе, как тяжкое оскорбление, но чего еще можно было ожидать от человека, поведение которого вызвало всеобщее неодобрение? Мистер Дарси показал себя неприветливым человеком – так утверждали все. Всем вокруг было ясно, что это неприятный, надменный, холодный, замкнутый и снедаемый гордыней человек. Миссис Беннет заявила, что Лиззи не должна обращать на него внимания.

– Если бы вы встретились снова и он пригласил бы тебя станцевать с ним, я надеюсь, ты ответила бы ему отказом.

Элизабет согласилась, что подобное приглашение совершенно невозможно, и беседа продолжилась, в конце концов завершившись на том, что личность, манеры и характер мистера Дарси не выдержали испытания меритонским обществом. Вскоре после этого миссис Беннет собралась вернуться к более приятной теме успеха Джейн в глазах мистера Бингли, но, прежде чем она успела это сделать, заговорила Мэри:

– Интересно, справедливо ли так скоро осуждать мистера Дарси? Есть, знаете ли, разница между гордыней и тщеславием. Одно из этих качеств заслуживает гораздо большего осуждения, чем другое. Тщеславный человек хочет, чтобы другие думали о нем хорошо, независимо от его добродетелей. Гордость же больше связана с нашим честным мнением о себе.

Она испытующе оглядела своих слушателей, надеясь услышать ответ, но никто, казалось, не мог ничего добавить к ее замечанию.

– А не может стать так, – продолжила Мэри, – что у мистера Дарси есть какое-то оправдание для такой веры в себя? Возможно, у него есть право собой гордиться.

Миссис Беннет раздраженно всплеснула руками.

– Право, Мэри, никому из нас не нужна лекция о том, как нам думать об этом человеке. Мы все уже приняли решение и не требуем от тебя дальнейших указаний.

Мэри покраснела, поняв, что опять встряла невпопад. Наступило молчание, пока не заговорил младший брат из семейства Лукас. Он с большой неохотой согласился сопровождать сестру и мать в Лонгборн из-за обещания пирога, которого пока так и не появилось.

– Если бы я был так же богат, как мистер Дарси, мне было бы все равно, насколько я горд! Я бы держал целую свору английских гончих и выпивал по бутылке вина каждый день.

Миссис Беннет заверила, что если увидит его за этим занятием, то немедленно отберет у него бутылку, на что тот заявил – она не должна этого делать. Вскоре разговор стал таким же громким и оживленным, как и до того, как в него вмешалась Мэри. Когда Лукасы, наконец, собрались домой, Шарлотта на мгновение остановилась рядом с Мэри.

– Наши замечания приветствуются только в том случае, если они приятны, – прошептала она, – то есть отражают то, что думают все остальные, и произносятся с самой покорной улыбкой.

– 19 –

Когда сэр Уильям Лукас объявил о своем намерении устроить небольшой обед в тесном дружеском кругу, миссис Беннет была неприятно удивлена. Она не ожидала, что Лукасы воспользуются случаем и пригласят мистера Бингли вместе с его друзьями познакомиться с семьями их новых соседей. Миссис Беннет было крайне досадно, что она сама не додумалась до этого, и она восприняла известие об этом с немалым негодованием.

– Я думаю, что с их стороны это большая самонадеянность – устраивать такой обед, – заявила она, – и они следуют каким-то своим интересам. Они хотят заполучить мистера Бингли в качестве мужа для Шарлотты, мистер Беннет, я уверена. Я редко вижу, чтобы люди так себя вели. Удивлена, как им не стыдно.

– Тогда я напишу и объясню, что мы не можем присутствовать, – ответил ей муж. – Вам, очевидно, будет больно воочию наблюдать за их ухищрениями.

– О чем вы только думаете? – в отчаянии воскликнула миссис Беннет. – Конечно же, мы должны пойти. Я не допущу, чтобы эта хитрая Шарлотта Лукас выбила нашу Джейн из игры. Я ни на минуту не спущу с нее глаз.

– В таком случае я передам наше согласие и с нетерпением буду ждать, несомненно, приятнейшего вечера в кругу самых старых и дорогих друзей.

И вот, когда наступил назначенный вечер, Мэри обнаружила себя в неприметном кресле на самом забытом богом конце обеденного стола сэра Уильяма. Она ковырялась в тарелке с едой и желала, чтобы этот обед, наконец, завершился. Находясь в гораздо лучшем положении, чем Мэри, – сидя рядом с мистером Бингли и его друзьями – Шарлотта время от времени ловила на себе ее взгляд. Жизнерадостность ее уже не казалась такой естественной, какой когда-то считала Мэри. Ее мрачное признание на балу эхом отзывалось в голове девушки, когда она оглядывала гостей – все они, казалось, наслаждались жизнью с таким удовольствием, которое только раздражало и без того мрачное расположение духа Мэри. Ее настроение упало еще сильнее, когда она увидела мужчин, собравшихся вокруг стола. Внезапно ее поразила мысль, что ни один из них не рассматривал ее как потенциальную жену. Там был мистер Бингли, который так же усердно старался всем угодить, как и на балу в Меритоне, расплываясь в улыбках, веселье и добродушии. Несмотря на это, Мэри чувствовала, что, со всем своим беззаботным обаянием, он никогда не обратит внимания на женщину, которая не была бы красавицей. А раз Джейн здесь, у него перед глазами, зачем ему искать кого-то еще? Мэри редко размышляла так же, как миссис Беннет, но, наблюдая за мистером Бингли и Джейн, уже не сомневалась, что он влюблен в ее сестру.

Когда взгляд Мэри переместился на грозного и строгого мистера Дарси, она едва не рассмеялась, осознав полную невозможность того, чтобы он вообще мог подумать о ней. Он не замечал даже самого факта ее существования. Ей показалось, будто иногда мистер Дарси поглядывал в сторону Элизабет, но та решительно не обращала на него внимания – роковое слово «недурна» было еще свежо в ее памяти. На другом конце стола шумная компания молодых людей в военной форме, слегка покрасневших от выпитого вина, флиртowała с Китти и Лидией. Мэри даже не могла их различить. Она не думала, что они будут столь же разборчивы, как мистер Бингли или его друг, но там, где не было красоты, должны были присутствовать хотя бы бодрость духа и веселье, а Мэри не обладала ни тем ни другим.

Правда в том, с горечью думала Мэри, что в ее ближайшем окружении не найдется никого, кто счел бы ее достойной внимания. А если это действительно так сейчас, когда она еще молода, то почему с возрастом что-то могло измениться? По всей вероятности, следующие десять лет ее жизни пройдут так же, как и упущенные десять лет Шарлотты – без особых надежд и счастья. По мере того, как вечер шел своим чередом, Мэри ощущала себя все более

и более униженной этим пониманием и воображала, как растворяется в воздухе, минута за минутой, час за часом, пока не почувствовала, как исчезла совсем, не оставив после себя ни одного напоминания о том, что вообще сидела за этим столом.

Только когда ужин закончился и скатерть убрали, она немного пришла в себя. Объявили танцы, и, увидев возможность вырваться из своего несчастья, Мэри вызвалась услужить обществу за роялем. Весь остаток вечера она напевала шотландские и ирландские песенки, в то время как ее сестры и семейство Лукасов танцевали с самыми энергичными офицерами. Устав играть, Мэри со смешанными чувствами приняла благодарности танцующих. Она была рада сделать хоть что-то, чтобы не сидеть в тишине, но чувствовала себя так, будто купила благодарность этой компании тем, что не тяготила их своим обществом на паркете. Мэри показалось, что она вновь слышит слова Шарлотты о том, сколь невыгодно довольствоваться счастьем других. Ей было грустно думать, что это такова могла быть и ее судьба – вечно наслаждаться радостями окружающих, но никогда не испытывать их самой.

– 20 –

Мэри ничуть не удивилась, когда в Лонгборн пришло письмо от мисс Бингли, в котором та умоляла Джейн приехать в Незерфилд и присоединиться к их компании. Они ужасно скучали и жаждали ее общества – быть может, она соизволит выпить с ними чаю? И возможно ли было уговорить ее пообедать с ними? Джейн прочитала приглашение семье своим обычным размеренным тоном, но Мэри разглядела удовлетворение, скрытое под ее обычной застенчивостью. Мать ее тем не менее была почти вне себя от волнения.

– А каковы были планы леди Лукас! Я чувствовала, что он не заинтересован Шарлоттой, и оказалась права. Ты должна ехать верхом, Джейн, кареты у тебя не будет. Кажется, собирается дождь, и если так и произойдет, то они будут вынуждены предложить тебе ночлег. Чем дольше ты там пробудешь, тем лучше. Это для тебя такая возможность!

Протесты Джейн и Элизабет по этому поводу остались неслышанными. Джейн должна была ехать верхом, споры были бессмысленны. Риск промокнуть насквозь стоил того, чтобы провести еще один день в гостях у мистера Бингли. Таким образом, Джейн была отправлена в гости, одетая лишь в плащ и легкие туфли. Когда ожидаемый дождь начался даже раньше, чем думалось, не осталось никаких сомнений, что Джейн попала в самый ливень, однако миссис Беннет это нисколько не беспокоило.

– Небольшой дождь никогда никому не повредит, а теперь им придется оставить ее у себя.

Элизабет, однако, была далеко не столь оптимистична. Она вовсе не была уверена, что сестра так легко переживет попадание под проливной дождь. А когда на следующий день в Лонгборн пришло известие, что Джейн слегла с простудой, Элизабет охватило беспокойство. Она попросила разрешения воспользоваться каретой, чтобы немедленно отправиться к сестре, но миссис Беннет была непреклонна.

– Я не думаю, что она умирает. Там о ней прекрасно позаботятся. Пока она у них, все будет хорошо.

Элизабет с трудом поддавалась увещаниям миссис Беннет почти весь следующий день, но, не получив ни одного письма, извещавшего о полном выздоровлении Джейн, она не выдержала и объявила о своем намерении пройти пешком несколько миль до Незерфилда, чтобы самой посмотреть, как поживает сестра. Она не обратила никакого внимания на настойчивые уверения матери, что Лиззи там никому не нужна, что она просто будет мешать и разрушит ее тщательно продуманный план. Мэри слушала, как спор повторялся снова и снова, снова и снова. Она не видела столь острой необходимости в присутствии там Элизабет. Если Джейн была действительно серьезно больна, то, безусловно, из Незерфилда прислали бы письмо. А если Джейн не повезло настолько сильно заболеть, то Лиззи вовсе не было смысла добираться пешком по грязным полям и мокрым дорогам. Она и сама могла заболеть – а в таком случае чем она поможет Джейн?

– Я восхищаюсь твоей склонностью к самопожертвованию, – тихо сказала она Элизабет самым бесстрастным тоном, на какой только была способна. – Но каждый импульс чувств должен быть направлен разумом, и, конечно, усилие всегда должно быть пропорционально необходимости в нем.

Элизабет повернулась к ней. Мэри еще никогда не видела ее более разъяренной.

– Это то решение, в правильности которого я уверена, – холодно сказала она, – поэтому не стоит обо мне беспокоиться. И я вынуждена не согласиться с тобой относительно конкурирующих притязаний разума и чувств. Когда разум не согрет чувствами, он становится очень холодной и жесткой направляющей жизни. Я удивлена, что слышу это от тебя, Мэри. Мне это очень неприятно. Мне осталось надеть сапоги, и я тут же отправлюсь в путь. Надеюсь вернуться к ужину.

На самом деле возвращение Элизабет оказалось отнюдь не таким уж скорым. Она застала Джейн в состоянии, которое убедило ее в том, что сестру нельзя оставлять, пока та не поправится окончательно. Таким вот непреднамеренным образом Лиззи совершенно случайно стала гостьей на приеме в Незерфилд-хаусе, где и пробыла большую часть недели.

Когда Джейн достаточно поправилась, чтобы принять свою семью, мистер Бингли пригласил миссис Беннет и ее младших дочерей приехать в Незерфилд и навестить Джейн. Все, кроме Мэри, охотно согласились – она все еще страдала от упрека Элизабет и предпочла спрятаться ото всех дома. Ей было слишком больно чувствовать себя объектом презрения любимой сестры. Еще хуже было осознание того, что Элизабет оказалась совершенно права, отчитав Мэри, ведь Джейн и вправду сильно болела. Сердце Лиззи показало себя лучшим проводником к тому, что требовалось Джейн, чем холодные рассуждения Мэри. Мэри было по-прежнему стыдно за свои слова, и она не чувствовала, что готова вновь оказаться в обществе Лиззи. Вместо этого она осталась в Лонгборне и гуляла в одиночестве по саду, коря себя за то, что сделала еще одно неверное суждение – заговорила тогда, когда лучше было бы промолчать.

Именно в саду и нашла ее Шарлотта Лукас, зашедшая узнать, как поживает Джейн.

– Надеюсь, – сказала она, – что болезнь не помешала Джейн совершить в Незерфилде все задуманное. Было бы жаль, если бы это отвлекло ее от достижения главной цели визита.

– Полагаю, мисс Бингли пригласила ее главным образом в качестве компаньонки для себя и своей сестры. Думаю, они чувствовали потребность в новом партнере для игр в карты.

– Возможно, в приглашении и значилось именно так, – со знанием дела ответила Шарлотта, – но, поверь, это был не единственный мотив, побудивший их позвать Джейн. Они никогда бы не позвали ее, если бы не были убеждены в привязанности к ней своего брата.

Девушки подошли к маленькой скамейке, стоявшей под айвой. Шарлотта села и жестом пригласила Мэри составить ей компанию.

– Значит, ты считаешь, что Джейн должна была сделать все возможное, чтобы завоевать дружбу его сестер и добиться их одобрения?

– Несомненно, это не принесло бы вреда, а напротив, сослужило бы добрую службу. – Шарлотта ослабила ленту на шляпе и стащила ее на затылок. – Однако, – продолжила она, – Джейн предоставилась исключительная возможность показать мистеру Бингли силу своих чувств. Я очень надеюсь, что, ради ее же блага, она воспользовалась этим в полной мере.

– Я знаю твое мнение на этот счет, – сказала Мэри. – Но не уверена, что привязанность Джейн достаточно сильна, чтобы оправдать такую храбрость. Я не могу сказать, что она на самом деле чувствует к мистеру Бингли. Если она еще не уверена в своей любви, то вряд ли сможет убедить его в ней.

– Напротив, я бы сказала, что именно в данный момент такое заявление наиболее необходимо. Промедление может оказаться фатальным. Всем ясно как день, что он нравится Джейн и она наслаждается его обществом. Что же еще ей может быть нужно? Если ей нужна любовь, что ж, у нее столько же шансов найти ее с ним, как и с любым другим молодым человеком.

– Неужели ты такого низкого мнения о нежных чувствах, Шарлотта? Джейн едва знает его – как может быть она уверена в том, что он сделает ее счастливой?

Шарлотта наклонилась и сорвала несколько длинных травинок.

– Иногда я задаюсь вопросом, действительно ли ты усвоила хоть одну из идей из тех книг, что читала с таким энтузиазмом. Насколько я помню, большинство их авторов настаивает на том, что именно дружба составляет основу по-настоящему счастливого брака. Страсть, говорят они нам, очень скоро иссякает и в любом случае является самым ненадежным основанием для семейного счастья.

Говоря, Шарлотта начала сплетать травинки между собой, сосредоточив на этом все свое внимание.

– Ты рассуждаешь как очень разумная девушка, но под этой строгой личиной скрывается истинная романтическая натура. Ты хорошо ее прячешь, но время от времени она проявляется, когда ты не успеваешь ее подавить!

Мэри покраснела.

– Нет, вовсе нет, я просто задалась вопросом, возможно ли счастье в браке, если муж и жена так мало знают друг о друге в самом начале отношений. А если один из них или оба притворяются в чувствах, которых у них еще нет, то это не сулит им ничего хорошего в будущем.

– Вижу, мы никогда не придем к согласию, но уверяю тебя, что счастье в браке зависит исключительно от случая. Изучай Джейн хоть еще целый год характер мистера Бингли, это ничего не изменит. У нее есть такая же возможность стать счастливой с ним, как и с любым другим мужчиной, которого она повстречает. Я от всего сердца желаю ей успеха, но если она не сумеет воспользоваться своим преимуществом... Что ж, ей некого будет винить, кроме самой себя. На ее месте я бы ни за что не упустила такой шанс.

– Скажи мне, Шарлотта, неужели ты действительно так несчастна в сегодняшнем положении?

Шарлотта бросила косичку из травинки на землю и встала со скамьи.

– Я не стану притворяться, будто мои чувства изменились со времени нашего последнего разговора. Пойдем, отыщем миссис Хилл и посмотрим, удастся ли убедить ее налить нам чаю.

– 21 –

Прошла еще неделя, прежде чем Джейн достаточно поправилась, чтобы вернуться домой, и еще несколько дней, прежде чем ей позволили выходить из спальни. Встретив укоризненные взгляды Элизабет, миссис Беннет не выказала ни малейшего раскаяния по поводу случившегося, лишь уверенно заявила, что Джейн когда-нибудь ее поблагодарит. Она была уверена, что мистер Бингли вскоре заявит о себе. Потому никто не удивился, когда однажды утром за завтраком мистер Беннет объявил о своих надеждах по поводу того, что жена приказала приготовить хороший ужин на этот вечер, так как он ожидал прибытия гостя. Миссис Беннет тут же подумала о возможности, и очень волнующей, что гостем их будет мистер Бингли, но муж поспешил поправить ее:

– Мне жаль разочаровывать тебя, дорогая. Это не мистер Бингли, а другой молодой человек, который почтит нас своим присутствием сегодня чуть позже. Я говорю о моем кузене, мистере Коллинзе, который, когда я умру, может выставить всех вас из этого дома, если только того пожелает.

Как мистер Беннет и предполагал, его слова вызвали всеобщее изумление и недоумение. Все заговорили одновременно, засыпая отца вопросами, пока тот не был вынужден поднять руку, требуя тишины. Только тогда, в своем темпе, он раскрыл историю предстоящего прибытия их неожиданного гостя. Оказалось, месяц назад мистер Беннет получил письмо от кузена, предлагавшего себя в качестве их гостя.

– Около двух недель назад я ответил на него, так как думал, что это требует срочного внимания. Хотите послушать, что там написано?

Мистер Беннет надел очки и, картинно взмахнув рукой, извлек письмо из кармана пальто. Оно занимало много страниц, и мистер Беннет читал его с той же медлительностью и напыщенностью, какая отличала язык, на котором то письмо было написано. Начиная мистер Коллинз, выражая сожаление об отдаленности, которая так долго существовала между мистером Беннетом и его отцом. Однако теперь, когда его уважаемого родителя не стало, мистер Коллинз считал своим долгом, если это было в его небольших силах, исцелить боль, причиненную их конфликтом. Недавнее посвящение в сан заставило его еще сильнее возжелать примирения.

– Он отмечает, – произнес мистер Беннет, – что «как священник я считаю своим долгом содействовать благословию мира во всех семьях, находящихся под моим влиянием».

Мистер Беннет продолжил чтение:

– И я думаю, что это будет особенно интересно для вас, моя дорогая: «...на этом основании я льщу себя надеждой, что мои теперешние попытки проявить добрую волю весьма похвальны, а обстоятельства моего бытия наследником Лонгборна будут любезно забыты с вашей стороны и не заставят вас отвергнуть предложенную оливковую ветвь».

Миссис Беннет отшвырнула салфетку, рассыпав хлебные крошки со своей тарелки.

– Я нахожу, что с его стороны писать вам – очень дерзкий и лицемерный поступок.

– Боюсь, вы слишком несправедливы к нему. Он признает свой грех в полной мере, как вы того и желаете. Он утверждает, будто «обеспокоен тем, что может причинить вред вашим любезным дочерям» и в самом деле «умоляет попросить за это прощения». Воистину, он заявляет о своей «готовности сделать все возможное, чтобы загладить свою вину, но об этом позже».

– Что он хочет этим сказать? – спросила миссис Беннет, немного успокоившись. – Я не стану отговаривать его, если он собирается сделать что-то важное для девочек.

– Там много всего... гораздо больше того, что я прочитал, но по этой теме ничего. Он много рассказывает нам о том, как ему посчастливилось обеспечить себе достойную жизнь в Кенте, и о том, что он в долгу перед «щедростью и благодеяниями» своей достойной покрови-

вительницы, «достопочтенной леди Кэтрин де Бер, вдовы сэра Льюиса де Бер». К этой даме, сообщает он нам, он всегда будет стремиться «относиться с благодарным уважением».

Мистер Беннет сложил письмо и постучал им по столу.

– Мы можем ожидать этого дружелюбного молодого человека сегодня в четыре часа. Я с нетерпением жду возможности с ним познакомиться.

– По-моему, он просто чудак, – заявила Элизабет. – Не могу разобрать, каков он. Может ли он оказаться разумным человеком, сэр?

– Нет, моя дорогая, не думаю, что может. В его письме присутствует смесь подобострастия и сомнений, что очень ярко о нем говорит. Мне не терпится с ним повстречаться.

Мистер Беннет с чувством неподдельного предвкушения оглядел сидящих за столом, и Мэри ощутила укол сочувствия к несчастному мистеру Коллинзу. Его намерения казались ей благородными, хотя, возможно, и не очень удачно преподнесенными.

– Если смотреть в целом, – предприняла она попытку высказаться, – его письмо не кажется совершенно неправильным. Сама идея оливковой ветви, возможно, не совсем нова, но я полагаю, что она хорошо выражена.

Ее слова не произвели никакого впечатления. Разговор вновь с шумом продолжился, так как вероятные мотивы визита мистера Коллинза обсуждались с превеликим энтузиазмом, что, в общем-то, было не слишком к его чести.

– Похоже, мы не можем ожидать ничего плохого от его приезда сюда, – продолжила Мэри, повышая голос, чтобы перекрыть шум. – Правильно ли осуждать его еще до знакомства?

Никто ее не слушал. Через некоторое время Мэри встала, аккуратно поставила стул на место, почтительно кивнула родителям и вышла из-за стола. Идя по коридору, она все еще слышала за спиной разговоры членов семьи. В ее голове промелькнула мысль, что, вероятно, никто даже не заметил ее отсутствия.

Позже в тот же день объект дискуссии прибыл точно в назначенное время. Это был высокий, грузный молодой человек лет двадцати пяти, выглядевший торжественно и солидно. Его голос звучал несколько громче, а манеры были чопорнее и официальнее, чем того требовала семейная обстановка. Но чем больше он говорил, тем больше нравился хозяевам. Миссис Беннет была в восторге от того, что к ней обращались со всем почтением, которое, по ее мнению, весьма ей подобало, в то время как мистер Беннет оказался в равной степени польщен, обнаружив, что их гость во всех отношениях так же нелеп, как он и надеялся.

Комплименты мистера Коллинза своим прелестным кузинам – а именно его радость от того, что он открыл для себя их красоту, которая превзошла даже самые восторженные о них отзывы, и его убежденность в том, что они должны быть очень быстро и выгодно выданы замуж, – оказались не очень по вкусу тем, кому эти комплименты были адресованы. Однако эти слова стали музыкой для ушей их матери, хотя та и не смогла сдержаться, чтобы не отметить свое сожаление по поводу того, что у них нет подходящего приданого, «поскольку все устроено таким странным образом».

– Вероятно, вы намекаете, – пробормотал мистер Коллинз, – на наследство этого поместья?

– Да, сэр. Это очень неприятная ситуация.

– Я мог бы многое сказать по этому поводу, – заметил он, ухмыляясь своим кузинам особенно лукаво и раздражающе, – но остерегаюсь показаться напористым и опрометчивым. Но я могу заверить юных леди, что пришел сюда, готовый восхищаться ими! Сейчас я не скажу ни слова более, но, может быть, когда мы познакомимся поближе...

Джейн и Элизабет сурово отвернулись, а Китти и Лидия даже не пытались скрыть свою скуку. И только Мэри смотрела на мистера Коллинза с любопытством. Нельзя было отрицать, что он не производил особого впечатления. В нем не было ни чванства офицеров, которыми так восхищались Китти и Лидия, ни жизнерадостной теплоты мистера Бингли. И уж конечно,

мистер Коллинз не обладал природной серьезностью мистера Дарси и теми властностью и уверенностью, которые внушали почтение, где бы тот ни появлялся. Глядя, как гость разговаривает с их матерью, восхищаясь убранством комнат, изяществом мебели и цветом занавесок, Мэри не могла не признать его глуповатым. Мистера Коллинза радовало все – казалось, он не понимал, где кончается признательность и начинается лесть. И все же, несмотря на всю его угодливость, попытки быть любезным часто проваливались. Он, казалось, не замечал, что миссис Беннет не нравится, когда ее диваны сравнивают с теми, которые его уважаемая покровительница, леди Кэтрин де Бер, поставила в своей второй по красоте утренней гостиной. Лучше бы он поменьше говорил и побольше думал, размышляла Мэри, но по мере того, как мистер Коллинз продолжал, она понимала: такого никогда не случится. Порицая самого себя, он находился в полном неведении о том плохом впечатлении, которое производил на окружающих. Мэри начала испытывать опасения по поводу того, как их гость поведет себя за ужином. Мистер Коллинз предложил ее отцу такую заманчивую возможность поупражняться в остроумии, что она не могла представить себе, при каких обстоятельствах мистер Беннет мог бы от нее отказаться.

– 22 –

За обедом мистер Беннет на удивление почти не разговаривал. Он позволил себе лишь едва заметную улыбку, когда мистер Коллинз, расхваливая еду с той же экстравагантностью, с какой он восхищался всеми другими отличительными признаками дома, спросил, кому именно из своих прекрасных кузин он обязан стряпней. Миссис Беннет ответила, с некоторой резкостью в голосе, что они вполне могут держать кухарку и ни одной из ее дочерей нечего делать в кухне. Пристыженный мистер Коллинз поспешил загладить свою вину и продолжал делать это еще долгое время после того, как миссис Беннет сочла себя успокоившейся. Мэри показалось, что гость потратил целых пятнадцать минут на извинения, в то время как все остальные смущенно смотрели в свои тарелки. Но, как только все было убрано и слуги удалились, она увидела, что лицо отца приняло выражение вежливого интереса, – и тот посвятил себя приятной задаче разоблачить как можно больше недостатков своего гостя, прежде чем принесут кофе. Начал мистер Беннет с того, что заметил: мистеру Коллинзу, по-видимому, очень повезло с покровительницей. Не мог бы он рассказать им еще что-нибудь о леди Кэтрин де Бер, которая, по всей видимости, так заботилась о его комфорте и благополучии?

Лучшего предмета для разговора было не придумать. Мистер Коллинз оказался красноречив в похвалах, превознося любезность и снисходительность своей покровительницы; ее одобрение его проповедей; ее великодушие, которое она проявляла, приглашая его на обеды; ее необычайную учтивость в том, что иногда в субботу вечером она просит его составить ей партию в кадрили, когда другой джентльмен разочаровывает ее. Для леди ее уровня подобное поведение было столь же исключительным, сколь и приятным. Она даже сочла нужным побывать в его скромном пасторском доме и одобрила все изменения, которые он в него внес, хотя и была достаточно вежлива, чтобы сообщить ему, что в шкафах на верхних этажах требовалось больше полок.

По мере того как мистер Коллинз неуклюже продолжал свой рассказ, жалость, которую Мэри начала испытывать к нему, росла. Она понимала, что сестры уже поставили на нем крест. Мэри не могла бы сказать, что сама находила кузена достойным восхищения, но она знала, каково это – слышать, как твои слова встречают с недоумением, презрением или безразличием. Ее симпатия к нему возрастала, даже когда он, казалось, решительно ухудшал свое положение.

– Леди Кэтрин кажется гораздо приятнее многих знатных дам, – заметила миссис Беннет. – Правильно ли я понимаю, сэр, что она вдова и у нее есть дочь?

Мистер Коллинз признал, что это правда.

– Какая она, эта молодая леди? Ее считают очень красивой?

К несчастью, отвечал мистер Коллинз, мисс де Бер не обладала крепким здоровьем, которое обычно считается необходимым для красоты, но, как он часто уверял леди Кэтрин, ее внешность отличалась утонченностью, свойственной молодой женщине знатного происхождения.

– Представлена ли она ко двору, сэр?

– К сожалению, слабое здоровье не позволяет ей находиться в городе, – объяснил мистер Коллинз. – Как я уже говорил леди Кэтрин, это несчастье лишило британский двор ярчайшего украшения.

Он огляделся, довольный собой так же, как и своей ремаркой.

– Я всегда рад выразить маленькие деликатные комплименты, которые так приятны дамам.

Мэри на мгновение закрыла глаза. Теперь его судьба решена. Она увидела, как отец выпрямился на стуле.

– Я не раз говорил леди Кэтрин, что ее дочь родилась герцогиней, – продолжал мистер Коллинз. – Это те мелочи, которые доставляют удовольствие ее Светлости.

– Ваши суждения очень верны, – сказал мистер Беннет. – Могу я спросить, проистекают ли эти приятные знаки внимания из сиюминутного импульса или они являются результатом предварительных занятий?

– Они возникают главным образом из того, что происходит в настоящее время, – ответил мистер Коллинз, – и хотя я иногда развлекаюсь сочинением изящных маленьких комплиментов, я всегда хочу придать им как можно более неожиданный вид.

Мистер Беннет кивнул, обрадованный тем, что его кузен оказался настолько смехотворным, насколько ему хотелось. Ничто в чертах его лица не выдавало полученного удовольствия. Кроме пары взглядов на Элизабет, он ничем не выдал своих чувств. Сам мистер Коллинз совершенно не осознавал, какой приговор ему вынесли, и поднял бокал, счастливо не замечая никакого неодобрения. Однако Мэри испытывала стыд. Казалось бесчестным так обращаться с гостем, даже если он оказался таким нелепым и глупым, как мистер Коллинз.

Когда они встали из-за стола и направились в гостиную, чтобы выпить еще кофе, Мэри попыталась сказать несколько добрых слов кузену, чтобы хоть как-то вознаградить его. Прошло ли его путешествие хорошо и не слишком ли он устал? Был ли он ранее в Хартфордшире? Тот отвечал небрежно, ища глазами место поближе к Джейн. За ужином мистер Коллинз улыбался старшей сестре Беннет с теплотой, которая не была встречена взаимностью, однако, казалось, вовсе не замечал холодности объекта своего внимания. Когда разговор за столом иссяк и все исчерпали запас пустой вежливости, мистер Беннет предложил гостю развлечь их чтением вслух. Мистер Коллинз охотно согласился, и, после недолгого осмотра полок и тумбочек, книга была выбрана. Однако, когда ее вручили мистеру Коллинзу, тот взглянул на нее с презрением. Мэри увидела, что это последнее произведение, что читала их мать, позаимствованное из передвижной библиотеки.

– Прошу прощения, но, боюсь, мне придется вас огорчить. Я никогда не читаю романов. Быть может, у вас есть что-нибудь еще?

Мэри с надеждой взглянула на кузена. Возможно, его литературные вкусы были ближе к ее, чем к ее матери? Последовала суматоха, пока разыскивали новые книги, и вдруг до Мэри подумала, что гостю может понравиться что-то из ее любимых произведений. Поспешив принести книгу с ее привычного места, она быстро передала ее мистеру Коллинзу, прежде чем тому была предложена какая-либо альтернатива.

– Быть может, эта книга более соответствует вашим вкусам, сэр?

– Ах да, «Проповеди» Фордайса! – одобрительно ответил гость. – Весьма верный выбор!

Мэри опустила глаза и улыбнулась, пытаясь скрыть гордость, пока мистер Коллинз открывал знакомые ей страницы и приступал к чтению. Он читал книгу именно так, как и следовало того ожидать – медленно, важно и с преувеличенной торжественностью. Мэри была взволнована, услышав хорошо известные ей фразы, прочтенные вслух без иронии или презрения. По мере того, как голос гостя звучал все громче, она начала размышлять, не было ли у них с кузеном других общих интересов – читал ли он «Проповеди» Блэра или, быть может, даже что-то из произведений епископа Беркли? Как волнующе было бы обсудить их с единомышленником! Ее мысли оказались так заняты этими огромными возможностями, что она не заметила, как Лидия заерзала от скуки на другом конце комнаты, и внезапное восклицание сестры стало почти таким же большим сюрпризом для самой Мэри, как и для мистера Коллинза.

– А вы знаете, мама, что наш дядя Филлипс поговаривает о том, чтобы прогнать Ричарда, и если он это сделает, то его наймет полковник Фостер? Завтра я отправлюсь в Меритон, чтобы побольше об этом разузнать.

Две старшие сестры тут же попросили Лидию придержать язык, а миссис Беннет принялась горячо извиняться. В действительности только Мэри искренне сожалела, что продол-

жения не последует, поскольку мистер Коллинз был серьезно оскорблен и закрыл книгу, обиженно нахмурившись.

– Я часто замечаю, сколь мало интересуют молодых леди книги серьезного содержания, хотя и написанные исключительно для их пользы. Признаюсь, это меня удивляет.

Как раз в этот момент наконец подали кофе, и, пребывая в совершенном смятении от сложившейся ситуации, Мэри наклонилась к мистеру Коллинзу и попыталась успокоить его оскорбленное достоинство:

– Мне очень жаль, что вы не закончили ваше чтение, сэр. Я большая поклонница доктора Фордайса и много раз читала его проповеди. Знаете ли, ведь это мой экземпляр.

– Рад слышать, что одна из вас заинтересована в рациональных наставлениях. Несомненно, ничто так не благотворно для юных леди, как хорошо выверенное чтение, хотя не все склонны ценить его важность.

Он бросил оскорбленный взгляд на Лидию, которая, поглощенная тихим, доверительным разговором с Китти, ничего не замечала. Мэри не сдавалась.

– Раз уж вы так высоко цените доктора Фордайса, мне бы очень хотелось услышать, какие другие авторы вам нравятся. Не все молодые женщины равнодушны к произведениям серьезного характера. Я очень хочу отыскать для себя другие книги, которые могут быть полезны.

– Это очень похвально с вашей стороны, и я рад это слышать. Но я надеюсь, вы простите меня, если наш разговор будет отложен на более позднее время. Если позволите, я собираюсь предложить себя вашему превосходному отцу в качестве партнера по наработкам. Полагаю, что больше не смогу быть полезен дамам.

Отвесив легчайший заискивающий поклон, мистер Коллинз ушел.

В ту ночь, лежа в постели, Мэри прокручивала в голове события прошедшего дня. Без сомнения, их гостя нельзя было назвать приятным человеком. Его манеры были напыщенными, горделивыми, а за то короткое время, что он провел в их обществе, кузен сделал все мыслимое и немыслимое, чтобы выставить себя на посмешище. И все же, несмотря на все его недостатки – или, возможно, даже из-за них, – тот проблеск сочувствия, которое Мэри испытывала к нему, когда мистер Беннет поощрял мистера Коллинза демонстрировать все более изобличающие доказательства своей глупости, не угас полностью. Ей казалось, что под его натянутой и искусственной манерой держаться ей удалось уловить что-то неопределенное – нервозность, скрытую за ухмылкой. Он не был в ладах с самим собой, и Мэри никак не могла отделаться от чувства жалости. Она знала, каково считать себя не на своем месте и всегда ошибаться, и полагала, что то же самое происходит и с ним.

Его выбор Фордайса лишь усилил чувство родственности душ. Правда, мистер Коллинз не воспользовался случаем, чтобы обсудить с ней другие произведения подобного рода, а Мэри вынуждена была признать, что его манера говорить отнюдь не демонстрировала наличие у него острого и блестящего интеллекта.

Но, возможно, во время его пребывания здесь она сможет узнать больше о его вкусах. Они могли бы читать вместе и обсуждать прочитанное в конце тихих утренних занятий. Она представляла, как мало-помалу завоевывает его доверие, поощряет его думать о ней как о партнере в серьезных стремлениях.

Внезапно Мэри с удивлением осознала, в каком направлении движутся ее мысли. Возможно ли, что она рассматривала мистера Коллинза в качестве возможного жениха? Она оказалась потрясена и немного пристыжена. Она не собиралась думать о нем в подобном свете, но все же не могла отрицать, что такая перспектива начала вырисовываться у нее в голове. О чем она только думала? Она познакомилась с ним всего несколько часов назад, а его личность едва ли могла увлечь или заинтересовать ее. Да, она действительно сожалела о том, как обошлись ее родственники с ним и, конечно же, с Фордайсом. Но ведь общего пристрастия к литературе было явно недостаточно, чтобы начать думать о нем как о потенциальном муже?

Шарлотта, безусловно, посмеялась бы над ее опасениями, заявив, что пара, объединенная общими интересами, имеет такой же хороший шанс обрести счастье, как и любая другая, а признание трудов доктора Фордайса может стать более прочной основой для брака, чем бурная влюбленность. Рациональный ум Мэри видел смысл таких доводов, но когда она применила их к себе и мистеру Коллинзу, ее дух дрогнул. Она думала, что со временем научится жить с человеком, которого не любит, если именно такая судьба была ей предназначена. Возможно, она станет так же хороша в том, что касается практических преимуществ союза без любви, как и Шарлотта. Однако она не была уверена, что сможет вечно оставаться связанной с мужем, которого не уважала. Брак ее родителей, который всегда был у нее перед глазами, слишком ясно демонстрировал печальные последствия такого выбора. Туда, где не было настоящего уважения, приходили впоследствии презрение и горечь. Если она всерьез рассматривала мистера Коллинза как спутника жизни, то должна была найти в нем что-то стоящее, иначе ей вообще не следовало о нем думать.

Поначалу это казалось нелегкой задачей. Когда Мэри вспомнила, какими всевозможными способами он унижался в течение целого вечера, ее сердце упало. Но она заставила себя думать более хладнокровно, попытаться отбросить первые впечатления, которые он произвел, и, благодаря небольшим усилиям, ее решимость в конце концов оказалась почти равной вызову.

Взглянув на мистера Коллинза бесстрастно, можно было бы утверждать, что ни один из его грехов не был таким уж ужасным. Да, их гость оказался смешон и глуповат, но, судя по всему, не был порочен или ущербен. Не было никакого скандала, связанного с именем кузена, он не был ни пьяницей, ни должником, а в его характере не крылось и намека на пристрастие к насилию. Большинство его недостатков, думала Мэри, заключалось в том, как он представлял себя миру. Быть может, это не такое уж тяжкое преступление? Он был еще молод, а его ошибки не нуждались в исправлениях и изменениях. Какие-то из худших качеств могли быть исправлены со временем, в особенности, попади он под влияние разумной женщины. Под ее мягким управлением он мог бы научиться некоторой сдержанности. Поощряемый ее деликатностью, он мог бы приобрести некоторое достоинство, и руководимый ее вкусом, он смог бы, возможно, стать тем человеком, к которому жена могла бы в конце концов почувствовать если не любовь, то по крайней мере некоторое подобие уважения.

А если мистер Коллинз мог стать лучше, почему бы ей не стать той, кто стимулирует его перевоплощение? Ни одна из ее сестер не была готова взять на себя такую задачу, да и не смогла бы ее выполнить. Мэри была единственной из Беннетов, кто, приняв мистера Коллинза, могла бы дать ему возможность превратиться в более разумное существо. Она поерзала в постели, понимая, куда ведут ее мысли. Быть может, это было ее долгом – выйти замуж за мистера Коллинза и спасти его от самого себя?

Безусловно, став его женой, она обеспечила бы ему безопасное будущее, как и самой себе. В качестве миссис Коллинз она бы чувствовала себя в комфорте и безопасности. В то же время она заполучила бы самую большую награду, ибо брак с ним сохранит собственность в руках семьи и навсегда устранил нависшую над всеми сестрами тень передачи наследства в чужие руки. Лежа в темноте, Мэри горько усмехнулась, представив себе реакцию матери, когда та поймет, что именно самой нелюбимой дочери, которой она пренебрегала, она будет обязана своей счастливой старостью. Это был бы тот триумф, который сильно оскорбил бы миссис Беннет. Уже одно это делало перспективу брака с мистером Коллинзом почти стоящим делом.

Мэри перевернулась, не в силах успокоиться, и энергично взбила подушку. Все это просто прекрасно, но каковы были ее шансы заполучить мистера Коллинза? Не оставалось никаких сомнений, что он готов жениться. Он намекнул миссис Беннет, что таковы были его намерения. Само его присутствие в Лонгборне говорило о том, что он склонен сделать выбор в пользу одной из своих пяти кузин, но Мэри была достаточно честна с собой, чтобы признать:

не имелось никаких оснований полагать, будто мистер Коллинз отдаст предпочтение именно ей. Его внимание привлекло прелестное личико Джейн. Однако затем Мэри вспомнила слова Шарлотты о том, что предпочтение мужчины может быть изменено женщиной, действительно решившей завоевать его. Будь здесь Шарлотта, она сказала бы Мэри, что ее задача ясна: она должна сообщить о своей готовности вступить в брак любыми средствами, льстя гордости мистера Коллинза и укрепляя его самоуважение, направляя его шаг за шагом к осознанию того, что она и только она одна является для него единственным разумным выбором.

Пока Мэри перебирала все это в уме, ей казалось, что бесстрастные рассуждения – наподобие тех, которые так настойчиво отстаивала Шарлотта и все ее любимые авторы, – не допускали никаких сомнений. Выйти замуж за мистера Коллинза было самым разумным решением. Оба они выиграли бы от такого союза. Он мог предложить ей побег от неопределенной судьбы, возможность уютного дома и спасение финансового положения ее семьи. Она же обещала ему сочувственный нрав, интерес к серьезным предметам и надежду, что, взяв под контроль его худшие качества, она позволит ему представить миру более приятную личность.

Но даже когда Мэри хвалила себя за ясность мышления, что-то внутри нее сопротивлялось, а сердце ее отвергало выводы, к которым так легко пришел разум. Неужели она действительно воображала себя женой мистера Коллинза? Что, если она ошиблась и лучшей версии мистера Коллинза ей так и не удастся обнаружить? Сможет ли она провести свой век привязанной к мужчине, который не умеет открыть рта, не вызвав насмешек? Даже если бы у Мэри получилось бы выманить его предложение, была ли хоть какая-то возможность у них сделать друг друга сколько-нибудь счастливыми? Жалость и стремление к собственной выгоде с ее стороны вкупе с невежеством и наивностью с его казались очень хрупкими основаниями для совместной жизни, что бы там ни говорила Шарлотта.

Неожиданно в сознании Мэри возник образ Джона Спарроу, протягивавшего руку, чтобы пригласить ее на танец на балу в Меритоне. Она помнила, как они взаимно улыбались, как их застенчивость растворялась в удовольствии, которое они находили в обществе друг друга. Держа в руках ее маленькую сумочку, он предложил вынуть очки и протереть их манжетой своей рубашки, когда этого никто не увидит. Оба они тогда рассмеялись, а затем снова пустились в пляс.

Жизнь с мистером Коллинзом никогда не будет такой, подумала Мэри, но вряд ли она вновь повстречает Джона Спарроу – человека, который впервые в жизни заставил ее почувствовать себя свободной и беззаботной. Эти несколько счастливых часов с ним были всего лишь мелочью, которую так быстро заглушили насмешки окружающих и ее собственная робость, сказала себе Мэри. Однако это дало ей представление о том, что такое счастье, а такое оказалось сложно забыть. Теперь все кончено. Все мертво и зарыто так глубоко, чтобы уже никогда не повторится. Джон Спарроу находился за много-много миль отсюда и не собирался возвращаться. Отрицать это было бессмысленно. Прошло совсем немного времени с тех пор, как она сама уверяла Лиззи, что каждый порыв чувств должен руководствоваться разумом. Теперь Мэри должна была применить этот урок к самой себе. Ее выбор был невелик и слишком важен, чтобы поддаваться влиянию неуправляемых эмоций. Ее проводником должен стать разум, а не чувства.

– 23 –

Утром, когда Мэри втыкала в волосы шпильки, пытаясь хоть как-то укрепить прическу, миссис Хилл тихонько вошла в ее комнату.

– Вы познакомились с кузеном.

– Да, это так.

– И что же вы о нем думаете? Что он за человек?

– Боюсь, у него не так уж много друзей в этом доме. Мои сестры считают его скучным, а отец решил, что он небольшого ума, но прошу вас, не повторяйте этого.

– А что же вы, мисс? Мне интересно ваше мнение о нем.

Мэри уставилась в зеркало. Ее усилия по поводу прически не оправдались. Не говоря ни слова, миссис Хилл взяла щетку, вытащила из головы Мэри шпильки и распустила ее волосы. Пока она это делала, Мэри решила высказаться настолько откровенно, насколько только могла. Она доверяла миссис Хилл и считала, что это поможет ей сформулировать свои мысли.

– Временами он действительно кажется нелепым, – начала она, – но я не верю, будто в нем есть что-то порочное. Думаю, он нерешителен и неуверен в себе, и это делает его склонным говорить слишком много без всякой пользы. Он верит, что его лесть понравится тем, кому он ее посвящает, но результат часто оказывается прямо противоположным.

– Значит, вы его жалеете?

– Немного. Мистер Коллинз – такая соблазнительная мишень для насмешек моего отца, что невозможно не испытывать к нему хотя бы некоторого сочувствия. Хотя, признаюсь, никто, кроме меня, не считает так же.

Миссис Хилл умело скручивала волосы Мэри в гладкий узел и надежно закрепляла его на затылке.

– Значит ли это, что вы можете смотреть на него... с дружелюбием?

– Это очень прямой вопрос.

– Я уверена, вы понимаете, что я имею в виду, – невозмутимо отвечала миссис Хилл. – Я хотела бы знать, думали ли вы о нем... в супружеском смысле. Он выражается как начитанный человек, и он уже испросил разрешения пользоваться библиотекой. Ваша мать желает, чтобы я проследила, чтобы сегодня утром ее вычистили от пыли. У вас могли бы быть общие книги. Он не из тех показных джентльменов... Не из тех, что ценят хорошенькое личико превыше всего остального.

Мэри взяла с туалетного столика зеленую с золотом ленту и принялась рассеянно перебирать ее пальцами.

– Вы говорите так, но в действительности он не сводил глаз с Джейн с тех пор, как приехал.

– Ну, мы знаем, что ее мысли далеки от мистера Коллинза, и, вероятно, в этом отношении ничего не изменится.

– Если Джейн откажет ему, я уверена, что следующей, о ком он подумает, будет Элизабет. Я стала бы лишь вынужденным третьим вариантом.

– Я ни слова на это не отвечу – вы же знаете, мне грустно слышать, что вы так суровы к себе. Однако я сомневаюсь, что Элизабет примет его предложение. У вас все еще есть шанс. Хотите, я вплету эту ленту вам в волосы?

Мэри удивленно взглянула на полоску ткани, будто не замечала раньше, что держит ее в руке.

– О нет, не думаю. Она для меня слишком яркая. – Мэри поспешно опустила ленту обратно на туалетный столик. – Но даже если бы мистера Коллинза удалось уговорить сделать мне предложение, какого счастья, по-твоему, я могла бы ожидать от брака с ним?

Миссис Хилл задумчиво рассматривала свою работу, втыкая последнюю шпильку в волосы Мэри.

– Говорят, брак – это лотерея. Никто не знает, выиграл ли, пока не станет слишком поздно. – Она протянула Мэри маленькое зеркальце, чтобы та могла увидеть прическу сзади. – Но, что бы вы о нем ни думали, став его женой, вы станете и владелицей Лонгборна, а это стоит принять во внимание, не так ли?

Мэри уставилась в зеркало, рассматривая свои аккуратно уложенные волосы.

– По-моему, – заключила миссис Хилл, – у вас не меньше шансов выйти за него, чем у всех остальных. Вам следует хорошенько подумать, прежде чем позволить кому-то другому увести его из-под носа. Такой человек, как он, какими бы мелкими недостатками ни обладал, не будет свободен всегда.

Она опустила расчески и, высказав то, что собиралась, вышла из комнаты. Несколько секунд Мэри сидела неподвижно, размышляя, потом встала и накинула на себя шаль. Сделав это, она почувствовала, как прядь ее волос соскользнула вниз. Разозленная, Мэри воткнула шпильку в прическу с такой силой, что, пока она спускалась вниз к завтраку, у нее разболелась голова. Мэри вышла в холл как раз вовремя, чтобы увидеть, как миссис Беннет выплывает из гостиной вслед за мистером Коллинзом. Тот выглядел смущенным, но довольным собой, а ее мать казалась взволнованной, как будто едва могла сдержать то, что только что узнала.

Во время ужина она улыбалась мистеру Коллинзу, подавая ему самые горячие булочки, масло и джем. Мэри пристально наблюдала за кузенком – ей казалось, она догадывается о содержании разговора, который так взволновал и его, и миссис Беннет. Должно быть, он рассказал ей о своих намерениях. Дрожь предчувствия пробежала по телу, когда Мэри поняла, что это означает. Теперь ей предстояло решить, последует она за своим разумом или за сердцем, прислушается ли к побуждениям долга и эгоизма или заткнет уши и будет надеяться на лучшее, вопреки всему. Прошло совсем немного времени прежде, чем она приняла решение. Мэри не сказала ни слова, пока все не ушли и они с матерью не остались наедине. Пока миссис Беннет лениво возилась с остатками тоста, Мэри встала и осторожно прикрыла дверь.

– Прошу прощения, мэм, но могу я вас кое о чем спросить?

Миссис Беннет рассеянно кивнула.

– Как вы полагаете, мистер Коллинз приехал сюда просить руки одной из нас?

Мать удивленно подняла на нее глаза.

– Почему ты спрашиваешь об этом? Ты что, подслушивала под дверь?

– Что вы, ни в коем случае. Он обронил несколько намеков, которые позволили мне предположить, что таковы его намерения.

– Если и так, то какое это имеет отношение к тебе? Я не совсем понимаю, зачем ты устраиваешь подобный допрос.

Мэри изо всех сил пыталась собрать в себе всю уверенность, которой вовсе не ощущала.

– Я очень много думала об этом, и мне кажется, что из всех моих сестер я могла бы стать для мистера Коллинза самым разумным выбором. Я полагаю, наши интересы совпадают. Мы оба серьезно настроены и вполне можем подойти друг другу. Простите, что говорю так дерзко, но я постаралась обдумать ситуацию как можно более рационально, прежде чем обсудить это с вами.

В конце фразы голос Мэри слегка задрожал, но сама она не дрогнула.

Миссис Беннет безмолвно взглянула на дочь. Дар речи, казалось, на мгновение покинул ее.

– Что ж, ты, безусловно, полна сюрпризов. Но ты права, мистер Коллинз действительно собирается сделать предложение одной из вас. Он сказал мне об этом сегодня утром. Конечно, первой кандидаткой на роль его жены была Джейн, но, как я ему объяснила, у меня есть все

основания полагать, что вскоре она будет помолвлена с джентльменом высокого положения и состояния.

Миссис Беннет улыбнулась. Сама мысль о таком счастливом событии доставляла ей невероятное удовольствие.

– Я предложила ему возложить свои надежды на Лиззи, и он, похоже, был весьма доволен подобной альтернативой.

– Но разумно ли это? Не думаю, что есть хоть малейший шанс, что Лиззи примет его предложение. Их взгляды слишком далеки друг от друга. Она не торопится выходить замуж и вправе рассчитывать на множество других предложений.

Миссис Беннет начала злиться.

– Если он не смог сделать предложение Джейн, то пожелал заполучить Лиззи, и это был не лучший момент, чтобы предлагать альтернативы. Что же мне было делать, кидать его от одной к другой, как какой-то мешок с вещами? Уверена, он никогда бы не подумал о тебе – твое имя вообще не упоминалось в нашем разговоре.

Мэри вздрогнула. Шпилька, которую она так неуклюже воткнула себе в голову, причиняла ей боль, но сейчас было не время ее поправлять.

– Простите, если я вас рассердила, – продолжила она. – Я не хотела заявлять о своих правах на что бы то ни было. Я знаю, что не обладаю привлекательностью Джейн или Лиззи. Но я решила, что, поскольку я единственная из сестер, кто может смотреть на мистера Коллинза с благосклонностью, было бы разумно обратить его внимание на меня. Если бы он сделал мне предложение, я была бы обязана его принять. Это сохранило бы Лонгборн в руках нашей семьи, не говоря уже о том, что лишило бы вас самой неприглядной на выданье дочери. Исключительно таковы и были мои мотивы, когда я завела эту беседу.

Миссис Беннет это несколько не успокоило.

– Великолепно сказано, но не думаю, что Лиззи откажет мистеру Коллинзу. Я намерена сделать так, чтобы этого не произошло, а потому и в запасной невесте нет никакой необходимости. Ты не должна вмешиваться в дела, которые тебя не касаются, и я категорически запрещаю тебе рассказывать о нашем разговоре Элизабет. Откровенно говоря, Мэри, я поражена твоей самонадеянностью.

Миссис Беннет встала, негодуяще подобрав перед собой юбку.

– Я не желаю больше слышать от тебя ни слова на эту тему. И еще, твои волосы растрепались на затылке. Будь добра привести их в порядок.

Когда мать ушла, Мэри налила себе чаю. Поначалу ее рука слегка дрожала, но, поднося чашку ко рту, девушка уже почувствовала себя спокойнее. Слова миссис Беннет очень шокировали ее. Мэри знала, что мать и не надеялась выдать ее замуж так же удачно, как и остальных дочерей, однако до сих пор не осознавала, сколь мало места вообще занимала в планах миссис Беннет на будущее. Казалось, для нее все было безнадежно. Она не заслуживала никакого внимания, не годилась даже на роль утешительного приза для разочарованного мужчины. Если и требовались доказательства правоты Шарлотты по поводу того, что молодая женщина должна неуклонно следовать своим собственным интересам, то сегодня утром они, несомненно, были налицо. Мэри слышала, как слуги ждут снаружи, чтобы убрать со стола, и знала, что пора уходить. На какое-то мгновение, вставая со стула, она подумала, что отказ матери на самом деле был скрытым благословением. Ей дали возможность подумать еще раз, от нее не требовалось слишком стараться, чтобы угодить человеку, которого она едва знала и не была уверена, что сможет его полюбить. Однако эту мысль Мэри быстро похоронила. Альтернативы мистеру Коллинзу не было – даже миссис Хилл говорила об этом. Глупо было думать, что некрасивая сестра Беннет заслуживает чего-то другого. Если мать не хотела помочь ей заполучить его, то она сделает это сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.